

2

2014

РОСССНЯ XXI

2.2014 март-апрель

Теория и практика политических игр

Сергей Кургинян

Воля народа
и митинговая демократия _____ **6**

Ярлыки и мифы

Владимир Дегоев

«Темные» тысячелетия
кавказской истории _____ **26**

Страницы истории

Валерий Журавлев

Первая мировая война в человеческом
измерении: власть и общество _____ **62**

Михаил Монастырев

Отречение Николая II и Михаила
Александровича: законность последних
манифестов Романовых (окончание) _____ **96**

РОССИЯ ХХІ

Александр Давыдов

Кочевая и мешочническая Россия:
адаптация народа к катастрофе
гражданской войны _____ 126

Актуальный архив

Оксана Киянская, Давид Фельдман

К истории советской региональной
печати: дымовское дело _____ 162

Contents in English look at the page 192

Редакционный совет

Председатель – Дегоев В.В., доктор исторических наук, руководитель Центра проблем Кавказа и региональной безопасности, профессор МГИМО-Университета МИД России;

Белова О.В., доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН;

Гриневский О.А., доктор исторических наук, чрезвычайный и полномочный посол в отставке, руководитель Центра Европа–США, институт Европы РАН, профессор РГГУ и МГИМО;

Журавлев В.В., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новейшей истории России МГОУ, руководитель «Центра документальных публикаций» РГАСПИ, лауреат Государственной премии РФ;

Княнская О.И., доктор исторических наук, профессор кафедры литературной критики факультета журналистики РГГУ;

Либих Андре, профессор истории, школа международных исследований, Женева, Швейцария;

Мальков В.Л., доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, руководитель научного Центра историко-теоретических исследований Института всеобщей истории РАН;

Милюков В.В., доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии РАН;

Панин В.Н., доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой Международных отношений, связей с общественностью и журналистики Пятигорского Государственного Лингвистического Университета;

Розенберг Уильям, профессор истории, Мичиганский университет, США;

Розенталь И.С., доктор исторических наук, профессор, главный специалист РГАСПИ;

Фридман Л.А., доктор экономических наук, профессор, руководитель Лаборатории по комплексному изучению Центральной Азии и Кавказа Института стран Азии и Африки при МГУ;

Юрганов А.Л., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Средневековья и раннего Нового времени РГГУ

Журнал «Россия XXI» включен
в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

Редколлегия

Главный редактор – Кургинян С.Е.;
Бялый Ю.В. (заместитель гл. редактора);
Мамиконян Е.Р. (заместитель гл. редактора);
Каравашкин А.В.;
Куриленкова А.А.;
Петрова И.Н.

Требования к статьям, представляемым для публикации в журнале «Россия XXI»

В журнале публикуются оригинальные научные статьи, посвященные вопросам политологии, геополитики, отечественной и зарубежной истории, социологии, экономики, культурологии. Предпочтение отдается актуальным проблемным материалам, связанным с современными социальными процессами, изложению новейших взглядов ученых на прошлое и сегодняшний день России. Редколлегия оставляет за собой право отбора рукописей для публикации. Рукописи рецензируются Экспертным советом. Плата с аспирантов за публикацию статей не взимается.

Представляемая статья должна включать:

Информацию об авторе (фамилия, имя, отчество; ученая степень, ученое звание, место работы и должность, телефон и адрес электронной почты для контактов).

Название статьи.

Аннотацию (500–900 знаков с пробелами).

Классификацию работы по УДК.

Ключевые слова.

Основной текст, включая возможный иллюстративный материал.

Справочный аппарат, оформленный в соответствии с требованиями ГОСТ.

Объем статьи, включая справочный аппарат, от 20 до 60 тысяч знаков с пробелами. Публикация большего объема возможна в двух–трех номерах журнала.

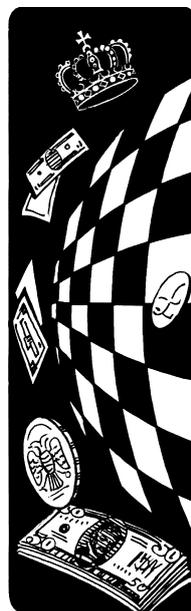
Статья представляется в редакцию на электронном (MS Word) и бумажном (1 экз., подписанный автором) носителях.

Эпоху можно считать законченной,
когда истощились
ее основополагающие
иллюзии.

Артур Миллер

**Кто ищет в свободе что-либо,
кроме самой свободы,
создан для рабства.**

Алексис де Токвиль

Сергей Кургинян

**ВОЛЯ НАРОДА
И
МИТИНГОВАЯ
ДЕМОКРАТИЯ¹**

УДК
32.019.5

The interview is dedicated to the current events in Ukraine. De-Banderization of Ukraine is inevitable. It will occur much along the lines of denazification, and Western assistant will not help. These assistants initially provided help even to Hitler. The end of that story is well known. Therefore, right now the main thing is to see the truth, shake oneself free from the spell of the Ukrainian nazi propaganda. It is necessary to understand fully the goodness, totality and happiness of the choice made by the Crimean people.

Ключевые слова: дебандеризация; Крым; митинговая демократия; нацизм.

Key words: de-Banderization; the Crimea; the meeting democracy; Nazism.

E-mail: ecc@ecc.ru

¹ По материалам выступления Сергея Кургиняна в программе «Актуально» на Первом севастопольском телеканале 19 марта 2014 года. Ведущая программы Елена Маркина.

Елена Маркина. Сергей Ервандович – советский и российский политический деятель. Я обязательно решила проговорить, что советский и российский, чтобы было понятно, какой длительный отрезок времени Вы занимались и политикой, и политологией. Ну и очень приятно добавить, что при этом Вы театральный режиссер и в данный момент лидер Всероссийского общественного движения «Суть времени». По роду Вашей деятельности Вам приходилось и лично бывать в горячих точках, и наблюдать из-за рубежа за событиями. И делать анализ всего происходящего. Сегодня Вы свидетель того, что происходит в Украине. Вы знаете, во что превратили столицу Украины. Как Вы можете охарактеризовать эту ситуацию?

Сергей Кургинян. Прежде всего, я должен сказать, что движение «Суть времени» международное, и в частности – украинское. Там есть наши ребята, которые уже дают гражданский отпор бандеровским силам и силам политического и всяческого беззакония. Что я могу сказать о ситуации на Украине? Я человек много повидавший. Например, я очень тесно взаимодействовал с антиваххабитскими силами во время гражданской войны в Таджикистане, был советником Игоря Николаевича Смирнова в Приднестровье во время войны между приднестровцами и молдавскими националистами, которые пытались их подогнуть под себя и заставить смириться с тем, что у них там какая-то то ли молдавская, то ли румынская идентичность. А ведь Приднестровье всегда было абсолютно русской землей. Во всех горячих точках, где я был, я наблюдал достаточно страшные вещи. Я и сейчас изучаю и анализирую те проблемы, которые связаны с контртерроризмом в Индии и других местах. Но то, что я видел в Киеве, меня потрясло и до сих пор воспринимается как дурной сон. Я не мог себе представить, что эти погромы и пожары произошли в европейском, фактически, городе – в городе, который только что еще был таким спокойным, чуть-чуть таким размеренным, таким даже размякшим, благополучным. И вдруг сразу эта страшная судорога.

В связи с этим, конечно, мне хотелось бы многое сказать украинским братьям, потому что для нас Украина – это братская страна. Главное и самое ужасное, что невероятно важно с моей точки зрения, – это портреты Бандеры в государственных зданиях и повсюду. Разговоры о том, что Бандера – отец украинского народа...

Бандера – палач, каратель, преступник. Говорят, что он не был жертвой Нюрнбергского процесса. Но он не был его жертвой только потому, что Нюрнбергский процесс принял решение осуждать только немцев. Потом уже были международные и внутригосударственные трибуналы разного типа. Поляки никогда не забудут того, что творил Бандера, надпись на памятнике жертвам Волынской резни звучит удивительно впечатляюще. Если мне не изменяет память, то так: «Если я забуду о них, ты, Боже на небе, забудь про меня». Страшная формулировка.

Елена Маркина. Страшная, но именно поляки сейчас стыдливо закрывают глаза.

Сергей Кургинян. Да, да, вот это и потрясает. Кроме того, я ненавижу немецкий нацизм. Я никогда не буду, в отличие от некоторых, говорить хоть одно доброе слово в адрес СС, но должен сказать, что эти жестокие «псы войны» – дивизии «Адольф Гитлер» и другие – **воевали** против нас. А бандеровцы – **это каратели**. Это неимоверно подлые и жестокие каратели. Если и дальше будет идти разговор о том, что бандеровцы вообще такие белые и пушистые, придется, к ужасу нашему, придется, к нашей скорби, показывать документальные хроники. А эти документальные хроники чудовищны. От них кровь стынет в жилах. Потому что в них не просто о том, что убивали женщин и детей, а о том, прошу прощения за такую фразу, как именно их убивали.

Елена Маркина. Чуть-чуть хочу развить вашу мысль: солдат – это человек, который с оружием идет против вооруженного человека. Каратель – это тот, кто истязает невооруженного.

Сергей Кургинян. Да. А есть еще одна категория, есть «псы войны», они могут быть даже жестокими, но они не садисты. Они не будут осуществлять особо жестокие убийства, такие, о которых не хочется рассказывать. Показывать хроники этих зверств, которые ужасали немцев, означает практически очень сильно участвовать в репрессивно-психологической войне, а мне не хочется этого.

Но как поляки это могут забыть, как это могут забыть евреи? Я не понимаю лидеров еврейских организаций, которые что-то пишут, то ли так, как писали евреи после прихода Гитлера к власти перед «хрустальной ночью», то ли как писали евреи из Освенцима: «У нас здесь все хорошо, у нас теплое белье, спасибо, у нас хорошее питание». Что они делают? Я вообще не понимаю этих людей.

У меня ощущение, что Яценюк, например, перед лицом этих бандеровцев внутренне содрогается от ужаса по многим причинам. И уже непонятно: он сидит и говорит своим голосом, или у него, прошу прощения, в ухе соответствующий микрофон и из-за кулис ему диктуют все слова, не знаю, кто – Ярош или Сашко Билый. Что там происходит реально?

Но самое главное – взгляд Бандеры. Взгляд палача со стен захваченных государственных(!) зданий. Уже это говорит о том, что все происходящее находится просто на оси зла. Беззаконие вопиющее, вопиющее нечто. Но это еще не все.

Гитлер – невероятный мерзавец, дьявол во плоти и все прочее, но он приходил к власти демократически. Были выборы, у него был какой-то мандат, и на основе этого мандата с ним вели диалог. Я хочу спросить всех: от президента Обамы до поляков и кого угодно еще. На каком основании они сейчас разговаривают с Яценюком и Турчиновым? Кто им выдал мандат? Кто? Им выдала мандат майдановская тусовка, которая представляет собой очевидное меньшинство народа.

Почему никогда уличные действия не должны решать вопрос о выборах? Потому что в уличных действиях всегда участвует меньшинство, они всегда антидемократичны. Когда утверждают: «Смотрите, это воля народа», – я говорю: «Это воля тех, кто пришел на этот тусняк». Их пришло сто тысяч, двести. Вы говорите, что миллион, хотя это полный бред. Ну, хорошо, пусть пришел миллион, пусть. Он не разместится, но пусть, успокоим нервы. Пришел миллион, но на Украине – 40 миллионов! И почему этот миллион должен о чем-то говорить, а не гораздо большее количество крымчан, которые сейчас выступили на референдуме? Потому что они не собираются в одном месте на площади? Допустим, они соберутся, и что, тогда *они* важнее? Или нет, потому что они в нужное время оказались не в Киеве, а где-то еще? Какая же тут демократия? Какое право вообще в уличных действиях? Это форма выражения мнения, привлечения внимания. Все

нормально, пока они не превращаются в форму власти. Митинговая демократия – это уже не демократия. Это первое.

Но, когда внутри митинга выделяется маленькое ядро, и когда это меньшинство митингующих выделяет суперменьшинство, малюсенькое, которое вооружено бутылками с зажигательной смесью и чем-то еще, и это меньшинство начинает претендовать на власть, совершенно ясно, что речь идет просто о бандитском перевороте. Абсолютно нелегитимном, потому что всегда может собраться другое меньшинство, тоже в несколько тысяч человек, и сделать то же самое в ответ. Как так можно? Как можно так раскалывать собственное государство, свой народ? Это второе.

И третье, что мне кажется невероятно важным. Все знают – все эти гарварды, стэнфорды, кембриджи и кто угодно еще, сорбонны, – что в основе современного государства столетиями лежит общественный договор. Общественный договор формирует консенсус разных крупных групп и только на этой основе появляется конституция и оформляются государственные институты. И совершенно ясно, что украинская молодая и случайная государственность была консенсусом четырех групп.

Западенской – преимущественно ненавидящей Россию, москалей и омоскаленных.

Малороссийской – с ее представлениями об украинской самости.

Новороссийской – Новороссии, которая является отдельным пространством идентичности.

И Крыма.

Из этих групп, как все мы понимаем, Крым вообще влип как кур в ошип во все это дело. На абсолютной системе случайностей, не буду повторять все, что было сказано Путиным по поводу Хрущева и всего остального.

Самое омерзительное во всех процессах распада СССР – как поступали с людьми. С современными гражданами (если мы говорим о демократии) фактически поступали как с крепостными, которых вместе с собаками и полями проигрывали в карты.

Люди не крепостные, они имеют право на волеизъявление. У вас начинается новая государственность, вы открываете новую страницу, спросите людей, согласны ли они с этим, ведь вы разрушили общественный договор.

Ну, худо-бедно, какой-то общественный договор был: была какая-то автономия Крыма, была какое-то время даже конституция Крыма..

Что произошло после прихода бандеровской нечисти на киевские улицы, которая почему-то выступает как власть? Какая она власть? О чем речь идет? Что произошло после того, как эта нечисть появилась? Она сказала: «Вы видите этот договор? Я его порвала, его нет. А есть только я на первое, второе и на десерт. И я всеми вами буду командовать и пригибать так, как хочу, а вы будете целовать мне ноги и говорить: "Слава Украине!"» Грубо говоря, майданная власть подтерлась общественным договором.

После того, как это произошло, вопрос состоял в том, правы ли бандеровцы в их представлении о том, что все остальные – овцы, а они – волки, поэтому, даже если их меньшинство, они будут задираť любое количество овец. Они сейчас цыкнут... Это каратели, их не учат растить хлеб, добывать уголь или строить дома. Карателей учат устрашать, они специалисты по одной профессии – устрашению. И они начали говорить: «Жену изнасилуем, убьем, ребенка убьем. Ты смотри, делай то, что хотим мы, и будет хорошо». Это лексика террористов: «Делайте, как я говорю, и будет хорошо». Они стали говорить с населением, как террористы с жертвами. И было неясно, что же будет дальше?

Струхнет ли большинство, поддастся всему этому или не поддастся? Мы видели в Крыму, что был ответ, что граждане, простые граждане вдруг стали самоорганизовываться, что началось гражданское сопротивление.

При таких процессах не может не начаться гражданская война, тихая, шумная, острая, мягкая, слабая, холодная, горячая – любая. Но она обязательно начнется! И она началась. И то, что мы видим сейчас в Донецкой, Харьковской областях, говорит об этом. Не предчувствие гражданской войны, как пелось, а сама гражданская война. И где пройдет линия между силами? Во Вьетнаме она прошла между Северным и Южным Вьетнамом, но потом Северный Вьетнам победил и изгнал американских агрессоров. Мы не входили во Вьетнам. Американцы влезли туда. В Северной и Южной Корее граница до сих пор существует, между Китаем и Тайванем существует некоторая такая непонятка. На Кипре есть зеленая разделительная линия.

Где пройдет линия на Украине? Она уже прошла в Крыму. Где она пройдет по-настоящему, мы не знаем. Народ это определит. И я хочу дожить до святого для меня часа, когда украинская – вы слышите меня, все, кто это слушает, – украинская, а не русская армия, Украинская народно-освободительная армия, которую мы поддержим, войдет в Киев, установит там законность. Будет Нюрнберг над нацистскими бандеровскими преступниками, и они будут наказаны по закону, а не с помощью того террора, который они развязали. И их семьи не пострадают, а пострадают сами преступники.

Следующий вопрос. При таком неопишемом бесчинстве и беззаконии, кто такие люди, которые говорят: «Мы надели форму, мы теперь милиционеры, мы подчиняемся новой власти»? Они не милиционеры, они полицаи, коллаборационисты, люди, которые незаконно вступили в бандитские формирования. Они должны знать, что, вступив в эти формирования, они стали бандитами. Они же знают это! Совесть-то есть, ее можно усыпить, на время запрятать... и зачем же они это делают? Зачем они это делают, когда еще не наступил полноценный нацистский террор? Когда они могут отойти в сторону, в конце концов? Зачем они лезут в эту игру, благим концом которой может быть только одно – восстановление Конституции и законности с помощью народа, оказавшего гражданское сопротивление этому меньшинству?

Воет уже Львов! Он уже воет: грабежи, погромы, бесчинства, уничтожено все, что связано с фиксацией собственности на Украине. И возникает ситуация, когда любой троюродный потомок какого-нибудь бандеровского палача заедет в Киев, выберет себе квартиру, выкинет (хорошо, если в дверь, а не в окно) жителей, скажет: «Да я тут живу!». И, как сказал Сашко Билый, «вот мой автомат, вот моя финка – это мой закон, попробуй у меня его отбери».

Поэтому ситуация там неслыханная. Неслыханно то, что нацизм поднимает голову. И я лично как специалист, который подробно изучал материалы, связанные с сетями «Гладио», неонацистским подпольем, вообще с неонацизмом, считаю, что откуда-то со дна всплывает какая-то большая такая подводная лодочка, которая имеет не чисто украинское, а гораздо большее значение. И что сейчас вся неонацистская сволочь со всего мира соберется на желанную территорию. И мы уже видим там самые разные флаги.

Я совершенно не понимаю, почему американцы поддерживают всю эту сволочь. И никогда мы не поймем, как много неонацизма инфильтрировалось в Америку вместе с Вернером фон Брауном, этим ракетчиком, а также и другими в момент, когда нацисты предложили свою помощь в холодной войне с Советским Союзом. Насколько глубоко произошла нацификация Соединенных Штатов?

Сети, которые создавались, неонацистское подполье на случай, если Советский Союз оккупирует Западную Европу, потом занимались и террором, и убийством левых политиков, и наркотиками, и бог знает чем. Они сохранились, не буду их называть, в каждой стране они существуют. Куда сейчас потянутся эти сети? Не станет ли Украина новой Сирией, куда стянется все террористическое отребье со всего мира? И что там будет вообще происходить?

Самое тяжелое для меня заключается в том, что украинские граждане долго собирались. Украинское большинство долго собиралось, надеясь на власть. Мы называем это «патернализм». Есть граждане, а есть подданные. Граждане собираются быстро и наводят порядок. Подданные все время думают: «Власть все решит». Знаете, в советские времена был анекдот. На собрании сообщают: «"Партия решила, что надо всем повеситься". Голос из зала: "А веревки-то как? Самим покупать или профком обеспечит?"» Вот это о подданных. Подданный верит во власть, он хочет ее поддержать, но он не решается действовать сам как гражданин.

Тогда ваш – теперь уже можно сказать, что не ваш, – Майдан, будь он неладен...

Елена Маркина. Он никогда нашим не был!

Сергей Кургинян. Никогда уже теперь не будет. Счастливый для меня день, когда я услышал решение Путина. Я не то что полностью поддерживаю, я вообще ликую внутренне от того, что произошло. Но, когда первый Майдан, еще шаловливый, собрался на Украине, было ясно, что его соберут и у нас на Болотной рано или поздно. И когда это произошло, я сначала на Воробьевых горах собирал группу граждан, которая говорила: «Нет», и сжигал белую ленту, а потом собирал гораздо больше сказавших «нет» на Поклонной.

И когда эта же российская «болотная» публика начала собираться в Москве снова – в защиту бандеровцев и против «агрессии России», 15-го марта прошли шествие и митинг «Сути времени» в поддержку крымчан. Это гражданское поведение. Если бы (история, говорят, не знает сослагательного наклонения) Донецк, Харьков, Херсон, Николаев шли колоннами на Киев и в начале этой заразы выставили бы там действительно миллион людей, смяли бы это раз и навсегда, Украина была бы свободна. И она была бы вместе с Россией. Но этого не произошло. Считалось, что будет действовать «Беркут», что власть что-нибудь сделает.

Еще один опыт – как рассыпались на Украине крупные партии, как рассыпалась эта элита потребления. Элита, стремившаяся превратить власть в источник процветания, не буду говорить грубее. Говорили: «Ну, на Востоке бандиты, они крутые...» Как они «сдулись», как они поджали хвост перед боевиками с Майдана. Вообще рухнул миф о том, что если бандит, то значит крутой он, будет сопротивляться. Не обязательно! Вот они – бандиты, поджавшие хвост.

Вслушайтесь в то, что я говорю. Лишь сейчас начинают собираться ростки нового сопротивления – гражданского, низового: в Донецке, в Харькове и других местах. А активисты Правого сектора захватили тяжелое оружие, получили форму, международное признание и все остальное.

Мы видим нового Гитлера на Украине. Это абсолютно точная оценка. Это не метафора. Это новый гитлеризм. Со всеми его чертами. Разница лишь в том, что для Гитлера, этого мерзавца из мерзавцев, главным врагом был еврейский народ, а вторым – русский, славянский.

А для Бандеры – палача, садиста гораздо хуже Гитлера и человека абсолютно без тормозов, – тот хоть какую-то государственную жизнь налаживал, а этот ничего не мог, – так вот, для него номером один были русские (москалы), а уже потом шли евреи и все прочие: «Москалы и жида, геть с Украины!». Так вот, теперь мы имеем власть предельных русофобов, власть Гитлера, заточенного на русский вопрос.

Я говорил с людьми, которые стоят за спиной Тягнибока. Они твердо уверены в том, что могут решить вопросы на Украине только разрушив Россию, что любая Россия не выдержит того, что они хотят. И я читал, что именно они хотят. Все они Бандеру и его теоретиков

цитируют. Так они говорят, что для того, чтобы построить неомоскаленную Украину, нужно убить каждого третьего украинца, поскольку он омоскален, он уже заражен смертельным вирусом. Это же говорилось в бандеровских книгах. Из этого следует, что они готовят страшные чистки не только на востоке.

А ни одно русское правительство – не только такое, как мы видели сейчас: Путин и этот аплодирующий зал, – пусть оно состоит из одних чубайсов, оно все равно, это правительство, никогда не решится принять безропотно десять–пятнадцать миллионов беженцев на свою территорию. Оно же понимает, во что тогда превратится страна.

Значит, любое правительство будет оказывать бандеровцам сопротивление, а бандеровцам нужно, чтобы не было правительства, не было государства, нужен сепаратизм. Они хотят, чтобы были разрозненные русские области, чтобы клубилась гражданская война, исламистская, любая другая, они поддерживают любые антирусские силы... Они воевали на Кавказе, чинили там бесконечные бесчинства. Что там вытворяли такие, как Сашко Билый, так это же кровь стынет в жилах... И они хотят окончательного решения русского вопроса.

Работать такого рода люди не могут вообще. Организовывать хозяйственный процесс не могут. Тысячeproцентно. Любая невоенная ситуация приводит к тому, что их начинают замещать другие. Поэтому их интересует только эскалация насилия. Они прекрасно понимают, что всех этих олигархов и прочих, которых они побаиваются, нужно прижать.

Еще один вопрос очень существенный, предельно существенный. Дорогие украинские братья, те, кто выступал на Майдане против олигархии, это же все называется «за что боролись, на то и напоролись». Вы протрите глаза... вы протрите глаза, вы посмотрите, кого эта самопровозглашенная власть присылает к вам; она посылает таких же вороватых олигархов, абсолютно так же нацеленных на то, чтобы вас обглаживать до костей. Голыми и босыми они вас отправят в Европу.

И еще, какой же европейский процесс с такими бесчинствами? Как вы думаете, что бы сделали руководители Англии, Франции, Германии, Италии, если бы начались забрасывания полицейских бутылками с напалмом? И что бы начал делать президент США, если бы были захвачены административные здания в Вашингтоне? Тогда бы уже не полиция работала. Тогда была бы призвана национальная гвардия,

граждан бы предупредили, что ближе километра от этих зданий появляться нельзя, и все было бы стерто в порошок, что там находится, понимаете? Это евровыбор.

По аналогии с «Евромайданом», можно говорить о евровагонке – вагонке без сучков или с меньшим их количеством. А еще есть евроканавка – это когда копают ровно, а еще – евролопата и еврогастарбайтер. Кем вы хотите быть? Что вы собираетесь делать? Какой ящик Пандоры вы открыли? Какой ветер вы посеяли и какую бурю пожинаете? Ведь именно это посеяли на Майдане, когда перешли от мирного протеста к тому, что произошло.

Что это за «европейский выбор»? Какая Европа? Это Европа, совместимая с христианскими ценностями? Или это та Европа, где детей отбирают у родителей за один шлепок? Это та Европа, где в Дании скоро утвердят закон, разрешающий инцест, то есть совокупление отца с ребенком? Что там происходит? Это Европа, которая становится мультикультуральной и которую уже делят между собой исламисты на различного рода части халифата? Что это за Европа? Это же не Европа классическая. И какое вы там займете место? Испания, входящая в ядро этой Европы, Португалия, где я встречался с интеллигенцией, – что они говорят? Они говорят: «Вы не понимаете, что такое молодежь, которая не имеет работы, даже если есть пособие». Каждый второй молодой испанец и португалец – безработный... Греция...

А что будет с Украиной, на какие задворки попадет она? Деньги европейцы будут давать? Они никогда не дают денег. Они говорят: «Мы вас поддерживаем, мы вас уважаем! Это замечательно! Вы так восстали против русских. Это очень умно, очень благородно с вашей стороны». Им говорят: «А деньги?». Они отвечают: «Какие деньги? Вы же за идею работаете. При чем тут деньги? Деньги – это совершенно отдельная статья. Продайте нам это, это, это и, пожалуйста, – у вас тяжелое положение – за треть цены... или за четверть». Вы попали в страшную ловушку и говорить сейчас о том, что это русские или крымчане сделали, – просто безумие.

Теперь о Крыме. Я сейчас на этой святой севастопольской земле. Здесь я сейчас говорю и благодарю всех, кто присвоил мне статус международного наблюдателя. Я бывал на избирательных участках много раз. Я первый раз в жизни видел, что на избирательные участки

ходят как в церковь на праздник. Что толп не было, так это говорят те, кто приехал, поздно продрал глаза. Потому что все побежали, как только открылись двери участков. Но я был в разное время и видел: люди входили, крестили бюллетени, целовали бюллетени перед тем, как опускать. Лица сияли. Это была абсолютно священная процедура воссоединения. Люди хранили в душе самую-самую сокровенную святую мечту об этом воссоединении и не верили, что она может реализоваться. Им было больно оттого, что придется жить с нереализованной мечтой. И вдруг это произошло. О каких нарушениях можно говорить? О какой неявке?

Елена Маркина. Ну, нам же еще сказали, что под дулом автомата нас вели.

Сергей Кургинян. Под дулом автомата вели? Люди пели, как христиане, которые идут в реку Иордан, у них лица сияли. Что же нам лгут-то про то, как «сгоняли под дулами автоматов»? Они были там, на участках? Они видели, какие там были настроения? Татары, вы говорите? Я говорил с татарами, которые просто хотят в Россию, и есть татары, которые очень прагматично хотят в Россию, у них есть свои соображения по автономии. Вы на кого хотите опереться? На Хизб ут-Тахрир? На кого? Нет для этого базы в Крыму, нет. Там народ хочет того, чего он хочет, и надо было очень сильно довести его, поэтому назовите это референдумом имени Сашко Билого.

Под дулом автомата сгоняли людей Сашко Билый... и Ярош. Сгоняли они, и в конце концов люди почувствовали... Вы плакаты видели, на которых написано, что Украине не быть нацистской? Вы понимаете, что для огромного количества людей и на Востоке Украины, и в Крыму нацизм – это то, о чем рассказывали бабушки? Это сожженные села, это репрессии, это бесчинства.

Властная нечисть, всплывшая на пене Майдана, посеяла ветер священной войны с самым абсолютным злом для того населения, которое она решила почему-то к себе притянуть. Так ведут себя государственники? Так ведут себя люди в XXI веке? Так ведут себя те, кто хочет консенсуса? Ну они и получили в ответ эту бурю. Это только первые порывы бури, дальше будет больше.

Опомнитесь! Опомнитесь! Своими руками... Томас Манн так говорил, обращаясь к немецкому народу, а я обращаюсь к украинскому народу: своими руками бесчинствующих подонков усмирите, сметите назад нечисть нацистскую с украинской земли и заново постройте что-то благое и святое на опоганенной земле. В противном случае процесс будет идти дольше, но он закончится тем же, чем заканчиваются все процессы, в которых люди, имеющие любовь и правду, борются с бесами: он закончится тем, что бесы окажутся в преисподней и будут там выть.

А остальным придется долго и последовательно очищать загаженное бесами пространство и восстанавливать его к жизни. Дебандеризация Украины неизбежна, она произойдет так же, как происходила денацификация, и никакие западные помощники не помогут. Они же ведь тоже Гитлеру сначала помогали, а потом-то... Помните, чем это все кончилось? Поэтому сейчас главное – увидеть правду, стряхнуть с себя морок украинской нацистской пропаганды, понять, насколько благим, тотальным, счастливым был выбор крымского народа.

Признать этот выбор и свою вину за разрушение общественного договора и начать исправлять ситуацию на оставшейся части Украины, где происходит то же самое. Где ни Малороссия, ни Новороссия, прежде всего, никогда не согласятся с тотальной властью поклонников Бандеры – этого меньшинства, которое не может предъявить ничего, кроме насилия, фанатизма, палачества. Завтра вы сами столкнетесь с бесчинствами, погромами, воровством и всем прочим, чем это все начинено. Устрашить украинский народ нельзя.

Нам же говорили какое-то время про Саакашвили: «Там так все здорово, так все замечательно». Потом, когда, наконец, грузинский народ все-таки попросил его подвинуться, выяснилось, что были пытки, тюрьмы, бог знает что еще. Но это все делалось более красиво, более скрытно. Бандеровцы будут бесчинствовать открыто. Украинские братья, вы всегда славились тем, что были разумные, и даже немножко в национальном характере было трезвой хитрости. Верните себе эти свойства, а также скептицизм. Посмотрите, как они лгут, и подумайте о своем будущем, о гражданском сопротивлении нацизму. Вот что я могу вам сказать.

Елена Маркина. Сергей Ервандович, Вы сказали самое важное, что нужно и что важно было сегодня сказать. Но есть еще такие простые вещи, о которых наши телезрители хотели бы задать Вам вопросы. Например, запестрели страницы Интернета списками российских актеров, которых мы любим и которые против того, что происходит в Крыму. Похоже, они не знают, что происходит в Крыму. Откуда эти списки?

Сергей Кургинян. Ну, во-первых, часть этих списков «паленая». Там был какой-то гигантский список, а деятели культуры выступали и говорили: «Откуда меня взяли? Я никогда ничего не говорил».

Елена Маркина. Хотят очернить артистов?

Сергей Кургинян. Это «паленое», да. Но часть, часть встала на эту сторону. Часть поддалась этому безумию. Знаете... Они же, во-первых, простите, известные актеры и для вас великие люди, и я совершенно не собираюсь их дискредитировать в этом качестве. Но один из людей, которого я очень почитаю, великий русский и советский режиссер Охлопков говорил про актеров так: «Актеры (я прошу прощения перед дамами, но я просто цитирую Охлопкова, все знают эту фразу, весь театральный мир)... актеры – это те же дети, но с большими пиписьками...» Поэтому, во-первых, если вы думаете, что раз он хорошо играет Эйнштейна или Гамлета, то он что-нибудь понимает в том, за что голосует, то это абсолютно не так. Говорю вам как театральный режиссер и никак не хочу при этом оскорблять актеров, или рок-певцов, или кого-нибудь еще.

Во-вторых, есть известная история про актерскую гримерную. Актриса бежит в гримерную, падает, начинает гримироваться и, оглядываясь вокруг, говорит: «Девочки, против кого мы теперь будем дружить? Настю мы уже съели. Против кого мы теперь будем дружить?» Они все «дружат» против Путина. Их не устраивает Путин. Путин принимает решения. Они готовы любое это решение осуждать. И у них есть этот рефлекс антипутинский. Очень глупый. Потому что сейчас, на уровне того подъема, который вы все увидите, и вы увидите тоже, украинские братья, как сейчас на кремлевской площади будет ликовать народ. Как он ликовал во Владивостоке. Я такого не

припомню... Во «Владике», вы мне поверьте, было реально больше 10 тысяч человек. Для Владивостока это все равно, что для Киева два миллиона. Вот он так ликует. В этом смысле надо еще понять: Россия не помогает Крыму – она себе помогает. Уже пора перестать вообще об этом говорить.

Я хочу сказать, что крымчане сделали великое дело для русской идентичности. Вы посмотрите на лица российских депутатов! Вы не помните, как эти депутаты слушали обычные послания Путина Федеральному Собранию? Они сидели со скучающими лицами. А теперь они сидят и плачут. Вы поймите, эти тертые, выдавшие виды женщины и мужчины плачут, целуют друг друга. Вы это видели?

Елена Маркина. Аплодируют.

Сергей Кургинян. Аплодируют. Идет такое скандирование и такие крики, как на митинге. Это Федеральное Собрание. Имеет место невиданный энтузиазм. Чтобы идти в политику и выступить против этого энтузиазма, надо быть клиническим идиотом. Клиническим.

А есть еще, конечно, пятая колонна. Пятая колонна считает, что все, что сказал «Вашингтонский обком», то и надо делать, что рано или поздно Запад, как страшная сила, сомнет все. И пятая колонна готовится к действиям. Это ей мы сказали: «В Москве Майдану не бывать!» И мы тоже готовимся, мы понимаем, что пятая колонна, мобилизовав какие-нибудь недовольства (а базы для недовольства очень много: я далеко не со всем согласен из того, что творится сейчас в России, и всегда заявлял эту свою патриотическую оппозиционность), постараются все это мобилизовать и направить на разрушение государства.

Они получают жесточайший отпор гражданского общества. Законный конституционный отпор. Я понимаю, что Немцов не Гегель, далеко не Гегель. Но чтобы осмелиться сейчас выступать так, как он выступал! Политик, который хочет пойти на выборы... Вы же понимаете, что после того, что сейчас Путин сделал, он будет избираться и избираться.

Млечин! Млечин выступал, говорил о том, что к Бандере надо взвешенно отнестись... Взвешенно! Его каратели маленьким детям животы вспарывали, сыпали туда корм, пока еще дети были живы, и

свиной посылали. Вот к таким вот людям надо взвешенно отнестись, да?

Значит, смысл здесь заключается в том, что есть три группы. Во-первых, есть – и вы увидите ее – огромная патриотическая группа деятелей культуры, которая поддерживает объединение Крыма с Россией, и я свое скромное место в ней не хочу никому уступать. Второе, есть группа рефлексивных антипутинистов с интеллектом, слегка превышающим уровень стула, на котором я сижу, дергающихся против Путина всегда. И есть пятая колонна. Все, больше никого нет.

С точки зрения народа и мнения общества, даже интеллигенции, вторая группа ничего не значит. Это нулевой фактор, но за ним стоят пятая колонна олигархическая, пятая колонна бандитская, все силы сепаратизма, терроризма и так далее. И мы готовимся к серьезным схваткам. Но исход этих схваток решит только одно: как мы организуем и вдохновим большинство. Главная задача всегда в том, чтобы большинство народа было организовано и вдохновлено. Если этого не будет, если здесь или где-то еще возобладает усталость, если эта начальная любовь потом будет обременена процессами, похожими на те, которыми всегда чревата семейная жизнь после угасания любви, если все это начнет вызывать усталость народа, разочарование и все прочее, это будет смертельной ошибкой.

Поэтому сейчас сила крымского гражданского общества определяет многое. Решения приняты, Россия сказала свое слово. Теперь последнее слово полностью за крымчанами, за их благим гражданским обществом, за их подъемом, который должен распространиться на жизнь, и строить эту жизнь должны они сами. Но они должны знать, что никакого окончательного спокойствия не будет, им никто не даст успокоиться, поэтому не надо говорить: «Вернулось спокойствие». Вернулось счастье. Счастье и спокойствие – разные вещи. Мы все смертны, и жизнь хороша тогда, когда в ней есть немножко счастья. Вот это счастье привалило. Я поздравляю всех с этим!

Елена Маркина. Последний вопрос. Сергей Ервандович, все-таки начались крики из-за рубежа: «Не пустим, не позволим... ущемим... санкции...». Эти крики на что могут в принципе повлиять?

Сергей Кургинян. Тут у меня своя точка зрения, а наша актуальная элита – я все-таки считаю себя принадлежащим к контрэлите – имеет другую точку зрения. Актуальная элита считает, что на Западе поорут и перестанут, и будет примерно так, как после Осетии и Абхазии. И наверное, у актуальной элиты есть свои резоны для этого. Какие-то зондажи она провела, и ей кажется, что ее оценка базируется на чем-то очень важном и достоверном. Я буду всячески рад, если это будет так. Но мне кажется, что процесс будет медленно сползать в холодную войну. На горячую войну никто не пойдет до тех пор, пока сильны российское общество, государство и военно-промышленный комплекс.

Они нам сулят, что не будут поставлять в наш ВПК какие-то изделия: суда и самолеты... Я хочу пояснить. Все эти договоры были крайне сомнительными, я не хочу это комментировать, будущее еще покажет. Настало время разобраться, как они заключались и что они собой представляли. Но мы знаем, что многие из этих изделий содержат нечто, что заставляет их падать по нажиму кнопки изготовителя. И мы совершенно были не в восторге от получения западной военной техники. Нам нужна **своя** техника. Своя от начала и до конца и достаточно сильная. Так что, слава богу, если произойдет вымывание иностранного слагаемого из нашего ВПК. Это первое.

Второе касается запугивания нас холодной войной, но именно для них эта холодная война опаснее всего, потому что она приведет к очень быстрому возрождению России. Посмотрите на улицы и площади, посмотрите в эти залы, русские не умерли, это казалось, что они умерли. Они заснули, но сейчас просыпаются.

Есть еще известная поговорка из знаменитого в советскую эпоху фильма «Операция "Ы" и другие приключения Шурика», которую я сейчас вспомню, потому что она просто смешная и хорошая: «Если я встану, ты у меня ляжешь».

Поэтому никаких разговоров с позиции силы по отношению к России быть не должно. Будут не только неприемлемые потери, абсолютно неприемлемые, на которые никогда не пойдет ни один европейский народ, будет просто разгром. При любом даже техническом превосходстве. Потому что решает не одно техническое превосходство, решает сила духа и готовность сражаться за правду. Не в силе бог, а в правде. Да еще если эта правда подкреплена ракетными крейсера-

ВОЛЯ НАРОДА И МИТИНГОВАЯ ДЕМОКРАТИЯ

ми, а мы, поверьте, будем укреплять Черноморский флот. Мне так кажется (я, впрочем, рядовой пенсионер и мало что понимаю в этих вещах), но у меня такое мнение, интуитивное, что он будет укреплен. Так вот, когда ракетными крейсерами подкреплена правда, это несокрушимая сила. А в России будет именно так.

Елена Маркина. Сергей Ервандович, я думаю, что наши телезрители готовы общаться с вами бесконечно, но тем не менее есть определенные рамки эфира, будем закругляться...

Сергей Кургинян. Еще раз поздравляю всех с настоящим, большим, человеческим, гражданским, политическим и духовным счастьем. Счастьем воссоединения с родной землей.

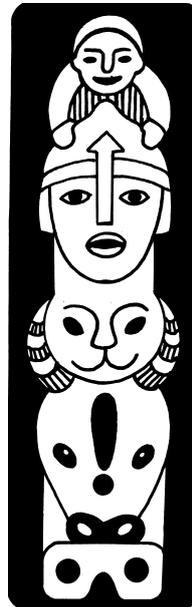
ЯРЛЫКИ И МИФЫ

**Невозможно писать историю
отдаленных эпох,
поскольку у нас
недостаточно источников,
и невозможно писать
историю новейшего времени,
поскольку у нас
слишком много источников.**

Шарль Пегги

Историческая правда состоит
из молчания мертвых.

Этьен Рей

Владимир Дегоев

**«ТЕМНЫЕ»
ТЫСЯЧЕЛИТИЯ
КАВКАЗСКОЙ
ИСТОРИИ**

ЯРЛЫКИ И МИФЫ

УДК
397

The author is well aware that by trying to immerse the reader into the murky ages of the Caucasus history he embarks upon a risky travel. The overwhelming part of academic knowledge on that subject-matter is doomed to remain either plausible hypothesis or dubious theories. To verify them with absolute correctness seems next to impossible. Nevertheless we are not going to give up hope to have the picture of the past more vivid and trustworthy. Our cautious optimism is based on the belief that historical sources, for all its impressive quantity, have not yet parted with many of its secrets.

Ключевые слова: история Северного Кавказа с древнейших времен до середины VI века н.э.; вопросы этногенеза и политогенеза; великое переселение народов; северокавказские племена и античный мир; взлет и падение родоплеменных «империй Евразии».

Keywords: history of the North Caucasus from the ancient times up to the mid-sixth century AD; the great transmigration of people; the North-Caucasus tribes and Classical Antiquity; the rise and fall of Eurasian tribal “empires”.

E-mail: degoev2013@yandex.ru

Сегодня агрессивно-воинственные тенденции в интерпретации истории стихийно и сознательно сливаются в магистральный вектор, предвещающий одно – расщепление позитивной исторической материи, исчезновение классической исторической науки и приход ей на смену нового средневекового баснословия. Оно будет внедряться в сознание молодых людей через специфическое программное обеспечение, призванное играючи переформатировать генетическую память, поменять знаки, стереть с интеллектуальной матрицы одно и пересадить в нее другое, чужеродное, блокировав, как в трансплантологии, механизмы отторжения.

И это только кажется, будто все эти кошмарные мутации – удел будущего. Первый признак, что мы уже находимся под их воздействием, – наше совершенно спокойное восприятие той паранойи, в которую тихо погружаются российские историки и российская историография.

В многонациональной и многоконфессиональной державе краеведческая пылливость местных историков безобидна лишь до тех пор, пока их естественная любовь к родному краю не начинает рождать злокачественный вирус ненависти к соседнему народу, посмевшему вспомнить, что когда-то на этих землях жили и его предки.

Проблема приобретает вообще неразрешимый характер, когда некоторые исследователи, с характерным для них высоким мнением о своих уникальных способностях прекрасно видеть (как сова в ночи) в абсолютной темноте тысячелетий, пытаются совершенно серьезно искать, скажем, в каменном веке, государственно-территориально-культурное ядро своего «чистокровного» народа. При этом зачастую избегают отождествления своей исключительности с той или иной археологической культурой, ибо эти культуры всегда носят смешанный, сложносоставной, а значит неприемлемый для пуристов от этнологии, характер.

На Северном Кавказе борьба за свою собственную, непременно более яркую и более героическую, чем у других, долю исторического прошлого сегодня приближается к черте незыблемости, а завтра непременно заступит за нее. Не стоит лишний раз говорить, что дело тут в социально-политических и идеологических последствиях крушения советской эпохи, принявших на Северном Кавказе особо трагические формы.

Что делать? Принять партийно-правительственные постановления «по вопросу о выправлении перекосов в исторической науке»? Объявить конкурс на создание «правильных» учебников по истории, чтобы победителями оказались новые новаторы из креативного класса? Создать «министерство исторической правды», которое, впрочем, под несколько иным названием недавно тихо ушло в небытие?

Почему бы и нет? В принципе, большого вреда от этого не будет. Вот только как и каких историков собрать вокруг этого дела? Тех, кто давно уже не находит друг с другом общего профессионального языка? Или тех, кто, наскоро переквалифицировавшись, строчит «великие» истории постсоветских государств? А может тех, кого не оторвешь от грантопроводной трубы (да не оскудет ей вовек!), ибо, если даже на время отлучишься из «междусобойного пула», обратно могут не пустить?

В общем, фундаментальный ответ на этот «русский» вопрос пусть ищут другие. Для себя же автор этих строк его нашел: писать книги, статьи, рассказывать в них по возможности правдиво и профессионально «о том, что было», и о том, чего быть не могло и в помине. У меня складывается осторожное ощущение, что число исследователей-единомышленников, выбравших в своих исторических занятиях такую же нишу, будет множиться. И тогда из всего этого сами собой вырастут такие учебники, авторам которых не придется объяснять, с чего начинается Родина и за что ее любят.

**ТРИ «РЕВОЛЮЦИИ» В ЖИЗНИ
ДРЕВНЕЙШИХ ОБИТАТЕЛЕЙ
СЕВЕРНОГО КАВКАЗА**

Если представить всю доступную ученым историю Северного Кавказа в виде хронологической шкалы, то, по крайней мере, не меньше 95% на ней займет гигантская эпоха первобытного человеческого существования (палеолит, неолит, бронзовый и отчасти железный века), внутри которой происходила очень медленная, бесконечно растянутая во времени эволюция: биологическая, антропологическая, хозяйственная, социально-культурная, этнолингвистическая. Она сопровождалась климатическими и ландшафтными изменениями, оказывавшими значительное влияние на образ жизни людей.

Самым надежным, если не единственным, источником для изучения этой мегаэпохи считаются археологические памятники¹. Но даже исследователи, располагающие ими в массовом количестве, избегают категоричных констатаций, часто употребляя такие оговорки, как «возможно», «вероятно», «предположительно», «допустимо». Такая осторожность в суждениях относительно почти космических временных расстояний, отделяющих современного человека от его пращуров, вполне оправдана. В нижеследующем тексте мы тоже будем придерживаться этого золотого правила.

Заселение Северного Кавказа племенами, мигрировавшими из Передней Азии, началось приблизительно 500 тысяч лет назад в период, именуемый ашельским². Они жили в пещерах, защищались от холода огнем и звериными шкурами, занимались охотой, рыболовством, собирательством, пользуясь примитивными орудиями из камня, кости и дерева. В это время завершается становление человека как биологического вида. Его духовная культура находилась в зачаточном состоянии и была представлена наскальными изображениями животных и солнечного круга.

В эпоху неолита (VI–IV тысячелетия до н.э.) археологи фиксируют заметные изменения в материальной и духовной культуре первобытных людей, обусловленные переходом к производящему хозяйству – земледелию и скотоводству – на основе более совершенных орудий труда. Появились каменные топоры, долотообразные, скребковые и другие инструменты, с помощью которых обрабатывались дерево, кости, шкуры, зерно, готовились молочные продукты. Зарождается гончарное ремесло и ткачество.

Первые северокавказские земледельцы осваивают плодородные речные долины в горах и предгорьях, затрачивая огромные усилия на очистку их от деревьев и кустарников.

¹ Впрочем, и археология как наука имеет дело не только с бесспорными артефактами, но и с проблемой их интерпретации. Выдающийся американский историк русского происхождения Георгий Вернадский, сравнивая процедуру реконструкции далекого прошлого, в том числе по археологическим источникам, с восстановлением разбитой вазы, писал, что фрагментарность обломков не позволяет склеить их в единое достоверное целое (Вернадский Г.В. Древняя Русь. Тверь: Леан, 2004. С.17).

² По месту обнаружения артефактов соответствующей археологической культуры – Сент-Ашель (Франция).

Основой социального быта предположительно являлась возглавляемая старейшиной родовая община, которая состояла из парных семей, занимала отдельное поселение с прилегающей территорией и вела свою родословную по материнской или отцовской линии.

С ростом прибавочного продукта, в связи с развитием хозяйства, возникла необходимость в его охране от посягательств извне. Эта проблема решалась путем возведения оборонительных стен из камня. Из камня же научились строить жилье. На исходе неолитической эпохи, как предполагают ученые, на Северном Кавказе уже могли выплавлять в гончарных печах грубые медные изделия.

Исследователи гораздо смелее утверждают о духовном перевороте в жизни древнейших северокавказских поселенцев. На смену схематичным и порой непонятным наскальным рисункам приходят:

- более изощренная, с сюжетными элементами, живопись;
- скульптуры культового назначения;
- орнаментальные (в том числе рельефно-орнаментальные) украшения на предметах домашнего обихода;
- антропоморфная символика, далеко не всегда поддающаяся расшифровке.

В сознании неолитического человека постепенно развивается идея загробной жизни, отразившаяся в похоронном ритуале как неотъемлемой части зарождающейся системы религиозных верований.

Совокупность этих перемен ученые именуют «неолитической революцией», осознавая, конечно, значительную долю условности употребления данного термина применительно к эпохе, вмещающей в себя, как минимум, три тысячелетия.

Следующей «революцией» в истории человечества вообще и истории Северного Кавказа в частности считается бронзовый век (III–I тысячелетия до н.э.)³. На территории, заключенной между Волгой, Доном и Кавказским хребтом, эта эпоха представлена рядом археологических культур: майкопской, куро-аракской, дольменной, каякентско-харачоевской, кобанской, катакомбной, срубной. Самые общие контуры границ их локализации известны (Северо-Восточный, Центральный, Северо-Западный Кавказ и Предкавказье). Размытость этих границ обу-

³ *Металлургия зародилась в IV тысячелетии до н.э. в Месопотамии и Египте, откуда она через Малую Азию и Закавказье проникает дальше на север, первоначально очень медленно. Северный Кавказ служил связующим звеном в процессе распространения меди и бронзы по районам Волги и Дона.*

словливалась наличием обширных контактных зон, внутри которых шло смешение культур и благодаря которым происходил процесс более глубокого взаимопроникновения и взаимообогащения.

Археологические источники фиксируют огромное влияние металлодобычи и металлообработки на материальную сторону жизни людей. Расширяется номенклатура и совершенствуется качество изделий, используемых в общественном хозяйстве (земледелие, скотоводство, в том числе отгонное, речной и морской промысел) и домашнем быту. Однако не все прогрессивные явления в человеческой деятельности были напрямую связаны с изобретением бронзы. К примеру, гончарный круг и раскалявшийся до высоких температур кузнечный горн позволили достичь больших успехов в керамическом производстве, а плуг и серп (далеко не всегда бронзовый, а по-прежнему кремневый) – в земледелии. Появление колесной повозки открыло новые возможности для транспортировки различных грузов на значительные расстояния. Благодаря примитивным ткацким станкам люди стали носить шерстяные, холщовые и льняные одежды.

Дальнейшая эволюция наблюдается в строительстве жилья. Во многих местах на смену домам кругообразной формы без внутренних стен приходят каменные прямоугольные многокомнатные сооружения. Зачастую постройки хозяйственного назначения отделены от жилых помещений⁴. Совершенствуется планировка и техника обустройства крупных поселений. В горах применяется принцип террасно-сотового расположения домов, между которыми пролегали мощенные булыжником или плитами узкие улочки. В этих укрепленных городищах появляются каменные цитадели военно-оборонительного назначения⁵.

По археологическим памятникам трудно установить прямую причинно-следственную связь между хозяйственным прогрессом и духовной культурой, развивавшейся по собственным законам. Получившая распространение орнаментальная обработка домашней утвари не имела никакого функционального смысла, зато говорила о возросших эстети-

⁴ Уместно заметить, что в эпоху камня, бронзы, а затем железа наряду с, так сказать, большими материально-культурными революциями, происходили своеобразные мини-революции. Примеры последних мы привели – изобретение плуга, жерновов, колеса, лука и стрел, седла, стремян и т.д.

⁵ Многие историки связывают их с социально-имущественным расслоением общества, приведем к выделению племенной знати.

ческих потребностях человека. Об этом же свидетельствуют находки в северокавказских могильниках:

- сделанные из бронзы, золота, серебра, сердолика и бирюзы женские украшения, поражающие своим изяществом и фантазией⁶;
- металлические и керамические фигурки людей, зверей и животных;
- изумительные образцы искусства резьбы по дереву;
- наскальные и орнаментальные изображения сцен охоты, сельскохозяйственного труда и, не исключено, военного быта⁷.

Неотъемлемыми от духовной культуры являлись первобытные представления об окружающем мире. Вера в загробную жизнь, в одушевленность всего сущего и в сверхъестественные силы (которые нужно задабривать, чтобы они не прогневались) определила всю культовую практику тогдашних обитателей Северного Кавказа: астральный культ, культ солнца и огня, домашнего очага, богини плодородия и дополняющего мужского начала, культ предков. Эта сфера древней культуры и мировоззрения была весьма затейливой. Предметами поклонения становилось самое неожиданное (для нас): деревья, рощи, урочища, реки, скалы, явления природы. Магической силой наделялись некоторые звери. Сложной культовой символикой исполнены надгробные памятники, высокохудожественные металлические, керамические и деревянные изделия, убранство первых святилищ⁸.

Считается, что в эпоху поздней бронзы (рубеж II–I тысячелетия до н.э.) зарождались прообразы будущих шедевров устного народного творчества – героико-эпические сказания, составившие основу знаменитого нартского эпоса.

Общая картина хозяйственной жизни Северного Кавказа, с большей или меньшей степенью полноты восстановленная археологами, дала ученым основание предполагать существенное увеличение прибавочного продукта. Данный факт еще больше актуализировал проблему охраны результатов человеческого труда от практики их насильственного

⁶ Некоторые историки, пытаясь постичь игру воображения у древних художников, дают слишком смелые и спорные трактовки отдельным артефактам.

⁷ Если можно дать такое толкование рисункам, на которых изображены исполненные динамики кони и всадники.

⁸ Существует гипотеза, предполагающая, что местная культовая эстетика испытывала на себе определенное влияние ассирийского и вавилонского искусства.

изъятия внешними силами, порожденную разными причинами. Одна из главных – перепады в уровне экономического развития племен, возникшие как следствие разных природно-климатических условий (к примеру, равнина и горы) и, возможно, каких-то иных обстоятельств.

Неравномерность распределения богатств на северокавказском и предкавказском пространстве, похоже, являлась для одних мощным стимулом к нападению, для других – абсолютным резонансом для изобретения адекватных средств защиты. Тем, у кого в открытом бою не было серьезных аргументов против бронзовых боевых топоров, кинжалов, секир, наконечников копий и стрел, булав, боевых колесниц, приходилось либо селиться в местах, защищенных самой природой, либо обновить свои поселения целой системой оборонительных сооружений (каменные и глинобитные стены, обмазанный глиной плетень, глубокие рвы).

Жестокие межплеменные войны, имевшие целью добычу в виде материальных ценностей и рабов, а также расширение территории обитания, были будничным явлением. Это предполагало наличие хотя бы элементарной организации и военного вождя. О том, что фигура такого вождя играла важную роль в общественной жизни, говорят богатые курганные захоронения. Но, насколько установленный факт почитания военачальника отражал (и отражал ли вообще) реальные изменения в социальном строе тех, кто подчинялся ему в бою и проявлял почтение в мирное время, сказать трудно⁹. Отсюда совершенно разные подходы ученых к данной проблеме.

Открытым остается вопрос и об общественном статусе «специалистов», ведавших сферой общения людей с потусторонними силами, вызывавшими благоговение, страх, желание расположить их к себе. Жреческий дар, как логично допустить, давал человеку, обладавшему им, определенные преимущества и привилегии. Однако позволяет ли это говорить, применительно к описываемой эпохе, о формировании жреческой касты? Существующие на сегодняшний день суждения по данному поводу находятся опять-таки в области гипотез и правдоподобных реконструкций исторической реальности на основе известного круга археологических памятников. Ничего сенсационного в этом плане результаты раскопок, произведенных на рубеже XX–XXI веков, нам не предлагают.

⁹ Не будем забывать, что само по себе предводительское начало существовало и в животном мире, и в первобытном человеческом стаде.

Означает ли это абсолютную статичность социального быта? Скорее всего, нет. Процесс распада однородной крупноплеменной, фактически полустадной организации общества, пусть едва заметно, все же происходит. Дробятся сами племена. Внутри них возникают родовые объединения, постепенно распадающиеся на большие патримониальные семьи-фамилии, состоявшие из парных семей. При этом многовековая эволюция кровнородственной общины в территориальную (соседскую) не лишила ее членов чувства органичной принадлежности к тому или иному роду. Внешние и внутренние условия жизни помогали сохранить его в течение очень длительного времени.

Остро дискуссионной представляется и проблема установления прямой зависимости между профессиональной «специализацией» отдельных слоев общества (воины, жрецы, земледельцы, ремесленники, торговцы) и их положением на «вертикальной», социально-иерархической лестнице. Многие современные исследователи, на наш взгляд справедливо, полагают, что подобная многоярусная лестница на подавляющей части территорий Северного Кавказа, в отличие, скажем, от феодальной Европы, так никогда и не появилась. Отношения внутри социума строились не на строгом подчинении одних другим, а на «горизонтальном» разделении сфер ответственности за решение единой задачи выживания данного сообщества.

С VIII века до н.э. (по некоторым данным, с X века до н.э.) северокавказские племена вступают в эпоху новой, третьей «революции», связанной с освоением производства железа¹⁰. Оно становится основным материалом для изготовления орудий труда и оружия, сообщая дополнительное ускорение развитию местных культур. Совершенствуются приемы обработки земли, скотоводческое хозяйство, ремесло, домашние промыслы, строительство жилья и оборонительных сооружений. Возрастает продуктивность охоты и рыболовства. Происходят заметные изменения в военном деле. Железные (позже стальные) мечи, кинжалы, серповидные ножи (прототипы сабель), наконечники копий и стрел, более надежная конская упряжь существенно увеличивали боевую мощь племен, провоцируя их на столкновения¹¹. По-видимому, в

¹⁰ В Малой Азии и Месопотамии железо было известно уже в XIII веке до н.э.

¹¹ Ученые считают, что технология изготовления железа долгое время хранилась в секрете. Плавильщики хотели оставаться монополистами в производстве этого стратегического продукта, предпочитая продавать готовые изделия и тем самым обеспечить себе привилегированное положение в обществе.

железный век начинается специализация отдельных отраслей производства (хотя есть предположение, что истоки такой специализации восходят к эпохе бронзы).

Гораздо более опосредованным было воздействие, которое оказало овладение железом на духовную культуру, живущую, повторимся, по собственным законам внутренней преемственности. Она еще глубже пропитывается языческо-культурными представлениями людей и нефункциональными излишествами (орнамент, инкрустация, чеканка и т.д.), говорившими о дальнейшем возвышении творческого начала, оттачивании художественного мастерства и вкуса. Не случайно образцы скифского искусства, исполненные в так называемом «зверином» стиле, а также артефакты иного происхождения, олицетворявшие синтез тотемической магии и высочайшей изобразительной техники, отнесены к мировым археологическим шедеврам.

Крайне сложным для научного решения является вопрос о характере и степени влияния «железной революции» на устройство общества. Долгое время в отечественной историографии господствовала идея о том, что это влияние было прямым и бесспорным. Выстраивалась схема, согласно которой стремительный рост прибавочного продукта автоматически порождал имущественное и социальное неравенство, в результате чего происходил распад внутриплеменных и внутриродовых связей, формирование частной собственности, антагонистических классов и государственности.

К концу XX – началу XXI века, во многом под влиянием западной антропологии, эта точка зрения подверглась пересмотру в пользу более осторожного подхода к проблеме на основе комплексного изучения источников (вещественных, этнографических, лингвистических, устных, письменных). Ученые стали склоняться к выводу о необычайной устойчивости первобытно-общинной, родоплеменной организации общества, внутри которого процессы социогенеза (в расширительном толковании, подразумевающем все аспекты формирования и развития человеческого общества) и политогенеза протекали крайне медленно, не будучи жестко детерминированы материальными факторами. Потенциальное стремление личности или группы людей к доминирующему имущественному и социальному статусу разбивалось о прочную стену древних обычаев, соблюдение которых считалось залогом выживания общества. Эти обычаи, помимо всего прочего, предполагали «демократические» принципы распределения необходимого и прибавочного продукта, в том числе через внутриродовую и внутриобщинную систему

взаимопомощи, а также через институт так называемой престижной экономики или церемониального дарообмена¹².

Подобные идеи не противоречат предположению о том, что в железный век (а возможно, и ранее) племена Северного Кавказа вступили в ту стадию развития, которую Фридрих Энгельс назвал «военной демократией»¹³. Подтверждением служат неуклонно возрастающие агрессивно-экспансионистские тенденции в поведении больших племенных объединений (скифы, сарматы, аланы, маскуты и др.).

Вместе с тем остаются под вопросом выводы историков, усматривающих в «военной демократии» на Северном Кавказе того времени отчетливые признаки социально-классового расслоения, зарождения собственности и государственных институтов. Даже в том, что касается более или менее хорошо изученных скифских и сарматских племенных союзов, не вполне ясно, была ли у них, как зачастую считается, оформившаяся в привилегированную касту военная аристократия и военные дружины при вождях. Так, многие античные источники единодушно свидетельствуют, что эти племена представляли собой поголовно вооруженный народ, включая зачастую и женщин. Как на этом фоне формировалось дружинно-аристократическое начало и формировалось ли вообще, ученым, видимо, предстоит еще долго выяснять. Классические прецеденты из раннесредневековой европейской и русской истории нельзя переносить на северокавказские реалии рубежа новой эры.

Темпы социальной эволюции на Северном Кавказе, медленные и невыразительные в любом случае, зависели от миграционных процессов и

¹² Эти термины введены в научный оборот западными этнографами (Марсель Мосс, Бронислав Малиновский и др.) для описания системы распределения материальных благ в условиях родового строя. На базе изучения изолированных первобытных сообществ, сохранившихся в XX веке, ученые выдвинули идею о том, что, согласно общинным законам, прибавочный продукт, тем или иным способом (включая военные набеги) добытый отдельной семьей или индивидуумом, поступал лишь в их распоряжение, но не в их собственность, право на которую оставалось за общиной. Это право она реализовывала путем негласного морального принуждения «богачей» к справедливому распределению излишков между сородичами. Церемония такого распределения, принимавшая различные формы дарения, конвертировалась в социальный престиж, высоко ценимый как достойное воздаяние за проявленную щедрость и верность традициям. Элементы престижной экономики можно обнаружить на Северном Кавказе и в наши дни.

¹³ «...война и организация для войны становятся теперь регулярными функциями народной жизни» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.21. С.164).

природно-ландшафтной среды обитания. С одной стороны, племена объединялись в мощные союзы во главе с общим вождем. И это, в принципе, должно указывать на зарождение протополитических этносистем, защищавших свое право на существование не только оборонительными, но и экспансионистскими методами. С другой стороны, постоянные массовые переселения (вызванные разными причинами) и военные походы в Закавказье и Малую Азию, где значительная часть участников иногда оседала, растворяясь среди местных этносов, приводили к дроблению племенных союзов и даже отдельных племен, препятствуя политогенезу.

Такие же противоречивые выводы напрашиваются и касательно проблемы влияния природно-географического фактора на эволюцию общества. К примеру, в горной местности есть все условия для оседлого образа жизни – одной из важнейших предпосылок социогенеза. Но в то же время нет более подходящего места, чем горы, для устойчивого воспроизводства и консервации самых архаичных форм общественного быта. Прочная оседлость (когда она имела место) и замкнутость горских популяций, в условиях более слабой хозяйственно-экономической базы, лишь усиливала их сопротивление переменам и внешним заимствованиям.

Столь же неоднозначной была ситуация на равнинных и приморских территориях. С одной стороны, это благодатные места, с точки зрения хозяйственной деятельности, торгового и культурного обмена, создающих предпосылки для ускоренного эволюционного развития. С другой стороны, из-за своей открытости они крайне уязвимы перед лицом внешних угроз, что заставляет социум отвлекать большие силы на обеспечение обороноспособности без всякой гарантии от перспективы рано или поздно быть стертym с лица земли в результате военной или биологической (пандемии) катастрофы.

Если продолжить перечень примеров проявления вышеописанной противоречивости, то можно обратиться еще к одному. Согласно распространенному среди ученых мнению, Предкавказская низменность, благодаря уже упомянутым причинам, всегда была привлекательным ареалом для поселения, что периодически приводило к демографическим кризисам, вызванным избыточным давлением разросшейся популяции на неограниченный производительный потенциал равнины. Этим обуславливался массовый исход населения, фрагментация племен и, не исключено, родов. Иными словами, равнина, несмотря на свои очевидные преимущества перед горами, в течение огромного исторического

периода не давала возможности для оседлого и безопасного существования, достаточно длительного, чтобы создать предпосылки для формирования этносов и их перехода от примитивных потестарных институтов к раннеполитическим объединениям.

Северный Кавказ предоставляет бесчисленные подтверждения подобных явлений.

ЭЛЛИНО-СКИФСКИЙ СИНТЕЗ Огромное цивилизационно-культурное и отчасти социально-политическое влияние на северокавказские племена оказала греческая колонизация Крыма и восточного побережья

Азовского и Черного морей. Начавшись в VI веке до н.э., она быстро приносит яркие результаты. Греки основывают города-колонии – Пантикапей (Керчь), Нимфрей, Мирмекий, Фанагория, Кепы, Германасса (Тамань), Горгиппия (Анапа) и другие. Около 480 года до н.э. они объединились в Боспорское царство со столицей в Пантикапее. Это государство было продолжением греческой цивилизации, с которой оно поддерживало тесные политические, династические и торговые связи. Поначалу Царство занимало узкие полоски земли по обе стороны Керченского пролива. Затем наступает эпоха военной экспансии в восточном и западном направлении. Боспорские цари, считавшие окружающий их владения этнический мир варварским, стремились подчинить его себе и, возможно, окультурить. Греки отнюдь не всегда применяли оружие, а использовали и другие средства, эксплуатируя естественную силу цивилизационного притяжения, которому более примитивные общественные организмы зачастую не могли и не хотели сопротивляться. На западе (Крымский полуостров) объектом такой экспансии были отличавшиеся особой свирепостью племена тавров и крымских скифов, на востоке (Северо-Западный Кавказ и Приазовье) – синды и меоты (об их предполагаемой этнической принадлежности пойдет речь ниже).

К середине I века н.э. Боспорское царство контролировало почти всю территорию Крыма и обширные земли от устья Танаиса (Дона) до города Бата (на месте современного Новороссийска). Судить о степени эффективности такого контроля трудно. Благодаря наличию исторических свидетельств гораздо проще констатировать греческое культурное и отчасти, политическое влияние на аборигенные племена¹⁴. Их внутрен-

¹⁴ Некоторые исследователи, ссылаясь на присутствие в античных источниках упомина-

ние усобицы позволяли боспорским царям прибегать к военным услугам синдов в борьбе как против меотов, так и против своих соотечественников, претендовавших на пантикапейский престол. По-разному складывались отношения Боспора с соседними скифами и сарматами (см. ниже), но, какими бы они ни были, неотразимое воздействие античной культуры испытывали на себе все «варварские» племена.

Захваченные и прилегающие к Царству территории являлись источником его экономического процветания. Плодородные кубанские земли стали житницей не только для Боспора, но и для Афин (пшеница, ячмень, просо). В предметы экспорта входили также соленая и вяленая рыба, скот, мед, воск, кожи, меха, лес. Вывозились отсюда и рабы. «Метрополия» отвечала поставками вина, оливкового масла, металлических изделий, драгоценностей, дорогих тканей, предметов искусства (терракотовые статуи, художественные вазы, амфоры, ювелирные украшения).

В этот товарооборот вовлекалась и «варварская» периферия, простиравшаяся на довольно почтительную глубину северокавказского пространства. Вожди местных племен выступали, по-видимому, в качестве организаторов зерновых поставок, с одной стороны, и потребителей античных материальных и культурных ценностей, – с другой.

Само расположение боспорских городов, прибрежное по преимуществу, говорило о стремлении сохранить надежную связь с метрополией. Они, располагаясь в удобных морских гаванях, были не только торгово-ремесленными и культурными центрами, но и военными крепостями, выполнявшими оборонительные и экспансионистские задачи.

Благодаря своему огромному цивилизационному потенциалу Боспорское царство, просуществовавшее десять веков, справедливо рассматривается учеными как органичная часть древней кавказской истории. Из античных свидетельств о жизни этого царства мы черпаем внушительный объем информации о том, что представляли собой окружающие племена. В том числе скифы и сарматы, которые сыграли одну из ключевых ролей в гигантском этническом метаболизме, происхо-

ний о синдских «царях», полагают, что Боспор подчинил себе не первобытные местные племена, а едва ли не полноценное государство под названием Синдика. По мнению других, это государство образовалось позже, благодаря греческому культурному влиянию. Третьи вообще отрицают наличие у синдов государственности, поскольку Геродот и другие античные авторы, которые оперировали привычными для себя терминологическими категориями, «царями» именовали всех племенных вождей варваров.

дившем на необъятных просторах западной Евразии от Нижней Волги до Дуная. Боспорскому царству суждено было стать свидетелем и участником процессов, происходивших в этом плавильном котле. Миграционные волны, которые накатывались на Северный Кавказ и Предкавказье с востока, намывали слой за слоем то, что составит сложнейшую и многоцветную этнополитическую картину. (Вопросы этногенеза – тема отдельная.)

Первая группа племен, зафиксированная здесь письменными источниками (Геродот, 484–425 годы до н.э.), вошла в историю под общим именем «киммерийцы». О них почти ничего не известно, помимо весьма предположительной информации о том, что они были пришельцами, принадлежавшими к одной из ветвей индо-европейской (индо-иранской) языковой семьи и обосновавшимися на северных берегах Черного моря (приблизительно X–VIII века до н.э.), откуда время от времени проникали в глубь кавказских земель¹⁵. Также на правах гипотезы существует идея, согласно которой киммерийцы на Кавказе являли собой тонкий социально-этнический слой завоевателей, установивших господство над аборигенным населением¹⁶. Оно не могло не оставить этногенетических и культурно-лингвистических последствий, как позволительно предполагать, обратившись к аналогичным, но более доступным для исследования историческим ситуациям¹⁷.

Киммерийцы были отчасти уничтожены и вытеснены, отчасти ассимилированы следующей миграционной волной с востока – скифами, также принадлежавшими к индо-иранской языковой группе¹⁸. О них мы

¹⁵ Лишний раз заметим: все, что не имеет прочной доказательной базы в виде исторических источников, по определению попадает в разряд научно-дискуссионных проблем, в лучшем случае, и в разряд разнужданных идеологических спекуляций, в худшем. Впрочем, и наличие такой базы зачастую не спасает от попыток подменить относительно достоверные свидетельства наукообразными мифами, когда речь заходит о чувствительных темах.

¹⁶ К понятию «аборигенный», крайне условному, приходится прибегать по необходимости найти какое-то определение для людей, живших на данной территории на момент прихода завоевателей. Это вовсе не означает, что «аборигены» были здесь всегда. Они когда-то тоже пришли сюда со стороны, чтобы покорить, вытеснить или смешаться с предшественниками.

¹⁷ Однако предположение, что Волго-Днепровское пространство впервые было политически организовано киммерийцами, остается лишь предположением.

¹⁸ Скифское нашествие – лишь очередной этап в более чем 20-вековом процессе массового

имеем гораздо больше относительно достоверных данных, которые, впрочем, оставляют нераскрытыми многие вопросы. Скифское господство, распространявшееся в период апогея на гигантское пространство от Урала до Дуная, длилось пять веков (с VII до конца III века до н.э.). Инструментами поддержания этого господства служили военное превосходство¹⁹ и внушительная численность скифов. Данное обстоятельство позволяло скифским племенам рассредоточиться таким образом, чтобы каждому из них было удобно контролировать определенную территорию.

Но едва ли не самым эффективным средством обеспечения столь длительного доминирования на столь обширном пространстве оказался скифский прагматизм. Скифы применяли силу лишь к тем, кто своим сопротивлением мешал им обосноваться на новых землях, и ровно до тех пор, пока это сопротивление имело место. Во всех остальных случаях они старались использовать военный, хозяйственный и культурный потенциал местного населения, устанавливая с ним тесные связи, благодаря которым скифы не только меняли окружающий этно-языковый и социальный ландшафт, но и менялись сами. Племена, признававшие власть скифов, становились для пришельцев источником многих полезных заимствований, притока знаний и свежей крови. Ассимилирую и

передвижения кочевников из восточной Евразии на запад. Началось оно, вероятно, под ударами китайцев, развернувших затяжную войну с «северными варварами», которые, терпя одно поражение за другим, вынуждены были переселяться. Киммерийцев, представлявших первую из известных переселенческих волн, сменили скифы.

¹⁹ *Стремительная скифская кавалерия, искусно использовавшая самое опасное оружие того времени – лук и дальнобойные стрелы, наводила страх на всех. Она применяла тактику молниеносных фланговых ударов, после которых, в зависимости от ситуации, имитировала отступление, чтобы заманить врага в глубь своей территории, окружить и уничтожить. Даже армии великих империй пасовали перед такими приемами войны. Классический пример – провал в 512 году до н.э. скифской кампании персидского царя Дария I. Имея в своем распоряжении 700-тысячное войско, он был вынужден прекратить наступление, когда увидел перед собой вместо противника выжженную степь, где нельзя было найти ни пропитания (поскольку скифы отогнали весь свой скот), ни воды (поскольку они уничтожили все колодцы). Стоило Дарию повернуть назад, как скифы тут же начали преследование, уничтожая его армию по частям. В результате к исходным позициям вернулась лишь часть персидского воинства. Еще более трагическая участь ожидала в 331 году до н.э. сподвижника Александра Македонского полководца Зопириона, наголову разбитого скифами и погибшего в битве с ними.*

ассимилируясь, они со временем эволюционировали, по сути, в новую общность, точнее – общности, в которых накапливалось все больше черт, отличавших их друг от друга.

Понятие «скифская империя», применяемое авторитетными историками²⁰, – скорее метафора, чем реальная форма политического бытования. Само по себе господство, даже если оно распространяется на всю западную Евразию, вовсе не равнозначно наличию оформившихся институтов власти и управления в точном значении этих категорий. Так называемая «скифская империя» представляла собой нечто вроде свободной конфедерации сильных кочевых племен (не только скифского происхождения), не знакомых с чувством привязанности к территории, на которой обитали²¹. Там не было и намека на централизованную власть как систему вертикального подчинения, то есть на то, без чего не может существовать империя. Этническая ткань конфедерации легко впитывала в себя местные, инородные элементы, обогащаясь, усложняясь, обретая новые культурные и языковые оттенки.

Быть может, первое, что поражает в скифах в плане их культурной открытости и восприимчивости и за что им нужно отдать должное, – это отношение завоевателей к Боспорскому царству. Против ожиданий, скифского рационализма вполне хватило на то, чтобы отказаться от типичного «варварского» соблазна захватить и присвоить завораживающие своим блеском жемчужины античной цивилизации. Предводители, казалось бы, диких орд, способных уничтожить не одно такое царство, быстро сообразили, насколько выгоднее учиться у греков, чем воевать с ними. Греки не имели ничего против. Им тоже не хотелось перенапрягать свои ресурсы в борьбе с противником, который может положить конец их присутствию в Крыму и на азовско-черноморском побережье Кавказа. Они, как и их потенциальные могильщики, предпочли взаимную выгоду. Так возникли оживленные торговые, культурные и личные связи между греками и скифами, с течением времени принесшие громадные цивилизационные последствия не только для северокавказского этнического пространства, но и для всей Южной Руси.

Боспорские цари, будучи мастерами компромиссов, не стеснялись откупаться от скифских набегов щедрой данью²². Она оправдывала себя

²⁰ См., например: Вернадский Г.В. Указ. соч. С.72.

²¹ Кибитки на колесах, в которых жили скифы, были ярким символом их готовности в любой момент сняться с одного места и двинуться в другое.

²² Не стоит забывать, что скифы, при всей их тяге к эллинской цивилизации, жили в

сторицей не только потому, что избавляла греков от «варварской» угрозы, но и потому, что делала скифов заинтересованными экономическими партнерами. Их вожди охотно брали на себя функции организаторов хозяйственной жизни²³ племен скифского и иного (синды, меоты) происхождения, находившихся под их управлением или влиянием. В распоряжении эллинов появились прекрасные посредники в торговле с Закавказьем, Персией, восточной Евразией. Скифы контролировали крупные речные магистрали – Днестр, Буг, Днепр, Дон, Волгу, по которым осуществлялась транспортировка товаров, ввозимых и вывозимых Боспорским царством. Торговля, по-видимому, производилась как на основе простого обмена, так и с помощью боспорских золотых и серебряных монет, что дало скифам возможность познакомиться с денежной системой²⁴.

Культурно-мировоззренческая основа скифского общества, естественно, имела определенный запас прочности, которая обеспечивалась охранительным механизмом, защищавшим от внешних воздействий. Нет ничего невероятного в предположении, что данный механизм не позволял племенным вождям открыто демонстрировать свой интерес к такой блистательной грани эллинской цивилизации, как искусство. Однако нет ничего неправдоподобного и в гипотезе, дающей основание считать их тайными поклонниками мастерства греческих художников и ремесленников, получавших заказы от «варварской аристократии». Те, кто выполнял эти заказы, с одной стороны, приспосабливались к скифским художественным вкусам, с другой – находили в чужой культуре и в чужом воображении источник творческого вдохновения, что, в свою

условиях «военной демократии», избавиться от родимого пятна которой – разбоя с целью обретения добычи – они не могли. Попутно заметим, что в устах профессионального историка, изучающего древние времена, слова «разбой», «грабеж», «набег», «нашествие» и их аналоги, как правило, не имеют никакого оценочно-эмоционального, осуждающего подтекста. Они используются лишь для объективной констатации характерных черт определенных обществ в определенный период развития.

²³ То есть земледелия и скотоводства, во многом ориентированных на удовлетворение растущих потребностей Боспорского царства, которые стимулировали производство местной сельскохозяйственной продукции, в основном зерновых злаков.

²⁴ Правда, остается не ясным, насколько скифское сознание научилось воспринимать греческие монеты в качестве всеобщего эквивалента. Или же для них это были лишь драгоценные художественные изделия, способные служить средством обмена, символом социального престижа и влияния?

очередь, оказало большое влияние на развитие эллинского искусства. Сочетание дикости и утонченности в знаменитом «зверином стиле» олицетворяло сплав скифского видения мира с греческой техникой выражения и облагораживания буйной «варварской» фантазии. Греческие мастера невольно подчеркивали диссонанс между выдающимися образцами скифской культуры и примитивной общественной организацией, во многом подчиненной разбойничьему образу жизни²⁵.

Как мы уже намекнули, среди достижений эллинистической цивилизации были и такие, которые так и не прижились на скифской почве, если они вообще являлись объектами сознательного заимствования. Речь, прежде всего, о государственно-политической организации Боспорского царства, развивавшейся от демократии к монархии. Не исключено, что некоторые вожди скифов проявляли интерес и к этой стороне греческой культуры. Однако вожди в принципе не могли перенять эту культуру до тех пор, пока социальное сознание их соплеменников не созреет до позитивного восприятия более или менее развитых форм государственности. Импортировать эту сложную материю и искусственно вживлять ее в общественный организм догосударственного типа отнюдь не то же самое, что покупать у греков предметы роскоши.

Потенциальным доказательством внутреннего сопротивления «почвы» нововведениям служит описанная Геродотом история Анахарсиса. Один из скифских племенных вождей, плененный эллинской культурой, отправился в Афины учиться (рубеж VII–VI веков до н.э.), а по возвращении был убит за предпринятые им попытки провести реформы (в том числе, вероятно, и «политические»). Такая же судьба постигла Скила, другого представителя скифской «аристократии».

Решительно отвергали скифы и чужие культово-мифологические системы. Удивительно веротерпимые к другим, они были ортодоксально-требовательны к себе. Греческим божествам не нашлось места в скифском пантеоне, а греческим обычаям – в скифском повседневном быту. Соплеменники с малейшими признаками вероотступничества карались беспощадно, невзирая на социальный статус. Более того, в первую очередь наказывались авторитетные и влиятельные изменники, как наиболее опасная угроза идеологической цельности общества, кото-

²⁵ Нечто похожее мы наблюдаем у древних викингов, которые, прославив даже в варварской Европе первобытными дикарями, ведомыми ненасытным голодом грабежа и смерти, в то же время умудрились создать потрясающие в своей художественной выразительности культурные ценности.

рое таким образом ограждалось от духовного раскола. Благодаря этому удалось сохранить власть традиционных (индоиранских) богов над сознанием скифов.

Скифы контрастно и в то же время с какой-то парадоксальной органичностью соединяли в себе безотчетную тягу к более высокой культуре со столь же инстинктивным неприятием чужеродных элементов и с совершенно дикими, но типичными для Евразии обычаями. В глазах греков (а позднее и римлян) они так и остались варварами. Хотя в итоге многовековое скифо-эллинское общение породило, как полагают многие ученые²⁶, явление, достойное именоваться культурным и этногенетическим синтезом, оказавшим значительное воздействие на процесс возникновения прототипов современных народов России, в том числе на формирование славяно-русского этнополитического ядра²⁷.

Вместе с тем благодаря своей военной силе, с одной стороны, и умению найти компромиссы со всеми покоренными племенами – с другой, скифы обеспечили в западной Евразии то, что мало кому удавалось: относительный мир и межплеменное равновесие в течение трех столетий (V–III века до н.э.).

**БОСПОРСКОЕ ЦАРСТВО:
КУЛЬТУРА
ПРОТИВ ВАРВАРИЗАЦИИ**

Постепенный упадок Боспорского царства, вызванный внутренними и внешними причинами²⁸, сопровождался экспансией в Волго-Донское междуречье сарматов, еще одного

союза индоиранских племен, пришедших с востока в начале II века до н.э. Близкое этногенетическое и лингвистическое родство со скифами совершенно не помешало сарматам обрушиться на них войной²⁹, чтобы

²⁶ Вернадский Г.В. Указ. соч. С.66, 74, 76–77.

²⁷ Кровное смешение скифов с боспорскими греками привело к появлению некой субэтнической группы, известной под названием «полугреки» или «греко-скифы».

²⁸ Имеется в виду изнурительная борьба за боспорский престол с участием, с одной стороны, местных политических группировок, с другой – Афин, Понтийского царства, Рима, Византии. Определенную роль сыграл фактор усиливавшегося давления «варварской» периферии, внутри которой скифов, как доминирующую силу, сменили новые пришельцы с востока, настроенные в отношении греков менее компромиссно.

²⁹ Скифская легкая кавалерия с ее тактикой «бесконтактного» боя, ставшей возможной благодаря использованию лука и стрел, оказалась уязвимой перед тяжелой сарматской кавалерией, вооруженной железными мечами и копьями, защищенной кольчугами, испол-

уничтожить одних, вытеснить на запад других, растворить в себе третьих³⁰.

В принципе сарматы, как и скифы, были прагматиками. Сменив своих предшественников в роли хозяев Волго-Донского междуречья, они переняли у скифов рациональный стиль общения с покорившимися племенами³¹. Будучи кочевым народом, сарматы быстро осознали степень своей зависимости от налаженной хозяйственной жизни местных «варваров» и их торговых связей с Боспорским царством. Разрушать все это и начинать с нуля не было никакого резона.

Не видели они смысла и в том, чтобы забираться глубоко в отроги центральной части Кавказского хребта и с большими жертвами подчинять себе живших там с незапамятных времен аборигенов³². Последним, похоже, позволили сохранить свой «суверенитет» в обмен на согласие не создавать для сарматских воинов лишних военных проблем, когда тем придется использовать Дарьяльский и другие горные проходы для вторжений в Закавказье³³.

Период установления сарматского господства занял несколько десятилетий смуты и неопределенности, после чего пришельцы старались обеспечить мир и стабильность. Но им, в отличие от скифов, эта задача

ненной непоколебимого стремления методично завоевывать территорию за территориями. Против такого напора скифские тактические хитрости были малоэффективны. Не случайно римский историк Гай Корнелий Тацит (II век до н.э.) писал, что едва ли какая-либо армия могла устоять под ударами сарматов.

³⁰ *Следует пояснить, что первым ударам сарматов подверглись восточные скифы, обитавшие между Волгой и Доном. Одна их часть, потерпев поражение от своих «родственников», двинулась в Подунавье, где западные скифы едва сдерживали натиск кельтов (галлов), другая часть искала спасения в Таврии, чтобы присоединиться к иным скифским племенам, жившим там и ранее.*

³¹ *Существует мнение, что степень военно-силового воздействия сарматов на скифов крайне преувеличена в исторической литературе. Уничтожена или изгнана была только скифская «царская» верхушка, а «простой народ» спокойно принял новую, этнически ему не чуждую власть.*

³² *В частности, носителей позднекобанской археологической культуры, об этнической принадлежности которых идут жаркие споры.*

³³ *Вместе с тем почему бы, вслед за Страбоном, не предположить, что местные племена Центрального Кавказа этнически смешались сначала со скифами, а потом с сарматами? Впрочем, к сообщениям древних авторов, во многом неточным и порой глубоко противоречивым, следует относиться с большой осторожностью.*

давалась с гораздо большим трудом. Дело в том, что сарматы были сплочены и управляемы еще менее, чем их предшественники³⁴. Данное обстоятельство придавало глубокую противоречивость сармато-боспорским связям. Скифы с их «царями» были для греков удобны своей относительной организованностью и предсказуемостью³⁵. Сарматы же представляли угрозу, поскольку более слабое предводительское начало давало основание сомневаться в их договороспособности³⁶.

Отсутствие политического единства, судя по всему, обусловило и неоднозначное отношение сарматов к Боспорскому царству. Были племенные вожди, питавшие пиетет к эллинской цивилизации. Видимо, именно они сохранили скифскую традицию культурного общения с греками, о чем свидетельствует дальнейшее развитие «звериного стиля» в сарматском искусстве. Но были и племена (временно объединенные в сложную и этнически неоднородную систему союзов), взявшие курс на завоевание царства.

Теперь «проблема варваров» стала для боспорских правителей намного актуальнее, чем в скифское время. Это вынудило их (конец II века до н.э.) просить военной помощи у понтийского царя Митридата VI, в обмен на которую Боспор признал его верховную власть. Внешнее вмешательство превратило Царство в объект запутанных политических интриг с участием, с одной стороны, Рима и, с другой, – сарматских вождей, быстро приобретших вкус к занятиям подоб-

³⁴ Стремясь преодолеть эту разобщенность, сарматы не щадили и друг друга. Вожди наиболее сильных племен брали на себя объединительно-политические задачи и решали их путем установления собственного господства военно-принудительными методами.

³⁵ Слабая организованность и непредсказуемость сарматов являлась большой проблемой для их соседей. Согласно одному античному источнику (Полибий) скифы, долгое время жившие в условиях мирного соседства с сарматами, внезапно подверглись вероломному нападению своей близкой «родни». Похоже, это была лишь какая-то часть сарматских племен, действовавшая по собственному произволу, независимо от других.

³⁶ Примечательно, что, как бы в подтверждение этого, лишь в двух античных источниках [Страбон (64 г. до н.э. – 24 г. н.э.) и Аппиан (ок. 95 г. – 170-е годы н.э.)] употребляется понятие «сарматские цари», тогда как в отношении скифов оно встречается гораздо чаще. Отсутствие единоначалия делало сарматов жертвами соблазнов, исходивших от более или менее организованных платежеспособных государств – Парфии, Рима, Понтийского царства, Иберии, Армении. Сарматские ландскнехты нанимались в разные армии, находившиеся в состоянии войны друг с другом, и становились орудием чужих интриг и интересов, платя за это собственными жизнями.

ного рода³⁷. В этой учебе они настолько преуспели, что с середины I века до н.э. стали выдвигать из своих рядов претендентов на Пантикапейский престол³⁸.

Все эти события происходили на фоне постепенного упадка и «варваризации» Боспора. В культуре и повседневной жизни Царства усиливаются сарматские (индоиранские) элементы. Аристократическая элита Пантикапея разбавляется представителями местных племен. Греки утрачивают монополию на власть на фоне продолжающегося этнического смешения, начавшегося еще при скифах. Подобно скифам, сарматы играли значительную роль в торгово-экономической жизни Боспора, обеспечивая поставки зерна и другой сельскохозяйственной продукции, производимой на «варварских» территориях. Греческий язык, сохраняя статус официального, утрачивает свои позиции в бытовом обиходе, вытесняясь иранскими диалектами. То же со стилем одежды, в котором начинает доминировать сарматская «мода».

Внешнее влияние не обошло стороной даже такую фундаментальную сферу, как идеология. О том, насколько оправданно говорить здесь о влиянии индоиранской культовой системы, судить трудно³⁹. А вот о том, что касается проникновения в Боспорское царство иудаизма, начавшегося с конца I века н.э., есть надежные свидетельства. Они же объясняют это притоком еврейских поселенцев, из которых в боспорских городах образовались сильные торгово-ремесленные сообщества.

Были ли все эти «игры обмена» (Фернан Бродель) регрессом? Вопрос не простой. Если да, то тут явно присутствовала какая-то закономерность, возможно, связанная со следующим. В условиях общего упадка эллинистической цивилизации (включая такой важный компонент, как государственность, «экспортированная» афинской метрополией во все концы ойкумены) она теряла свои конкурентные преимущества над другими культурами. Вместе с тем огромное влияние греков на эти самые «другие культуры» вне всякого сомнения.

³⁷ Митридат VI нанимал сарматских и скифских воинов в борьбе против Рима. А позднее Рим прибежал к их «профессиональным» услугам с целью достижения собственных военно-политических целей.

³⁸ По крайней мере, трое из боспорских царей (Асандр, Аспург, Котий) были сармато-скифского происхождения.

³⁹ По мнению некоторых исследователей, скифо-сарматская и эллинская идеологии оказывали взаимное влияние друг на друга, что нашло отражение в синкретизации религиозных культов.

В принципе тот факт, что эллинское начало утрачивало свои господствующие позиции в Боспорском царстве, вовсе не обязательно означал наступление цивилизационной катастрофы. Скорее, это был эволюционный момент в развитии государства. Не будем забывать, что Боспор испытывал культурное давление не только со стороны «варваров»⁴⁰, но и со стороны Рима, превратившего греческую колонию в плацдарм своего политического влияния (I–II века н.э.).

Закат Боспорского царства шел по сложной, прерывистой траектории, на которой были разные по длительности периоды возрождения. Один из них, как считается, связан именно с экспансией Римской империи (I–II века н.э.). Логично предположить, что второй расцвет Боспора отразился и на культурном облике сарматов, определенные изменения в котором прослеживаются по археологическим памятникам. Не противоречит логике и гипотеза о посреднической роли сарматов в распространении элементов античной цивилизации среди других «варварских» племен Северного Кавказа. Говорить об этом дают основание находки из местных курганных погребений, отличающиеся большим разнообразием и новизной художественно-выразительных средств⁴¹.

Описывая сарматов, древние источники, начиная с I века н.э., все чаще выделяют среди них племя алан. Власть, нравы и образ жизни этого воинственного сообщества быстро распространились по всему Северному Кавказу, где оно вобрало в себя этнически чужеродные элементы, дав им свое имя и, вероятно, язык. Во всяком случае, так утверждают античные историки (Аммиан Марцеллин). Они же позволяют идентифицировать социальную организацию алан как военно-демократическую⁴².

⁴⁰ Отождествлять это давление только с регрессом едва ли правомерно. Скорее всего, тут можно говорить о некоей разновидности культурного синтеза наподобие того, что мы встречаем в «варварских королевствах» раннесредневековой Европы, впитавшей в себя цивилизационное наследие античности.

⁴¹ Впрочем, это разнообразие, возможно, является свидетельством более сложных процессов, чем античная или, как полагает ряд ученых, сарматская культурная экспансия, объектом которой стали досарматские и доскифские культуры. Есть, вероятно, смысл рассматривать все это как результат длительного культурного синтеза, включающего и встречное влияние «варварской» художественно-образной стилистики местного, северокавказского, происхождения.

⁴² Заслуживает внимания и одновременно очень взыскательного анализа популярная среди современных историков идея о высоком уровне социальной и имущественной дифферен-

Аланы продолжили сарматско-скифскую традицию культурных связей с Боспорским царством, многое почерпнув из эллинской цивилизации и став мостом между нею и «автохтонными»⁴³ племенами Северного Кавказа. «Варварство» алан не помешало им испытывать духовное тяготение к Боспору, с которым они, помимо всего прочего, предпочитали общаться на греческом языке⁴⁴. Тут уместно отметить, что культурные горизонты скифов, сарматов, алан ширились благодаря превращениям кочевых судеб, разбросавших эти племена по просторам Евразии от Китая до Северной Африки, подвергнув их тяжким испытаниям и подарив вместе с тем уникальную возможность соприкосновения с великими цивилизациями Античности и Раннего Средневековья.

Вероятно, не без влияния античной политической культуры закладывались предпосылки для возникновения в будущем (IX–XIII века) аланского протогосударственного союза, установившего свою власть почти над всей территорией Северного Кавказа.

Есть основания полагать, что вне контроля алан осталась южная часть Северо-Восточного Кавказа (современный Южный Дагестан), входившая в состав Кавказской Албании – сильного военно-политического союза племен, появившегося в IV–III веках до н.э. и просуществовавшего до VIII века н.э.⁴⁵

циации среди аланских племен того времени. Эта идея фактически является продолжением весьма сомнительной гипотезы (которая препарируется в виде доказанной концепции) о наличии у скифов сословной структуры, естественным образом унаследованной их более поздними родственниками. Любопытно при этом, что дискуссионный пафос сосредоточен на проблеме «чистой линии» в этногенезе, а не на сложнейших путях социо- и политогенеза.

⁴³ Мы намеренно берем этот термин в кавычки, поскольку «автохтонность», применительно к изменчивому этническому составу Северного Кавказа той эпохи, – понятие, как мы уже имели случай заметить, очень условное.

⁴⁴ В Фанагории находилась школа аланских переводчиков, обслуживавших аланско-боспорские связи, которые, видимо, были настолько развиты, что требовали наличия определенного количества подобного рода специалистов.

⁴⁵ История Кавказской Албании, полная загадок и тайн, – предмет ожесточенных научных и околонучных споров, основу для которых создает не только современная политико-идеологическая атмосфера, но и скудная информация об этнолингвистическом составе этого протогосударства, его географических границах, властных институтах и социальной структуре, господствующих религиозно-мировоззренческих системах.

Несколько иную картину представляли территории Северного и Приморского Дагестана, где сармато-аланское влияние, как можно судить по археологическим находкам, чувствовалось в большей степени. Но оно было не настолько сильным, чтобы вытеснить автохтонные культуры. Артефакты, найденные в местных захоронениях, относящихся к первым векам нашей эры, говорят скорее о сложном культурном синтезе, породившем блистательные образцы ремесленного искусства, которые исполнены в изящно-затейливой манере. Это свидетельствовало о более взыскательных эстетических требованиях даже к изделиям сугубо практического назначения, не говоря уже о ювелирных украшениях, кульгово-тотемическом инвентаре и других предметах, отражающих духовно-мировоззренческую сторону бытия.

Население Северного Дагестана жило в условиях родоплеменной организации и этнической пестроты. Природно-географические особенности горного края препятствовали процессам «политической коагуляции», способствуя консервации наиболее архаичных форм народной жизни в территориально разобщенных социальных локусах. Даже на равнинных землях если и происходило нечто похожее на формирование протогосударственных ядер, то оно отличалось очень невыразительным и крайне дискретным темпом – от короткого всплеска к бесследному исчезновению. Пожалуй, наиболее известным из подобного рода этнополитических организмов являлось военно-племенное объединение маскутов, иногда именуемое «царством». Скорее всего, по аналогии со скифо-сармато-аланской социальной организацией во главе с вождями, но отнюдь не в соответствии с тогдашними историческими реалиями, исключавшими появление царств в точном смысле слова. Скудость сведений о маскутах лишний раз убеждает в эфемерности этого «государства». С большим или меньшим основанием можно утверждать лишь то, что указанные племена обитали в Приморском Дагестане и вели «военно-демократический» образ жизни, совершая через Дербентский проход опустошительные набеги на Закавказье.

**ГУННСКИЙ УРАГАН:
МОЩЬ, НЕ ПОДДАЮЩАЯСЯ
УКРОЩЕНИЮ**

С середины III века н.э. в Северном Причерноморье и на азовско-кубанском пространстве алано-сарматов начало теснить германское племя готов, пришедшее из Скандинавии. Этот процесс, судя по источникам, протекал противоречиво. В течение долгого времени (до 60-х годов IV века) существовало некое

подобие союзнических отношений⁴⁶. Готы извлекли из этого союза больше пользы, чем алано-сарматы, у которых они позаимствовали вооружение, военную организацию и приемы ведения боя, более совершенное ремесленное производство и искусство. Нельзя сбрасывать со счетов и предположение о том, что алано-сарматы тоже могли найти выгоду в участии в готских разбойных набегах на северные и восточные провинции Римской империи, а также на греческие колонии черноморского побережья Кавказа⁴⁷.

Отношения алано-сарматов с готами никогда не были идеальными. Скапливавшийся в них потенциал враждебности, совершенно естественный для столь разных и в то же время столь схожих в своем экспансионизме этносов, рано или поздно грозил вылиться в открытое столкновение. Оно не заставило себя ждать благодаря грубой политике амбициозного готского вождя Германариха, стремившегося насильственно объединить под своей властью не только соплеменников, но и алано-сарматов. Неизвестно, чем бы закончилось это выяснение отношений⁴⁸, если бы не гунны, положившие конец и господству готов, и притязаниям их соперников.

Гуннскому нашествию (360-е годы) суждено было стать кульминационным этапом в гигантской исторической драме под названием «великое переселение народов», сравнимой с тектоническим сдвигом катастрофического масштаба⁴⁹. Перед «цунами» такой невероятной силы не смогли устоять даже самые мощные племенные союзы Евразии.

В Волго-Донском междуречье первыми приняли на себя этот удар аланы. Одна часть их была разбита, другая оттеснена к предгорьям Се-

⁴⁶ Возможно, правы те историки, которые предполагают, что этот союз был заключен на основе признания аланами готского «сюзеренитета».

⁴⁷ Готы были прекрасными кораблестроителями и мореходами. Это врожденное свойство скандинавов позволяло готам грабить доступные с моря территории, расположенные за многие сотни километров от их нового степного дома, и возвращаться из морских походов с огромной добычей и пленными.

⁴⁸ Существует даже легенда о том, что апофеозом этого противостояния стала рыцарская дуэль на луках между вождями алан с одной стороны и готов – с другой.

⁴⁹ Энергия гуннского удара накапливалась в результате давления с востока, которое оказывали на гуннов другие тюркские племена, которые, в свою очередь, теснились многочисленными сородичами, кочевавшими на севере Китая и искавшими жизненное пространство на западе.

верного Кавказа⁵⁰, третья вступила в союз с победителями и двинулась с ними на запад, где сыграла заметную роль в поздней истории Римской империи и в процессе зарождения раннесредневековых варварских королевств Европы⁵¹.

По сведениям античных писателей (Аммиан Марцеллин), уровень социально-культурного развития гуннов был существенно ниже того, на котором находились поверженные ими племена. Можно поэтому предположить, что своеобразным продолжением их дикости являлась восприимчивость к более высоким формам организации жизни. Этот стихийный рационализм заставил гуннов думать не только о том, чтобы сметать на своем пути все без разбору, но и о компромиссных соглашениях с теми, кто признавал их власть и у кого было чему поучиться. Но на язык компромиссов гунны переходили, лишь преодолев сопротивление самых гордых и строптивых из них.

Вслед за аланами наступил черед готов испытать на себе сокрушительную силу пришельцев. Армия Германариха потерпела полное поражение (около 370 года), а сам он то ли пал в бою, то ли покончил с собой⁵².

Гунны, представлявшие первую ударную волну гуннского переселения, задержались на Северном Кавказе всего на два–три десятка лет. Но за это время они успели совершить несколько военно-грабительских походов в Закавказье и даже в Сирию. После этого основная их масса

⁵⁰ Там, как полагают исследователи, аланы присоединились к своим соплеменникам, уже давно поселившимся в горных ущельях.

⁵¹ На рубеже IV–V веков аланы вместе со своими новыми союзниками (гуннами) появились в Европе, где они, после сложных военно-политических перипетий, приняли предложение римских императоров охранять северные провинции их владений от других варваров. Контакты с великой цивилизацией вовлекли алан в «большую политику», связанную с использованием самых изощренных методов предотвращения распада Империи. Одна часть аланских племен, поселившись на пространстве от Прута до Южной Испании, со временем растворилась среди местного населения, оставив многочисленные следы в топонимике и гидронимике. Другая, соединившись с вандалами, пересекла Гибралтар и в 427 году основала на территории Карфагена (современный Тунис) вандало-аланское королевство, просуществовавшее более столетия.

⁵² Византийский автор готского происхождения Иордан намекает на одно обстоятельство, достоверность которого проверить трудно. Германарих якобы был разбит еще и потому, что на стороне гуннов выступила часть аланских воинов, желавших отомстить готскому вождю за казнь их соплеменницы.

продолжила движение в западном направлении⁵³, увлекая за собой принявших гуннскую власть алан и готов, благодаря которым экспансионистско-миграционная волна набрала еще большую мощь, накрыв в конце IV – начале V века пол-Европы.

Нашествие гуннов имело тяжелейшие последствия для Боспора. Оно дало сильный толчок процессу варваризации Царства, и без того зашедшему к IV веку довольно далеко⁵⁴. Вопрос о том, каковы были на самом деле планы пришельцев в отношении этого лакомого куса, остается не до конца ясным. С одной стороны, гуннам, казалось бы, было выгодно не разрушать, а использовать торгово-хозяйственный потенциал этого государства (что они, судя по некоторым источникам, отчасти и делали). С другой стороны, есть свидетельства о том, что они не могли избавиться от своей варварской сути, зачастую предпочитая терпеливой стратегической политике интеграции быстрое обогащение, о чем говорят археологические следы разорения боспорских городов. Так или иначе, есть основания констатировать: сам факт появления гуннов резко усилил социально-политическую смуту и экономическую деградацию в Царстве, сделав его вскоре легкой добычей Византийской империи⁵⁵.

Миграционное движение гуннов имело специфические черты. Не вся их масса устремилась на запад. Значительная часть осела на Северном Кавказе и в Предкавказье. Чем шире растягивалось пространство их «конфедеративной империи», тем тоньше становился покрывавший его гуннский этнический слой, но это компенсировалось военной силой и относительно устойчивыми «внутриимперскими» связями, достигшими пика в своем развитии при Аттиле. Кроме того, популяция гуннов в

⁵³ В 30-е – 40-е годы V века оставшаяся на Северном Кавказе часть гуннов стала объектом особого внимания гуннского вождя Аттилы (время правления: 434–453 гг.), который рассматривал своих тамошних соплеменников как важную часть политического и экономического (контроль над торговыми путями в Закавказье и Левант) фундамента создаваемой им кочевой многоэтничной «империи», простиравшейся от Урала до Пиренеев.

⁵⁴ Значительный «вклад» в этот процесс внесли готы, которые испытывали к Боспорскому царству повышенный интерес, основанный на материальной подоплеке в гораздо большей степени, чем на культурно-духовной.

⁵⁵ Можно ли в связи с этим говорить, вслед за рядом историков, о гибели Боспора – еще один спорный вопрос. Превращение Царства в сферу влияния (или даже в провинцию) Византийской империи заставляет относиться к понятию «гибель» с большой осторожностью.

Волго-Донском междуречье, вероятно, поддерживалась на стабильном уровне (даже если и не росла) за счет регулярного притока близких и дальних родственников из Средней Азии и Зауралья. В понятии «гунны» появляется все больше смысловой собирательности. Под это имя античные писатели подверстывали самые разные племена, которых зачастую мало что роднило, кроме их общетюркского происхождения, а порой и оно вызывало большие сомнения. Громкое и грозное имя гуннов на время заслонило от внимания древних авторов индоиранские племена, история которых была в определенном смысле отодвинута в тень гуннской истории.

До распада «державы» Аттилы (после 453 года) находившиеся под его властью северокавказские гунны удерживали в своих руках господство над регионом благодаря не только военной мощи, но и сложной системе взаимовыгодных союзов с местными племенами. Совместно с ними совершались опустошительные походы в Кавказскую Албанию, Грузию, Армению⁵⁶.

С точки зрения такой категории, как «историческая длительность» (термин Фернана Броделя), гигантское детище Аттилы являлось колоссом на глиняных ногах, существовавшим до тех пор, пока жив был его творец. Когда этот человек, выросший в мире, где не видел ничего, кроме бескрайней степи и диких орд своих соплеменников, готовых нестись куда угодно в поисках поживы, оказался внутри ажурной и опасной паутины большой европейской политики, тонко управляемой античной цивилизацией Рима и Византии, он неожиданно обнаружил уникальное макиавеллистское чутье и способность быстро осваивать затейливые правила политических игр с очень высокими ставками. Зачастую Аттила, по сути, превращал римских и византийских императоров в орудие своих замыслов, умудряясь оставлять их при убеждении, будто именно они ведут его на поводке. Подобным премудростям учились у этого гениального варвара его близкие сподвижники, далеко не только и не столько гуннского происхождения (в основном готы, аланы, славяне). Многие из них жадно тянулись к античной культуре, приобщаясь к ней с такой неопитской страстью и с такими поразительными результатами, которые легко объясняют то обстоятельство, что дряхлеющий Рим и лукавая Византия предпочитали рекрутировать именно

⁵⁶ Если и существовал «политический» аспект в этих набегах, как предполагают отдельные исследователи, то его очень трудно вычленишь. Скорее всего, он отсутствовал или был ничтожным.

из этой пассионарной среды выдающиеся кадры для военного дела, административного управления, дипломатии и даже для такой духовно-элитарной, идеологической сферы, как составление исторических хроник.

И сила, и слабость гуннской «империи» заключались в ее искусственной рукотворной сути, обрекавшей ее на роль заложницы таких переходящих факторов, как диктаторская власть, беспрекословный авторитет и выдающаяся личность вождя. Эти факторы действовали мощно, но скоротечно, поскольку «держава» гуннов не имела естественноисторического, институционального фундамента. Ее фундаментом являлся Атила. Никому, кроме него, даже не пришло бы в голову, что эффективно защищать цельность своей «империи» от римско-византийской политики «разделяй и властвуй» можно встречной, симметричной стратегией насаждения разлада в стане противника, тем самым превращая последнего из субъекта управления чужой волей в объект подчинения ей.

Не удивительно поэтому, что после смерти Аттилы его «империя» под воздействием внутренних распрей, которые утратили свой главный сдерживающий обруч, разрушилась. На развалинах, разбросанных на расстоянии от Волги до Дуная, стали возникать большие и малые союзы различных гуннских (тюркоязычных) племен, порой находившихся между собой в более враждебных отношениях, чем с чужими этносами. Их, большей частью безымянным, предводителям было далеко до Аттилы, поднявшегося в своем, так сказать, государственно-политическом мышлении намного выше породившего его общества. Многочисленных преемников гениального гунна не интересовала проблема этнополитической консолидации, слишком мудреная для их непритязательных жизненных запросов и умственных дарований. В числе приоритетов было другое. Дальние военные походы с перспективой оседания на новых местах или переселения в другие⁵⁷, грабеж, добыча, взимание

⁵⁷ *Существовало очень мощное историко-ментальное препятствие на пути формирования протогосударственных институтов у гуннов. Эти племена, как большинство кочевников и полукочевников, не были привязаны к какой-то определенной территории. Как сообщает древнеримский историк Аммиан Марцеллин (330–395 гг.), «никто у них не может ответить на вопрос, где он родился: зачат он в одном месте, рожден – далеко оттуда, вырос – еще дальше». Если бы смысл таких понятий, как «дом», «очаг», «родина», можно было каким-то образом довести до сознания гунна, попросив его найти аналог всему этому в его собственной жизни, то он, скорее всего, показал бы на свою*

дани, наемничество. При полном отсутствии интереса к такому стратегическому для этноса понятию, как «будущее». После Аттилы ни одному из гуннских вождей не удалось повторить, даже в виде отдаленного подвоя, то, что создал их предшественник.

Самое многое, на что хватало «диадохов»⁵⁸ – собрать под своим временным военным предводительством какую-то часть распавшегося племенного массива. Одну из них представляли гунно-булгары (вместе с их близкими родственниками утигурами и кутригурами), занявшие в конце V века господствующее положение в Причерноморье и на Северо-Западном Кавказе. К счастью для окружающих и не беззащитных племен (в частности алан), у которых хлопотно было отбирать то немногое, что они имели, гунно-булгары задержались там ненадолго и отправились на разбойный промысел в богатую Византию. Поскольку среди них уже не было хитрого и пронырливого Аттилы, византийские императоры быстро нашли против незваных гостей убийственное противоядие, стравив их между собой, используя падкость варваров на золото. В результате жесточайшей междоусобной войны гунно-булгары подорвали свои силы, разорили себя и, по словам византийского историка VI века Агафия, «даже потеряли свое племенное имя», став легкой добычей более сильных.

Не многим прочнее оказался другой осколок «империи» Аттилы – так называемые гунны-савиры, ненадолго обосновавшиеся в низовьях Волги и на Прикаспийской равнине, вплоть до Дербента. В отсутствие единства и сплоченности их неразборчивая готовность «продавать свое наемное содействие то тем, то другим» (Агафий), утоляя свою жадность до войны и грабежа, лишь обескровливала эти племена, обрекая их на братоубийственную бойню. Нанимая одних гуннов-савиров против других, соперничавшие между собой Византия и сасанидская Персия преследовали собственные цели, используя варваров как расходное военное сырье. В итоге, изнузив себя в кровавой борьбе за чужие интересы и понеся большой демографический урон, гунны-савиры во второй

кибитку и коня. Роль социального консерванта, надежно охранявшего гуннскую первобытность, играл тот факт, что они были совершенно нетерпимы к верховной власти над собой и довольствовались, по словам того же Аммиана Марцеллина, «случайным предводительством кого-нибудь из своих старейшин».

⁵⁸ *Диадохами именовались политические наследники Александра Македонского. В данном случае мы употребляем этот термин в переносном смысле.*

половине VI века теряют свою грозную суть и бесследно поглощаются новыми, более могущественными тюркскими пришельцами.

Бескрайняя восточная Евразия, из которой гунны в свое время начали «великое переселение народов», вслед за их уходом стала заполняться многочисленными союзами родственных гуннам племен, известных в истории под общим названием тюркюты (или тюркоты). Постепенно этот громадный этнический массив, вобрав в себя не только тюркские элементы, оформляется в аморфную протополитическую материю с неопределенными и очень динамичными границами. С начала VI века этот социальный конгломерат, типологически похожий на степную «империю» Аттилы, но с более свободными и беспорядочными внутренними связями, фигурирует в истории под названием Тюркский каганат. Пока был жив великий гунн, обладавший деспотической властью над своими соотечественниками, восточные рубежи его «державы» в Нижнем Поволжье служили более или менее прочным оплотом против накапливавшегося миграционного давления со стороны Тюркского каганата. С гибелью Аттилы в этом оплоте появились прорехи, через которые на Северный Кавказ и в Предкавказье хлынула очередная волна восточных тюрков. На сей раз это были могущественные и воинственные авары.

Сломив сопротивление своих родственников гуннов-булгар с помощью чужих по крови алан, авары установили свое господство в Волго-Донском междуречье. Но оседать там они не собирались. Не достигнув особых успехов в попытках продать свои наемнические услуги Персии и Византии одновременно, авары рискнули попробовать себя в войнах с этими государствами, но, в конце концов, убедились в превосходстве противника. К исходу VI века они решили искать свое будущее на западе, где в 567 году в Подунавье был образован Аварский каганат, просуществовавший два века.

Итак, можно считать лишь кажущейся странностью то обстоятельство, что «империя» Аттилы, потрясая ойкумену своей невероятной мощью, повергнув в страх великие государства античности, так и не оставила никакого политического наследия, кроме имени своего великого вождя. Примитивная социальная организация в условиях постоянного движения уже сама по себе не позволяла достичь надежного этнического единства. Что же говорить об эффективности управления раскинувшейся на несколько тысяч километров «империи», в которой каждое племя само решало, куда кочевать, кого грабить, с кем вступать во временные союзы, оставляя за собой право в любой момент отказаться

от принятых обязательств. Как логично предположить, Аттила не мог свести всю свою масштабную деятельность к челночным инспекционным объездам территории от Пиренеев до Волги, реагируя на каждый донос о беспорядках на окраинах его «державы». Но во всяком случае эпизодически он этим занимался, чтобы своим грозным войском, скорым на расправу, напомнить «подданным», кому именно они должны беспрекословно подчиняться.

С гибелью этой незаурядной личности исчез и реальный механизм рационального управления военной мощью гуннов, и живой символ их племенного единства, квазиэтнической идентичности и даже некоей «политической» субъектности. Тут же обнажилась вся внутренняя непрочность гуннской конфедерации, на обломках которой так и не удалось построить ничего, сравнимого с творением Аттилы, – грубым, блестящим и эфемерным.

* * *

С Аттилой уходят в прошлое «кочевые империи» старого типа, рассыпавшиеся так же быстро, как и возникавшие. Их место в Евразии вообще и в Волго-Донском междуречье, в частности заполнили новые племена, больше тяготеющие к оседлости, стабильности, новым типам занятий, к ранее неведомым культурным явлениям и ценностям. Классические примеры – Хазарский каганат, Аланское царство, Тмутараканское княжество. Не говоря уже о Киевском (Древнерусском) государстве.

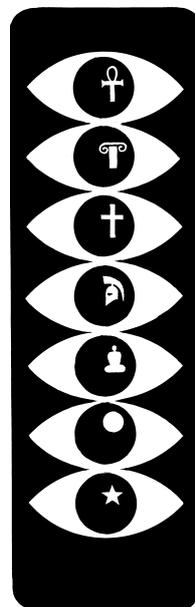
К сожалению, они появились на свет не для того, чтобы благоденствовать (хотя бывали и такие периоды в их истории). Их обреченность на тяжкие испытания была изначально заложена в родимых пятнах тех диких и «темных веков», которые в очередной раз напомнят о себе катастрофой монгольского нашествия.

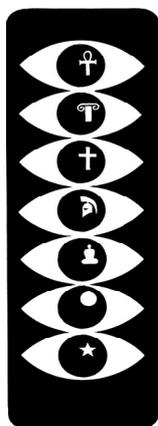
Революции производят люди
действенные, односторонние фанатики,
гении самоограничения. Они в несколько
часов или дней опрокидывают старый
порядок. Перевороты длятся недели,
много годы, а потом десятилетиями,
веками поклоняются духу ограниченности,
приведшей к перевороту, как святыне.

Б.Л.Пастернак

**Война – бойня людей,
которые не знают друг друга,
для выгоды людей,
которые знают друг друга,
но не устраивают друг с другом
бойни.**

Поль Валери

Валерий Журавлев

**ПЕРВАЯ МИРОВАЯ
ВОЙНА
В ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ
ИЗМЕРЕНИИ:**

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО¹

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

УДК
94(100)«1914/19»

For Russia World War I turned out to be not just a precursor but also a powerful detonator of fateful events of 1917. The tenth wave of revolutionary impulse generated by hardships of those ragged years did not stop upon destruction of the autocracy's fundamentals that had seemed hard and fast just a few years ago. The impulse went much further and smashed down age-old fundamentals, traditional order of the state and popular life. And resulted in another war, even more fearful and bloody civil war. A century after beginning of these earth-shaking events that shattered the whole country and the whole world we are bound to revisit them and to understand them in the perspective of the present-day problems and challenges. To do that we have, in the first place, call from not-being, to revive, hear and perceive adequately voices of people who had endured hardships and consequences of that war now commonly called "the forgotten war".

Ключевые слова: Первая мировая война; гражданская война; власть; общество; антропологический подход; уроки истории.

Key words: World War I; civil war; power; society; anthropological approach; lessons of history.

E-mail: kaf-nnir@mgou.ru

¹ К предстоящему выходу в свет 4-томного издания «Первая мировая война в оценке ее современников: власть и общество» (М.: Политическая энциклопедия, 2014). Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект 12-31-10024.

Когда в августе 1914 года на широких пространствах Европы заговорили пушки, человечество еще не знало, к чему это приведет и чем в результате завершится. Не знало оно и того, что безрассудная логика решать возникающие между государствами проблемы с помощью силы, воплощенная в стратегических установках европейских лидеров и правительств, приведет к расползанию метастазов военных действий. И в итоге превратит войну из общеевропейской в мировую, вовлекшую в свою орбиту 38 государств. Не ведали современники и того, что эту битву государств и народов только спустя десятилетия назовут Первой мировой войной. И назовут лишь тогда, когда человечеству выпадет горькая судьба как бы повторно пройти еще более тяжкий путь глобальных испытаний в ходе борьбы с германским фашизмом и японским милитаризмом в 1939–1945 годах.

Что же касается россиян – современников и участников этого беспрецедентного на тот момент побоища, то в сознании большинства из них первоначально вспыхнула и долго теплилась вера в то, что война эта справедливая. И ведется она исключительно в целях давно заслуженного укрепления стратегических позиций Империи в тогдашнем мире и борьбы с германским варварством, в интересах упрочения единства православных славянских народов, защиты подвергшихся насилию сербов.

Этими настроениями, маскирующими истинный характер и цели войны, были проникнуты не только придворные круги, но и депутаты Государственной думы, голосовавшие за военный бюджет. И, что было для власти важнее, миллионы обывателей по всей стране и тысячи простых петербуржцев, вышедших на Дворцовую площадь, чтобы в патриотическом экстазе, преклонив колени, приветствовать появившуюся на балконе Зимнего императорскую чету. Для всех, кто был тогда захвачен эйфорией иллюзорного единства, война воспринималась – в гармонии с официозными трактовками – как Вторая Отечественная, Великая.

В едином порыве изничтожалось все германское. Закрывались филиалы немецких банков, фирм, компаний. Горело мрачное, облицованное темно-красным гранитом здание посольства Германии на Исаакиевской площади столицы. А сам немецкоязычный Санкт-Петербург в одночасье уже 18 августа превратился в Петроград, что позволяло толковать его обновленное имя не только в качестве «города святого Петра», но и в пушкинском смысле как «град Петров» – столица могучей Империи, основанная титанической волей ее создателя, реформатора, воина, победителя.

Война с ее каждодневной суровой повседневностью отодвинула революционный взрыв в стране. Но с тем, чтобы сделать его в итоге еще более неотвратимым и разрушительным. Потребовались годы жертв, испытаний, разочарований и прозрений, чтобы привести нацию к убеждению, что «дальше так жить нельзя».

Для России Первая мировая война стала не только предвестником, но и мощным детонатором роковых событий 1917 года. Спровоцированный тяготами этих ненастных лет «девятый вал» революционной волны не остановился на том, что смел с лица российской земли устои самодержавной власти, еще несколько лет назад казавшиеся незыблемыми. Он пошел дальше, круша вековые основы, традиционный уклад как государственной, так и народной жизни. И завершившись в итоге другой войной, еще более страшной и кровопролитной для страны – войной гражданской.

Спустя столетие с начала этих судьбоносных событий, потрясших нашу страну и весь мир, мы просто обязаны вернуться к их осмыслению с уровня проблем и вызовов сегодняшнего дня. Чтобы, прежде всего, отдать дань уважения и восхищения нашим дедам и прадедам, их героизму, мужеству, самоотверженности, верности воинскому долгу, а также оценить уроки прошлого в назидание себе и нашим потомкам.

Герои «забытой» войны

Но для этого в первую очередь необходимо вызвать из небытия, оживить, услышать и адекватно воспринять голоса тех, кто вынес на своих плечах тяготы и последствия этой, как сегодня стало модно говорить, «забытой войны». И тем самым, кроме всего прочего, наглядно показать антиисторизм и пагубность до сих пор бытующего в нашей исторической публицистике (и не только, к сожалению, в ней) анахронизма. Этого, по определению французского историка, одного из основателей школы «Анналов», Люсьена Февра, «смертного греха для историка», когда обращающийся к прошлому начинает приписывать ему современные ценности, морализировать и рассказывать, по существу, о самом себе, вместо того, чтобы заставить говорить людей другой эпохи².

**КАК «ЗАСТАВИТЬ ГОВОРИТЬ»
СОВРЕМЕННОКОВ «ЗАБЫТОЙ
ВОЙНЫ»?**

С уровня требований и предпочтений современной науки важнейшая задача «нового прочтения» проблемы «власть, общество и война» состоит в том, чтобы в первую очередь «за-

ставить заговорить» современников и участников событий Первой мировой войны. И сделать это в строго документированных рамках. А также – в масштабах возможно более разнопланового спектра представлений и оценок правящих кругов России (совокупных и персональных) относительно своей деятельности по широкому кругу проблем войны и мира, волновавших тогда российское общество. Проблем не столько собственно военных действий, сколько внутреннего положения и *социально-психологического состояния* страны, постепенно, но неуклонно сползающей к глубочайшему системному кризису.

Речь, по существу, идет о том, чтобы на первоисточниках наглядно выявить, как власть, чаще всего не ведая того, своими как действиями, так и бездействием мостила дорогу к революционному взрыву и последующей братоубийственной гражданской войне.

Другая сторона проблемы – восприятие действий власти в вопросах войны и мира со стороны общества – призвана показать рефлексию общества в его интегрированном виде на «телодвижения» властных структур на всем протяжении военных действий, начиная с августа 1914 года и вплоть до марта 1918 года, т.е. до заключения большевиками Брестского мира.

² Специально об этом см.: *Словарь историка. Пер. с фр. М.: РОССПЭН, 2011. С.15–16.*

Какой совокупностью источников может и должен обладать современный исследователь, чтобы с необходимой полнотой и убедительностью раскрыть проблему «война, власть и общество» в обозначенном уже в заголовке данной статьи аспекте, а именно – в человеческом измерении?

Для раскрытия всей палитры восприятия современниками внутреннего содержания событий и явлений эпохи Первой мировой войны важно задействовать широкий круг материалов.

Это, прежде всего, официальные документы, исходящие от императора (указы и манифесты), царского правительства (август 1914 – февраль 1917 г.); Временного правительства (март – октябрь 1917 г.); Совнаркома (октябрь 1917 – март 1918 г.). Свое место для раскрытия существа искомой проблемы занимают официальные материалы Временного правительства и первые декреты ленинского Совнаркома по вопросам войны и мира. А также дискуссия о Брестском мире на VII съезде РКП (б), выразившаяся в столкновении и борьбе позиций В.И.Ленина, Н.И.Бухарина и Л.Д.Троцкого.

Важную социально-психологическую информацию дают выступления официальных лиц (министров) на заседаниях Государственной думы, Государственного совета и их показания в Следственных комиссиях Временного правительства по вопросам войны и мира, а также речи думских депутатов.

Уникальные сведения предоставляют нам материалы личного происхождения (дневники, письма и воспоминания представителей властных структур). В том числе Николая II, министров царского и Временного правительств, советских наркомов.

Данный круг источников необходим в целях выявления *самооценок* в действиях представителей власти, характера синхронного видения ими или игнорирования истинного положения в стране.

Что же касается оценок действий «верхов» *со стороны общества*, то их наиболее репрезентативно представляют материалы, в основе своей не публиковавшиеся, Департамента полиции МВД России (обзоры и перлюстрация писем) о настроениях в тылу и на фронте; документы, исходящие от Святейшего синода и после 1917 г. Священного синода РПЦ об отношении представителей Церкви к действиям царской власти, Временного правительства и Совнаркома в вопросах войны и мира, а также о настроениях верующих. Оценки *post factum* и *post festum* событий и явлений эпохи Первой мировой войны содержатся в публикациях мемуарного и публицистического характера, принадлежащих представителям послереволюционной российской эмиграции.

Совокупные информационные возможности названных источников позволят, на наш взгляд, воссоздать широкую панораму событий Первой мировой войны через призму взглядов и настроений, с одной стороны, представителей власти, а с другой стороны, общества в его интегрированном виде.

При этом оценки событий и самооценки *представителями власти* своей роли в них способны дать нам три уровня информации.

Первый уровень составляют официальные материалы органов власти трех последовательно сменявшихся режимов: монархического, революционно-демократического и советско-коммунистического.

Второй уровень включают в себя источники, отражающие непосредственные (далеко не всегда совпадающие с выраженными в официальных документах) позиции, взгляды и умонастроения представителей властных структур через призму сугубо *личного* восприятия ими встающих перед государством и страной проблем. Что особенно наглядно демонстрируют допросы бывших царских министров в ходе работы Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства.

Третий уровень информации дают нам источники, характеризующие позиции и мнения государственных деятелей времени «за событием», в том числе написанные и изданные в эмиграции воспоминания министров и иных должностных лиц царского и Временного правительств.

Если первые два уровня содержат в основе своей синхронную тем или иным событиям и процессам информацию, то третий уровень включает в себя информацию ретроспективную.

Рефлексия в форме *сигналов, которые или от общества*, так или иначе реагировавшего на действия или же, напротив, бездействие властей, также раскрывается в виде привлечения как синхронной, так и ретроспективной информации.

Синхронная информация содержится в первую очередь в упомянутых выше обзорах МВД о настроениях в стране и в материалах перлюстрации писем. Ретроспективная же информация заключена в богатейшем, отражающем взгляды и настроения представителей различных социальных страт российского общества корпусе мемуаров современников и участников искомым событий.

Сочетание возможностей и преимуществ использования как синхронной, так и ретроспективной информации в процессе воссоздания исторического прошлого позволяет увидеть события в объемном, как бы в «выпуклом» виде. А также выявить восприятие и оценки данных событий их современниками и участниками в широком диапазоне от

сиюминутных впечатлений и реакций до итоговых размышлений и выводов. Предоставив возможности для читателя *прочувствовать* смысл и дух непосредственных событий и явлений истории Первой мировой войны через призму *антропологического подхода* к реконструкции прошлого. Суть которого состоит в том, чтобы усматривать в Человеке главное мерило исторического процесса и исторического прогресса, а поступательное движение истории – с его неизбежными зигзагами, ожидаемыми и неожиданными поворотами – оценивать в первую очередь через внутренний мир погруженной в ту или иную эпоху Личности. И этим самым наглядно показать, что две исходные составляющие нашего бытия и сознания – Человек и История – взаимодействуют в неудержимом потоке времени по типу сообщающихся сосудов, когда История раскрывает себя через Человека, а Человек – через Историю.

Знакомясь с вышеупомянутыми материалами и настраиваясь на их внутреннюю психологическую тональность, мы получаем возможность за подчас сухими, а чаще вылившимися на бумагу на пределе эмоций строками исторических источников воочию увидеть картину динамично разворачивающихся перед нами событий эпохи Первой мировой войны. Именно *увидеть*. И прочувствовать это в необычном ракурсе – через восприятие этих событий глазами и разумом их современников: представителей властных структур и реагирующих на любое движение «верхов» российских граждан. А также *услышать* через временной интервал длиною в столетие нестройный хор их взволнованных голосов, тональность которых постепенно, но неуклонно будет меняться от эйфории и оптимизма к глубокому и безнадежному пессимизму.

ВНАЧАЛЕ БЫЛО СЛОВО

Историю войны в человеческом ее измерении правомерно будет начать с непростого диалога двух царствующих особ: императора Николая II и кайзера Вильгельма II³. История, видимо, не случайно сделала их всего лишь «вторыми». Несмотря на уверенность того и другого в том, что судьбы войны и мира находятся в их руках, содержание диалога свидетельствует об обратном. О том, что к июлю 1914 г. оба закадычных друга – Никки и Вилли, состоявших к тому же в родстве, – оказались в положении заложников мощных воин-

³ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). Ф.601. Оп.1. Д.550. Л.64, 72, 77–78, 80; Д.112. Л.46–47 об.

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА В ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

ствующих сил в обеих странах. «Ястребов», по современной терминологии, которые, игнорируя интересы своих народов, были полны решимости получить кровавые внутривосточные и геополитические дивиденды от этой беспрецедентной схватки за передел мира.

Обмениваясь телеграммами, составленными на английском языке, каждый из монархов стремится возложить ответственность за неумолимо надвигающуюся войну на другого. «Вся тяжесть решения ложится теперь исключительно на тебя, и ты несешь ответственность за мир или войну», – настаивал Вильгельм в телеграмме от 17 (30) июля. Уповав на «мудрость и дружбу» своего визави, апеллируя к нему как «к посреднику в деле сохранения мира», Николай пояснял, что агрессивные действия Австро-Венгрии против Сербии вызвали «такое глубокое негодование в моей стране, и мне трудно успокоить здесь воинственное настроение».

Впрочем, справедливость требует отметить, что доводы русского императора, вставшего на защиту независимости суверенной Сербии, и его предложения «передать Гаагской конференции австро-сербский вопрос, чтобы предотвратить кровопролитие», в моральном и политическом отношении выглядят более убедительно, чем декларации германского императора: «В моих усилиях сохранить всеобщий мир я дошел до крайних пределов. Ответственность за бедствие, угрожающее всему цивилизованному миру, падет не на меня».

По прочтении этой телеграммы от 18 (31) июля Николаю оставалось лишь сделать на ней карандашную помету: «Получена в день объявления войны». В своем же дневнике император откликнулся 19 июля на это событие, роковым образом повлиявшее не только на судьбу страны и мира, но и на личную судьбу всей его семьи, следующим образом: «Поголял с детьми. В 6½ поехали ко всенощной. По возвращении оттуда узнали, что Германия нам объявила войну. Обедали... Пил чай в 12¼»⁴.

В России, жившей по юлианскому календарю, еще догорал жаркий июль, а на пространствах европейского континента уже говорили августовские пушки.

Спор российского и германского императоров в отношении того, на кого из них ляжет ответственность за судьбы народов в ситуации так и не состоявшегося мира, история разрешила по-своему. Первого она привела в конечном итоге в подвальное помещение дома инженера Ипатьева в Екатеринбурге. Второго менее чем через четыре месяца после

⁴ Дневники императора Николая II (1894–1918) / Отв. ред. С.В.Мироненко. М.: РОССПЭН, 2013. Т. II. Ч. 2. С. 47.

трагической гибели Николая и его семьи был свергнут в ходе Ноябрьской революции 1918 года в Германии, а позднее на Парижской мирной конференции в 1919 году объявлен «главным военным преступником». Избежав ответственности, Вильгельм ушел в мир иной 4 июня 1941 года в оккупированных фашистами Нидерландах, не дожив две с половиной недели до очередного нападения Германии на нашу страну, но получив возможность не раз горячо поздравить нового германского кумира, бывшего ефрейтора его – кайзеровской – армии Адольфа Гитлера с победами на европейском континенте.

Факт объявления России войны вначале Германией, а затем и Австро-Венгрией дал российской власти веские моральные преимущества в проведении идей наказания агрессора в единении царя и народа. Что было выражено уже в Высочайшем Манифесте о войне с Германией от 20 июля: «Да будут забыты внутренние распри». Настроения эти разделила и политическая элита Империи в лице членов Государственного совета и Государственной думы. Обращаясь к ним на приеме 26 июля, Николай с полным основанием мог тогда зафиксировать «огромный подъем патриотических чувств любви к родине и преданности престолу, который как ураган пронесся по всей земле Нашей»⁵.

Ответом ему было обращенное к царю напутствие Председателя Думы М.В.Родзянко: «Держайте, Государь! Русский народ с Вами и, твердо уповая на милость Божию, не остановится ни перед какими жертвами, пока враг не будет сломлен и достоинство родины не будет ограждено». В тон ему была речь и.о. Председателя Государственного Совета И.Я.Голубева; «Единение возлюбленного Государя и населения Империи усугубляет ее мощь. Мы готовы на все жертвы для охранения чести и достоинства единого нераздельного Государства Российского»⁶.

Пылкие речи законодателей вкупе с его собственной убежденностью, что и вся страна живет в «единодушном порыве любви и готовности на всякие жертвы, вплоть до жизни своей», были для императора естественными и очевидными. Они хотя и позволили ему «спокойно и бодро взирать на будущее», но, судя по всему, не вызвали особых эмоций, что явствует из обычной для него краткой, сухой записи в дневнике: «Принял членов Госуд[арственного] Совета и Думь»⁷.

⁵ Цит. по: Историческое заседание Государственной Думы: По газетным сообщениям // Российский ежегодник. М., 1990. Вып.2. С.127–128.

⁶ Там же.

⁷ Дневники императора Николая II... Т.II. Ч.2. С.49.

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА В ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

Атмосферой показного единодушия, не лишённого, однако, черт искренности, было проникнуто и состоявшееся в тот же день заседание Государственной думы⁸.

«Смотрите, – можем мы сказать, – громыхал с трибуны Родзянко, – вы думали, что нас разделяют раздор и вражда, а между тем все народы, населяющие Россию, слились в одну братскую семью, когда общему отечеству грозит беда». Ему вторил Председатель Совета министров И.Л.Горемыкин, выражая, однако, еще более амбициозные претензии власти исполнительной: «На нашу долю, господа, выпала великая и ответственная задача быть выразителями народных дум и народных чувств». О крошечной социал-демократической фракции Думы, призвавшей народы воюющих стран «взять свои судьбы в свои руки» и покинувшей зал заседания перед рассмотрением вопроса о финансировании военных расходов, никто не вспоминал.

И никто не мог тогда уловить зловещей двусмысленности, заключенной как в словах спикера парламента о том, что «народ наш миролюбив и добр, но страшен и могуч, когда вынужден за себя постоять», так и в заявлении главы правительства: «Но есть предел и русскому миролюбию». Двусмысленность эта проявит себя тогда, когда тяготы провальной войны приведут к крушению самодержавного режима, а в результате – к братоубийственной гражданской войне.

И мало кто, конечно, мог себе представить, что официально выраженное «единение возлюбленного Государя и населения Империи» через два с половиной года обернется своей противоположностью. Столь же единодушным практически во всех без исключения слоях российского общества, но на этот раз вполне реальным отторжением страны от ее венценосного лидера и персонифицированного в его личности государственного строя.

Но до этого было еще далеко. В сознании различных слоев российского общества война поначалу вызвала хотя и не столь единодушные, как на Олимпе власти, но в целом благоприятные отзвуки, о чем свидетельствуют материалы перлюстрации писем, осуществленной Департаментом полиции МВД.

«Сегодня мы узнали, что Германия объявила войну России, – писал 20 июля из прибалтийского Крейцбурга (с 1917 г. Крустпилс) Н.Тихомиров своему брату известному философу, публицисту и общественному деятелю Л.А.Тихомирову. – Бояться нам нечего, так как нико-

⁸ Цит. по: *Историческое заседание Государственной Думы...* С.128–133.

гда еще Россия не была в таком выгодном положении. У нас есть союзники. На Францию, конечно, можно положиться, а может быть, и Англия на сей раз сдержит свое слово. Мало того, – настоящая война объединила в одном чувстве патриотизма не только все партии, но и все народы России, за исключением лишь, может быть, немцев и финляндцев»⁹.

«В Москве настроение удивительно приподнятое и высокое, – сообщала в тогда еще Санкт-Петербург княгине М.К.Трубецкой некая Ольга. – Картина мобилизации внушает изумление своим порядком, спокойствием, сознанием долга. Все семьи несут испытание и вся молодежь идет с подъемом... Просыпается что-то стихийно-роковое, перед чем, боюсь, старание дипломатов будет бессильно»¹⁰.

Подобная информация с мест давала власти дополнительную иллюзорную уверенность в том, что война, наконец, устранит внутренние противоречия в обществе. А ее несомненный, как тогда казалось далеко не только царю и его правительству, победоносный исход навсегда покончит с надвигающимся призраком Смуты. И мало кто мог предположить, что упомянутое выше «стихийно-роковое» обернется против устоев не только политического режима, но и государства. И, в конечном итоге, разрушит его «до основанья».

Они еще верят в победу и в своего Государя

⁹ ГА РФ. Ф.102. Оп.265. Д.990. Л.965.

¹⁰ Там же. Л.968.

**ОТ ЭЙФОРИИ –
К ОЗАБОЧЕННОСТИ**

Однако с течением времени иллюзии стали таять. И началось это уже с шока, вызванного поражением русской армии в Восточно-Прусской операции в августе – сентябре 1914

года. Тон заявлений власти начинает меняться. За дежурными декларациями («Да не будет в России на все время военных действий никаких партий, кроме одной – "партии войны до победного конца", никаких программ, кроме одной: победить») все явственнее проступает озабоченность. Выступая на заседании Государственного совета ровно через год после начала войны (19 июля 1915 г.)¹¹, глава правительства подчеркнул: «Взглянем правде прямо в глаза и открыто признаем, что война грозит быть долгой и требует новых и новых усилий и жертв». Это заставило И.Л.Горемыкина вспомнить по ассоциации 1812 год в оценке императора Александра I: «Лютая, кровавая, разорительная война...».

Последовавшие за ним выступления силовых министров, несмотря на осторожные, размытые формулировки, обрисовали картину неподготовленности страны к затяжной войне. В итоге, по заявлению военного министра А.А.Поливанова на том же заседании Государственного совета, «Германия обеспечила себе значительный перевес и над нашей армией, и над армиями наших союзников. Она достигла этого двумя путями: заготовкой огромных запасов перед войною и заблаговременной подготовкой своей промышленности к развитию ее тотчас по объявлении войны». Чего, как надо было понимать между строк, руководством России сделано не было.

В унисон этому заявлению было признание морского министра И.К.Григоровича, констатировавшего, что «война застала морское ведомство в период выполнения судостроительных программ». Вину же за срыв этих программ Григорович возлагал на рабочих, устраивавших забастовки. «...В настоящее время представляется несомненным, – безапелляционно утверждал он, – что подстрекательство к этим забастовкам и их организация исходили из Германии».

Тема происков подстрекателей и «внутренних врагов» затем начинает звучать все более отчетливо в устах власть предержащих, свидетельствуя о том, что у правящих кругов уже не находится иных аргументов для самооправдания. К числу «внутренних врагов» отдельные предста-

¹¹ Государственный Совет. Стенографические отчеты. 1915. Сессия XI. Заседания 1–10 (19 июля – 3 сентября 1915 г.). Пг., 1915. Стлб.6–19, 47–50.

вители власти начинают относить и участников забастовочного движения, что развязывает руки полиции, которая переходит к подавлению вооруженной силой нараставших рабочих выступлений с чисто экономическими требованиями.

В августе 1915 г. Дума отреагировала специальным запросом к правительству на расстрел участников забастовки, имевшей место на Большой льняной костромской мануфактуре. В ходе обсуждения данного запроса¹², депутат от Саратовской губернии А.Ф.Керенский сформулировал позицию на этот счет умеренно левой части Думы. Суждение, прозвучавшее в духе пока еще общей идеи войны до победного конца, было достаточно резким и определенным. Обращаясь к правительству, будущий кумир революционной демократии заявил: «...Мы не допустим, чтобы вы вашими действиями внутри страны помогли тем, кто наносит нам удары извне! Все, кто сейчас вносит смуту, возмущение, негодование, понижают бодрость в массах, являются преступниками перед страной!» Характерно, что в оценке действий властей взгляды потомственного дворянина, лидера Трудовой группы Керенского и рабочего, члена Социал-демократической фракции Думы В.И.Хаустова практически совпали.

Последний, лично оценив масштабы этого события, констатировал: «На месте, по официальным сведениям – эти сведения исходят от следственных и полицейских властей, – остаются четыре человека убитыми, в том числе десятилетний мальчик, – ясно, что он никакого участия не принимал, а девять человек ранено, в том числе 15-летний мальчик. В действительности же, как ходят слухи, убито 12 человек и ранено 45 человек». Обращаясь к депутатскому корпусу под шум его правого крыла и рукоплескания левого, Хаустов заявил: «...Если вы отвергнете наш запрос, вы как бы развязываете руки всем остальным местным сатрапам, и, может быть, с благословения центральных властей, а может быть, с попустительства, они будут действовать в том направлении, чтобы подавить все нарастающее рабочее движение в его собственной крови».

Но это было только началом. В декабре 1915 года в ходе работы Бюджетной комиссии Думы при рассмотрении сметы Министерства внутренних дел на 1916 год¹³ прозвучала столь острая критика действий

¹² Государственная Дума. Созыв IV. Сессия 4-я. Стенографические отчеты. Заседания №№1–16. (19 июля – 3 сентября 1915 г.). Пг., 1915. Стлб.541–548.

¹³ Государственная Дума. Созыв IV. Сессия 4-я. Доклады Бюджетной комиссии по рас-

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА В ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

исполнительной власти, что становилось понятным: пути Думы и правительства расходятся бесповоротно. «Власть, которая ни на кого не опирается, не может быть сильной. Она парализована, – заявил член Бюро Конституционно-демократической фракции прогрессист А.М.Александров. – Обратите внимание на циркуляры правительства и на телеграммы "старцев". Что это такое? Разве это не ужас и не политическая абракадабра?»

Присутствовавшему на заседании министру внутренних дел А.Н.Хвостову особенно был неприятен намек на «старца» Григория Распутина, выдвиженцем которого его небезосновательно считали. Но ему ничего не оставалось другого, как реагировать на все поставленные перед ним вопросы и прозвучавшие обвинения отговорками или ссылками на некомпетентность. Что особенно наглядно выявилось при обсуждении вопроса о якобы ведущейся в «верхах» дискуссии о заключении сепаратного мира с Германией: «...Мне совершенно непонятно, кто пускает в стране мысль о сепаратном мире. Я не представляю из себя правительства, и правительство не уполномочило меня давать по этому поводу какие-нибудь объяснения, но я в данном случае не могу удержаться и должен сказать, что мне лично совершенно неизвестно. Я не могу допытаться, откуда могут идти такие позорящие правительство слухи, что где-то в тайниках могут быть разговоры о сепаратном мире»¹⁴.

Обстановка на фронте и в тылу, сложившаяся к 1916 году, довела противоречия между Думой и правительством до крайней степени конфронтации. После относительного затишья в ходе работы летней сессии, открытие зимней сессии Государственной думы уже в первый день было ознаменовано политическим взрывом. Атаки думцев на правительство исчерпали себя, и возникла необходимость нанести удар непосредственно по ближайшему окружению императора и одновременно Верховного главнокомандующего русской армией. Что и нашло свое знаковое выражение в широко известной и сегодня речи лидера партии кадетов и Конституционно-демократической фракции Думы П.Н.Миллюкова от 1 ноября 1916 года.

смотрению проекта государственной росписи доходов и расходов на 1916 г. Приложения к стенографическим отчетам. Пг., 1916. Вып.1 (№№ 1–16). Заседание №5. С.15–19, 23, 41–43.

¹⁴ Там же. Л.42.

Обращаясь к этому событию уже с позиций историка, Милуков впоследствии вспоминал: «Имена членов придворного кружка, с именем императрицы во главе, были произнесены 1 ноября с думской трибуны пишущим эти строки. Перечисляя, один за другим, все главнейшие шаги правительства, возбуждавшие общественное недовольство, оратор при каждом случае спрашивал аудиторию: "Глупость это или измена?". И хотя оратор скорее склонялся к первой альтернативе, аудитория своими одобрениями поддерживала вторую». Последовавшее за этим запрещение публиковать речи, произнесенные на этом заседании, произвело обратный эффект: «Не было министерства и штаба в тылу и на фронте, в котором не переписывались бы эти речи, разлетевшиеся по стране в миллионах экземпляров. Этот громадный отзвук сам по себе превращал парламентское слово в штурмовой сигнал и являлся красноречивым показателем настроения, охватившего всю страну. Теперь у этого настроения был лозунг, и общественное мнение единодушно признало 1-е ноября 1916 г. началом русской революции»¹⁵.

«Призрак революции» довлел над Таврическим дворцом и в ходе заседания Думы 19 ноября¹⁶, когда появление на трибуне премьера А.Ф.Трепова было встречено голосами «вон», «долой». Четыре члена Государственной Думы (меньшевики М.И.Скобелев, Н.С.Чхеидзе, В.И.Хаустов и трудовик А.Ф.Керенский) были исключены на восемь заседаний за свое «непарламентское» поведение. При этом, в частности, за то, что первый из них, указывая на правительственную ложу, заявил: «Самый ужаснейший враг сидит здесь», а второй назвал представителей исполнительной власти «крупными бомбистами с подкладкой мелких мошенников».

Но это была еще революция «сверху». Реальной, массовой, народной она стала тогда, когда всеобщее недовольство из настроения превратилось в действие. Когда лозунг «так дальше жить нельзя» пронизал толщу основных социальных сил российского общества и был подкреплен веским мнением армии, как тех ее сил, которые сражались на фронтах Первой мировой войны, так и тех, кто был расквартирован в тылу.

¹⁵ Милуков П.Н. *История второй русской революции*. М.: РОССПЭН, 2001. С.35.

¹⁶ Государственная Дума. *Созыв IV. Сессия 4-я... Заседания №№ 1–16*. Стлб.541–548.

¹⁶ Там же. *Сессия 5-я. Стенографические отчеты. Заседания №№ 1–25. Заседание 6-е*. Пг., 1916–1917. Стлб.240–259.

**ОТ ОЗАБОЧЕННОСТИ –
К ОТЧАЯНИЮ,
ОТ ОТЧАЯНИЯ –
К ДЕЙСТВИЮ**

И происходило это не в одночасье. Постепенно, но неотвратно. По мере того как неудачи на фронте, экономические и социальные проблемы внутри страны завязывались в

один прочный, нерасторжимый узел. «Отчет о перлюстрации писем за 1915 год»¹⁷, составленный в Департаменте полиции МВД, дает наглядное представление о своеобразном алгоритме в изменении тонаса настроений и мнений различных категорий граждан. Составители отчета вынуждены были признать: переход от мира к войне «не мог произойти без трений, без обострения существовавших до войны разногласий между правящими и управляемыми и между представителями различных политических направлений»¹⁸.

Патриотический официоз в письмах еще присутствует, но сводится к минимуму. Создается впечатление, что он адресуется, прежде всего, осуществлявшим перлюстрацию цензорам в качестве подтверждения собственной политической лояльности. «Наш громадный плюс в наличности воли к победе, – сообщает 2 января 1915 г. депутат Государственной думы кадет Л.А.Велихов в письме, адресованном своему брату в Одессу. – Монархически-патриотические идеи сейчас в воздухе так же, как (выражение автора. – В.Ж.) в 1905 г. были революционные идеи». И далее: «Благодаря запрещению продажи водки, на улицах нет почти нищих. Жены рабочих ликуют, все одеты, обуты и сыты, так как мужья не пьют и приносят деньги домой. Жизнь стала светлее, чище, красивее»¹⁹. Реакция брата в ответном письме на эту идиллическую картину, подсмотренную думцем, надо полагать, из окна Таврического дворца, обескураживает: в Одессе «над "единением" смеются. Патриотизм держался три дня». Ему вторит другой неизвестный одессит в письме, направленном в Москву: «Нет у нас воли к победе, а есть лишь рыхлые желанья»²⁰.

Письма 1915 года, циркулировавшие как из провинции в столицы, так и из столиц в провинцию, фиксируют радикализацию настроений в различных слоях общества. «...Ряды правых рedeют... Левые умножают-

¹⁷ ГА РФ. Ф.102. Оп.265. Д.1042.

¹⁸ Там же. Л.1.

¹⁹ Там же. Л.1–2.

²⁰ Там же. Л.2, 54 об.

ся и подготавливают себе большинство ко времени окончания войны»²¹, – констатирует автор письма, направленного из Бородина в Петроград. «С внешним врагом мы не сладим. Если будет сломлен после войны внутренний враг, – гораздо хуже всяких немцев, – то от войны мы только выиграем. Россия политически не подготовлена к войне, отсюда все неудачи... После войны русским "власть имущим" придется держать ответ за позор России»²², – выражает уверенность жительница Саратова.

«У нас полная анархия, – сообщает 28 октября 1915 г. неизвестный москвич в письме, направленном в Никольск-Уссурийск Приморской области. – ...Россия теперь представляет топкое болото. Как-то сам собой вытекает из жизни этой войны такой русско-жителейский парадокс: русское правительство, вместе со своим Вождем, идут вместе с немцами на Русь»²³.

Градус отрицательных настроений в обществе постепенно, но неуклонно повышается: от безысходности и отчаяния – к предчувствию, а затем и пониманию неизбежности надвигающейся катастрофы. В письме, направленном в Москву и адресованном редактору «Русского слова», неизвестный автор предрекает: «В решительный момент власть увидит, что часы старого режима сочтены, ибо переполнится чаша терпения и армии, и страны»²⁴.

Год 1916 вносит новые ноты в хор настроений, уже господствующих как в тылу, так и на фронте. В апреле из Риги в редакцию все той же газеты «Русское слово» приходит письмо, подписанное «Голос из действующей армии», которое содержит не только негодование, но и открытый призыв: «Очевидно, наши интересы, жизни готовых к бою и смерти братьев уже запроданы... Не пора ли положить конец и предел всему этому? Смерть предателям и изменникам!» Аргументируя свою позицию, автор письма пишет: «"На охоту ехать – собак кормить", говорит старинная пословица. Практика же нашей бесталанной жизни говорит другое, кошмарное: "Завтра в бой, нет мяса, нет сена"... Что это такое? Недомыслие, неорганизованность, непредвиденные обстоятельства? Нет, этого быть не может. Каждый живущий никогда не забывает о куске хлеба, каждый хозяин заботится о корме для своего скота. Стало быть, что же? Предательство. Да. Очевидно, еще действуют скрытые

²¹ Там же. Л.2.

²² Там же. Л.6 об.

²³ Там же. Л.7.

²⁴ Там же. Л.6 об.

пружины немецкого влияния, прусского ига, от которого мы не можем избавиться. Очевидно, наших усилий еще недостаточно, чтобы избавиться от тлетворного влияния Берлина на весь уклад нашей жизни»²⁵.

Стиль и уровень владения русским языком выдают в авторе человека достаточно грамотного и даже образованного. Быть может, офицера из недворянских слоев или, скорее всего, призванного в армию интеллигента, вольноопределяющегося. Что же тогда было говорить об умонастроениях неграмотных или полуграмотных крестьян, одетых в солдатские шинели?

Развал страны и критическое положение армии, как видим, были столь вопиющими, что не находили иного объяснения, кроме версии о предательстве «верхов». И в эту версию готовы были поверить буквально все: от депутатов Государственной думы до солдат на фронте, рабочих на фабриках и заводах, тыловых обывателей.

Народ устал, жаждет мира, и его возмущенный, перерастающий в гнев голос все чаще достигает стен Таврического дворца. Письмо автора из Рыбинска на имя депутата Думы, кадета А.И.Шингарева излучает неприкрытую агрессию: «Вот мнение народа, и если не будет заключен мир, то вас, народных избранников, сам народ возьмет за горло»²⁶. Содержащаяся в письме, датированном 27 ноября 1916 г., угроза окажется вещью, пророческой. Ровно через год (28 ноября 1917 г.) Андрей Иванович Шингарев станет по воле большевиков узником Трубецкого бастиона Петропавловской крепости. Переведенный по состоянию здоровья в Мариинскую тюремную больницу, в ночь на 7 января 1918 года он будет зверски убит – вместе с товарищем по партии Конституционных демократов В.В.Кокошкиным – ворвавшимися в палату матросами и красногвардейцами.

Наступление нового 1917 года сопровождается уже крайним обострением обстановки как в тылу, так и на фронте.

Мнения отдельных категорий граждан поляризуются. Одни (и их большинство) возлагают ответственность за положение в стране на царя и правительство, другие видят источник зла в Государственной думе. «Я смотрю пессимистически на будущее, – оценивает ситуацию петроградский священник Н.Митроцкий в письме, направленном в Киев 20 января 1917 г. – Если не будет сейчас же дан мощный отпор революционизи-

²⁵ Там же. Д.1054. Л.59.

²⁶ Там же. Д.1047. Л.77.

рующему страну Прогрессивному блоку, нас ожидает ужасная судьба»²⁷. Аналогичное мнение высказывает другой священнослужитель в письме, адресованном 17 февраля в Сергиев Посад на имя архиепископа Николая: «Времена наши действительно крутые. Чувствуется, что Думу придется разогнать. Вчера депутат Керенский призывал... прямо к низвержению Хозяина, и председательствующий Некрасов его надлежало не остановить. Всему мера»²⁸.

И без того тяжелую морально-политическую и экономическую обстановку в стране усугубляет продовольственный кризис, во многом вызванный коллапсом транспорта. В Петроград митрополиту Владимиру 12 января адресуется сообщение о том, что Москва переживает «острый кризис с ржаной и пшеничной мукой. С раннего утра целые дни народ стоит громадной вереницей, дожидаясь выпечки черного и белого хлеба и, к великой досаде, часто не получает ни того, ни другого. Озлобление заметно растет, и неизвестно, чем все это кончится»²⁹.

Схожая обстановка складывается и в Петрограде, не говоря уже о провинции. Кризис продовольственного снабжения докатывается и до действующей армии. На имя П.Н.Милюкова в Таврический дворец 26 января поступает письмо из Иркутска с информацией о том, что в Сибири «экспедицией полковника Козлова закуплено до 16 миллионов пудов мяса и несколько тысяч пудов рыбы, но до сих пор не вывезено ни пуда ни того, ни другого. Мясо можно возить не позже февраля, иначе оно сгниет...». Выражая распространенное в народе мнение, что «это делается нарочно, чтобы расстроить тыл и оставить армию и крупные города без мяса и рыбы и тем вызвать бунт, в явную помощь немцам», автор письма все же добавляет: «Вагоны и паровозы почти не ремонтируются, и они скоро совсем откажутся работать»³⁰.

Два губительных для страны явления – паралич экономики и паралич власти – шли рука об руку, тесно переплетаясь и оказывая негативное воздействие друг на друга. «...Изменить положение у правительства силы не было, – признавал уже в июне 1917 г. бывший министр внутренних дел А.Д.Протопопов на допросе в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. – Да и правительства были два: одно военное – ставка, которое властно требовало, не считаясь с запа-

²⁷ Там же. Д.1069. Л.144.

²⁸ Там же. Д.1070. Л.75.

²⁹ Там же. Д.1068. Л.90.

³⁰ Там же. Д.1069. Л.181 а.

сом по министерствам материала, второе – правительство тыла, которое было бессильно поднять производительность страны... Получался всюду недостаток, который рождал недовольство, гнев и военную неудачу. Полумерами спасти положение было уже нельзя»³¹.

Состояние беспомощности и ощущение неумолимо приближающейся развязки парализовало работу и местной администрации.

Тульский губернатор А.Тройницкий 6 февраля в частном письме, направленном в Петроград, сообщает: «Наступили такие тяжелые времена, что не знаю, как и справиться. С продовольствием очень плохо, ничего не подвозят, всюду хвосты. Кончилось тем, что оружейный завод 3 февраля забастовал и был закрыт, а рабочих с семьями 100 000 человек, т.е. половина всего населения Тулы. Послал даже депутацию в Петроград... просить помощи: бумаги не всегда помогают. Теперь сижу как на вулкане и рассылаю людей по всей губернии за хлебом. Очень опасное положение»³².

Выраженным в конце письма надеждам губернатора на то, что морозы «стоят сильные, и это, быть может, охлаждает пыл некоторых», не суждено было сбыться.

До революционного взрыва в стране оставалось ровно три недели.

ВРЕМЯ РАЗБРАСЫВАТЬ КАМНИ

Февральская революция 1917 года, создав качественно новую политическую ситуацию, не ликвидировала накопившиеся в стране экономические, политические, социальные и социально-психологические проблемы. Более того, она лишь углубила и обострила их.

Периодически обновляемому Временному правительству, составленному в основе своей из вчерашних парламентариев, искусных в произнесении обличительных речей, но не обладавших навыками практической государственной работы, не удалось изменить ситуацию в стране. Оно оказалось не в силах не только повернуть зашедшую в тупик работу исполнительной власти «вспять», но и нащупать главные боле-

³¹ Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного Правительства / Ред. П.Е.Щеголев. Л., 1925. Т.IV. С.11.

³² ГА РФ. Ф.102. Оп.265. Д.1070. Л.33.

вые точки текущего момента. Впрочем, к этому времени вся страна – и фронт, и тыл – превратилась в одну огромную кровоточащую рану.

Власть переменилась, война продолжается

Призывы, уговоры и декларации о намерениях стали неотъемлемым элементом в работе Временного правительства, о чем свидетельствуют журналы его заседаний³³.

«В час великих народных бедствий»; «в непреклонной решимости продолжать войну»; «преступная пропаганда безответственных элементов»; «только небывальными героическими усилиями»; «только железной властью»; «довести до конца работу укрепления власти»; «сильные этим сознанием»; «завершить победно великое дело»; «правительство не остановится ни перед какими трудностями и препятствиями для достойного чести великого народа завершения борьбы» и т.д. Опираясь такими пафосными, но бессодержательными лозунгами и призывами к обществу, жаждавшему реальных перемен, послефевральская власть уже не могла рассчитывать на то, что «русские граждане забудут перед лицом неприятеля разделяющие их споры, объединятся в великом жертвенном

³³ Специально см.: Журналы заседаний Временного правительства. Март-октябрь 1917 г. В 4-х т. М.: РОССПЭН, 2004.

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА В ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

подвиге, встретят грядущие испытания с мужественным решением преодолеть их»³⁴.

«У матросов есть вопросы» (Манифестация в Петрограде, лето 1917).

В народе нужно пробудить надежды на мир и социальные перемены. С пониманием этого большевики, придя к власти в результате Октябрьского вооруженного восстания 1917 г., сразу же объявили основные направления своего политического курса: *мир народам; землю крестьянам; фабрики рабочим*. Это были также пока что только декларации. Но, в отличие от исчерпавших свою притягательность лозунгов Временного правительства, их ждали ведущие социальные силы страны. Что и позволило новой власти удержаться на гребне крутой революционной волны.

Определяя в «Декрете о мире» свою позицию о способах выхода из войны – «справедливый, демократический мир; мир без аннексий и контрибуций», – большевики, конечно, понимали, что правительство ни одной из воюющих стран на эти условия не пойдет. Но им важно

³⁴ Там же. М., 2004. Т.3. Июль-август 1917 г. С.139.

было «вбросить» эту пропагандистскую бомбу в до предела уставшее от войны мировое общественное мнение с главной целью – подталкивание «мировой социалистической революции». Ибо, свергая Временное правительство, они рассчитывали удержаться у власти лишь при развертывании широкого революционного движения в основных воюющих странах Европы и, прежде всего, в Германии. К этой, как впоследствии выяснилось, весьма зыбкой стратегической установке присовокуплялась шаткая тактическая уверенность части большевистского руководства в том, что «немец» истощен и наступать на Восточном фронте более не способен.

На базе этой уверенности осуществлялась единодушно одобренная Совнаркомом политика демобилизации армии, фактом которой, по позднему заявлению русской делегации в Брест-Литовске 3 марта 1918 г., «русская революция как бы передала свою судьбу в руки германского народа»³⁵. Хотя большевики и утверждали (впрочем, не без серьезных оснований), что солдатскую массу более удержать на фронте нереально, к этому присоединялся их дальний политический расчет. Предполагалось: когда радикально настроенная солдатская масса, вернувшись с фронта, «рассосется» среди мирного населения, то это укрепит позиции советской власти.

События, однако, пошли по другому руслу. Мировая революция продолжала оставаться лишь призраком, который бродил по истекающей кровью Европе. Русская же армия снялась со своих позиций. Демобилизация приняла формы массового бегства солдат от войны. И в этой обстановке германское правительство, нарушив в одностороннем порядке договор от 2 (15) декабря о перемирии, в ночь с 18 на 19 февраля 1918 г. двинуло свои войска против лишенной возможности обороняться Советской республики.

Испытав шок, Совнарком, чтобы избежать возможной полной оккупации страны, поспешил заявить «о своем согласии подписать мир на тех условиях, которые были предложены делегациями Четверного союза». Речь шла об отторжении территорий Польши, Прибалтики, частей Белоруссии и Закавказья, а также о выплате странам Четверного союза контрибуции в размере 6 миллиардов германских марок. 24 февраля ВЦИК Советов в 4 с половиной часа утра постановил эти условия принять. Посланная в Брест-Литовск советская делегация, «стиснув зубы», 3 марта 1918 года «во имя спасения революции» под-

³⁵ *Известия. 1918. 5 марта.*

писала этот «грабительский», по оценке самих большевиков, мирный договор, «отказываясь от всякого его обсуждения, как совершенно бесполезного при создавшихся условиях»³⁶.

Термин «безоговорочная капитуляция», как известно, появился в мировом политическом словаре только в ходе Второй мировой войны (кстати, по предложению президента США Франклина Д.Рузвельта, позаимствовавшего эту дефиницию из военно-политического словаря времен Гражданской войны в США). И адресовался он странами антигитлеровской коалиции фашистской Германии. Но то, в каком положении оказалась Советская республика за четверть века до этого, целиком и полностью подходит под данное определение.

Большевистское руководство, подписывая мир с Германией, который оно само приравнило к капитулянтскому Тильзитскому миру 1807 года, не рассчитывало на полное понимание даже в рядах собственной партии. А тем более в широких массах многоукладной и многопартийной страны.

«Но тот ли это мир, о котором молится Церковь, которого жаждет народ? – взывал ко всем православным Патриарх Московский и Всея Руси Тихон (В.И.Белавин) в послании от 5 (18) марта 1918 г. – Заключенный ныне мир, по которому отторгаются от нас целые области, населенные православным народом, и отдаются на волю чуждого по вере врага, а десятки миллионов православных людей попадают в условия соблазна их веры, мир, по которому даже искони православная Украина отделяется от братской России и стольный град Киев, мать городов русских, колыбель нашего крещения, хранилище святынь перестает быть городом державы Российской, мир, отдающий наш народ и русскую землю в тяжкую кабалу, – такой мир не даст народу желанного отдыха и успокоения. Церкви же православной принесет великий урон и горе, а отечеству неисчислимые потери»³⁷.

Но какой другой мир можно и должно было заключить в сложившихся условиях? А если не мир, то в силах ли был народ продолжать эту войну *до победного конца* или просто *до конца света*? Ответа на эти вопросы не могли и не стремились дать ни Патриарх, ни другие политические пастыри многоликкой России.

³⁶ См.: *Известия*. 1918. 20 февраля – 5 марта; *Правда*. 1918. 21 февраля – 5 марта.

³⁷ *Возлюбленным о Господе архипастырям, пастырям и всем верным чадам Православной Церкви Российской // Церковные ведомости*. Пг., 1918. №7–8. С.30.

Удивительную картину столкновения мнений в беспрецедентном политическом споре, картину, которую сегодня трудно адекватно воспринять в силу ее необычности для мирового опыта решения проблем войны и мира, дает нам стенографическая запись хода 2-го заседания VII экстренного съезда РКП (б), обсуждавшего 7 марта 1918 г. вопрос о заключении сепаратного мира с Германией³⁸. Необычность этого словопроения в том, что в ходе его трезвый политический анализ и расчет оказался парадоксальным образом сплавленным с теоретическими предрассудками и несбыточными надеждами сродни с верой религиозной.

В дискуссии столкнулись позиции трех лидеров большевизма – В.И.Ленина, Л.Д.Троцкого и Н.И.Бухарина. Их мнения совпали только в одном вопросе, который Бухарин сформулировал следующим образом: «В конечном счете, международная революция, – и только одна она, – наше спасение». Однако в понимании того, как действовать и что предпринять в сложившейся ситуации, позиции спорящих резко разошлись.

Ленин исходил из того, что подписанный мир даст стране необычайно дорого доставшуюся, но жизненно необходимую передышку взамен немедленного краха. В поиске весомых аргументов вождем Октября – убежденный атеист – вспомнил даже о боге: «Мы в порядке отступить не можем, – дай бог отступить в полупорядке, выиграть малейший промежуток времени...».

Троцкий, который был одним из тех, кто настаивал ранее, что «германцы наступать не будут», в ходе подготовительного цикла к заключению мира предлагал авантюристический план действий. Если его прогноз не оправдается и немцы начнут наступление, мир не подписывать, но войну также не вести с целью «пробуждения и подталкивания» западноевропейского пролетариата к антивоенным выступлениям в защиту страны Советов.

Бухарин же вообще считал, что можно даже пожертвовать судьбой русской революции (читай: страны) ради наполнения реальным содержанием фантома «пролетарского интернационализма». Подписывая мир, считал он, «мы отказываемся от самого острого оружия», ибо международная пропаганда «являлась колоколом, гудящим на весь мир, от этого мы отказываемся, у этого колокола мы отрезаем язык».

³⁸ См.: *Протоколы съездов и конференций Всероссийской коммунистической партии (б). Седьмой съезд. Март 1918 г. М.; Л., 1928. С.8–33, 46–51, 67–76.*

Так или иначе, политический расчет возобладал над псевдотеоретическими химерами, и большевикам удалось перейти Рубикон Бреста. Но даже сегодня – по прошествии без малого столетия со времени выхода советской России из войны на тяжелейших условиях сепаратного мира – любые попытки обосновать возможность или же, напротив, невозможность реализации на тот момент других альтернатив разрешения этой уникальной (пожалуй, самой безнадежной в истории нашей страны) ситуации обязательно будут кем-то оспорены.

С одним лишь трудно не согласиться: Брестский мир при всех его громадных потерях и долговременных издержках не обернулся *полной* потерей отечественной государственности. Вооруженный спор о ее будущем продолжился в годы гражданской войны, на остроту и бескомпромиссность которой тень «похабного Бреста» наложила свой неизгладимый отпечаток.

Русская эмиграция, воспитанная на имперских традициях и ценностях, не могла простить новым властителям «брестского позора» даже тогда, когда в итоге Второй мировой войны было в принципе завершено собиранье земель, потерянных Россией в марте 1918 года, что стоило стране неизмеримых человеческих и материальных жертв.

В ощущении неизгладимости этого позора (вынужденного, но все-таки бесчестья), быть может, и состояла главная причина того, почему большевики, коммунисты на всей длительной исторической дистанции своего нахождения у власти, не забывая, конечно, о самой войне, предпочитали видеть в ней лишь «схватку империалистических хищников за передел мира и пролог социалистической революции». И даже в пору Великой Отечественной войны официальная пропаганда, прославляя – и справедливо – «наших великих предков», не причисляла к их славной когорте героев и мучеников Первой мировой войны.

КТО ВСЕ-ТАКИ ВИНОВАТ?

Завершая разговор о реалиях эпохи Первой мировой войны в *восприятии* ее современниками (образно говоря, в соответствии с требованиями антропологического подхода, – их разумом, глазами и ушами), сложно было бы избежать сакрального русского вопроса – **кто виноват?**

Виноват даже не в том, что война стала для России возможной и неизбежной. А, прежде всего, в том, что она переросла – вослед давно назревшим событиям революционного свержения прогнившего цар-

ского режима – в потрясения гигантского, планетарного и цивилизационного масштаба, завершившиеся гражданской войной, а затем кардинально повлиявшие на всю мировую историю XX века.

Конечно, реальные (конкретные) виновники всего этого давно уже стали лишь персонажами далекого, отстоящего от нас на целое столетие исторического прошлого. И хотя суд истории не имеет срока давности, историкам не дано никаких прав вершить его. Но никто не может отнять у исследователей прошлого права на то, чтобы, опираясь на данные последующего исторического опыта, взглянуть на это прошлое с позиций осмысления существа и возможностей как состоявшихся, так и не состоявшихся альтернатив движения России в будущее в их соотношении и взаимовлиянии.

И первое, что представляется несомненным, так это то, что всякая власть, и в особенности власть авторитарная, несет *первостепенную* ответственность за все, что случилось и не случилось в пору ее господства, за непосредственные и отдаленные последствия как своих действий, так и бездействий.

В свете этого вопрос о степени ответственности за случившееся последнего российского императора и персонифицированного в его лице политического режима становится неизбежным. И вряд ли будет преувеличением утверждать, что лично Николай II и целиком ориентированная на него «партия власти» на протяжении почти четверти века своего безраздельного господства, действуя/бездействуя в нерасторжимой связке, сделали возможной и неизбежной Великую революцию 1917 года в большей мере, чем все оппозиционные и революционные партии вместе взятые.

Достаточно вспомнить «символ веры» последнего императора, задавший основной вектор всего его социально-политического курса. А именно: его заявление и непоколебимое убеждение, что он твердо намерен передать своему наследнику власть в том ее виде, в котором воспринял ее от своего «незабвенного родителя» – Александра III. Курс этот априорно обрекал страну на застой и гниение. И, в конечном итоге, не мог не оказать пагубного влияния на многостороннюю (далеко не только экономическую, но и социальную, политическую, социально-психологическую) подготовку страны к войне.

История вначале щедро обошлась с недалёковидным, но упрямым императором, возведя его на престол на благоприятном для модернизации страны этапе. К тому же Клио буквально «подарила» ему двух талантливых реформаторов – С.Ю.Витте и П.А.Столыпина. Однако

незаурядные усилия их как-то минимизировать одиозные крайности стратегического курса «хозяина земли русской» не дали нужного эффекта, лишь отсрочив трагическую развязку, определившую как судьбу страны, так и личную судьбу императора и его семьи. Одного из них он отправил в отставку, не простив инициативу в подготовке вынужденно подписанного Манифеста 17 октября 1905 года. Другого откровенно «не жаловал», ревниво не доверяя ему, что стало, судя по всему, одной из предпосылок, сделавшей возможной трагическую гибель премьера.

Не смог (или не захотел) император установить конструктивные отношения и со своими естественными союзниками – монархистами и консерваторами, игнорируя их пожелания и предложения относительно мер, направленных на укрепление режима, что фактически отбросило активных и равнодушных политиков монархического толка в положение «оппозиции справа». Одним из них был яркий представитель правых в Думе В.М.Пуришкевич, делавший все возможное, и даже невозможное, для спасения монархии. Именно с этой целью он в своей речи в Думе о *темных силах* обвинил ряд государственных деятелей в германофильстве, корысти и интригах, введя в отечественный политический лексикон крылатый термин *министерская чехарда* (речь от 9 февраля 1916 г.).

О том, какое смятение в душах искренних монархистов породило это «нелогичное» поведение, казалось бы, наиболее дальновидных правых, свидетельствует адресованное Пуришкевичу и перлюстрированное Департаментом полиции МВД письмо некоего П.М.Вишнякова от 17 февраля 1917 г. «Будучи отличным защитником монархической власти, – говорилось в письме, – вы, однако, самым беззастенчивым образом дискредитируете действия нашей монархической власти, расшатываете понятие вообще о власти, уничтожаете всякую дисциплину в народе... Кому вы этим приносите пользу: царю, народу, России, человечеству?»³⁹

Действительно, обстановка в стране складывалась столь парадоксальным образом, что даже недюжинные усилия защитников гибнущего строя по его спасению приводили к прямо противоположному их намерениям результату.

Разочаровалось в «помазаннике божьем» и российское православное духовенство, исторически служившее идеологической опорой

³⁹ ГА РФ. Ф.102. Оп.265. Д.1070. Л.69.

самодержавия. Русская Православная Церковь в лице ее иерархов и абсолютного большинства рядовых священнослужителей встала на сторону Временного правительства в первые же дни его существования, фактически дав свое благословение на весь последующий ход событий.

Вина (и беда) революционных партий социалистического толка заключалась в том, что, обладая реальными возможностями, они не реализовали – в силу, прежде всего, субъективной несовместимости – демократическую альтернативу развития событий на основе многопартийности.

Исторический опыт, накопленный страной и миром на протяжении XX столетия, заставляет менять акценты в видении ряда важнейших событий прошлого. Сегодня очевидно, что своей кульминации (с точки зрения судьбы демократической альтернативы в России и стратегических перспектив российской модернизации) политические процессы достигли не в октябре, а в ноябре 1917 года. Этим событием, которое на десятилетия заслонила от нас тень Октябрьского вооруженного восстания и его последствия, были выборы в Учредительное собрание 12 ноября. Осуществленные на основе самой эффективной и демократичной по тем временам пропорциональной (смешанной) системы, сочетавшей выдвижение кандидатов от территориальных округов (68 тыловых и 7 фронтовых) с голосованием по партийным спискам, выборы эти вовлекли в избирательный процесс почти 50 миллионов человек (впервые включая и женщин). И это – в сложнейших условиях военного времени!

За месяцы, прошедшие с Февральских событий, Россия, по крылатой оценке их современника писателя К.Г.Паустовского, «выговорила все, о чем молчала целые столетия»⁴⁰. И не только выговорила, но так или иначе определилась – в сложной парадигме отдельных социальных сил – со своими политическими предпочтениями. В ткани которых парадоксальным образом сочетались сиюминутный социальный расчет и рационализм с размытыми и утопическими представлениями и надеждами относительно будущего российской цивилизации. Именно цивилизации. Ибо в 1917 году страна как раз и подошла к исторической развилке (точке бифуркации) цивилизационного масштаба и значения. Вопрос состоял лишь в том, в каких социально-

⁴⁰ Паустовский К.Г. *Собрание сочинений. М.: Художественная литература, 1968. Т.4. С.515.*

политических формах этот назревший – и перезревший – исторический запрос эпохи найдет свое реальное воплощение.

О чем свидетельствовали эти представления и надежды ведущих на тот момент социальных сил российского общества?

Ответ на этот вопрос дают нам итоги выборов, скрупулезно и всесторонне подсчитанные и оцененные современным исследователем истории Учредительного собрания Л.Г.Протасовым. В итоге своем указанные политические предпочтения и социальные упования – в подавляющей массе их выразителей – свидетельствовали о призрачности надежд крайне правых на реставрацию самодержавного строя (монархисты собрали 300 тыс. голосов избирателей, или 0,6%) и бесперспективности, пожалуй, самого рационального и взвешенного, но запоздавшего на полвека либерального варианта эволюционного переустройства страны (кадеты получили 2,2 млн. голосов, или 4,5%).

В массе же своей избиратели вручили свою судьбу и судьбу страны тем политикам, которые звали их к социализму «без берегов» в его национально окрашенной как крестьянской, так и пролетарской интерпретации. 19,1 млн. человек (39,5%) проголосовали за эсеров; 10,9 млн. (22,5%) – за большевиков; 1,5 млн. (3,2%) – за меньшевиков; 439 тыс. (0,9%) – за народных социалистов. Еще 7 млн. голосов (14,5%) собрали разнородные национальные партии неонароднического и социалистического толка⁴¹.

Именно итоги выборов 12 ноября, а не Октябрьское вооруженное восстание с позиций последующего исторического опыта представляются сегодня *моментом истины* в плане перспектив дальнейшего развития страны.

Нравится ли это сегодня кому-то или не нравится, но к осени 1917 года путь России к радикальному социальному эксперименту цивилизационного масштаба и значения был и объективно, и субъективно неизбежным. Страна была обречена на этот эксперимент. Более 39 млн. россиян, т.е. 80,6% принявших участие в голосовании, в совокупности своей однозначно высказались за демократическое – на базе многопартийности – будущее страны в русле так или иначе понимаемого принципа социальной справедливости. Это был именно вердикт народа, который не только давал права лидирующим партиям, но и

⁴¹ См.: Протасов Л.Г. *Всероссийское Учредительное собрание: история рождения и гибели*. М.: РОССПЭН, 1997. С.164.

накладывал на них определенные обязательства. Однако вердикта этого претенденты на звание демократов предпочли *не заметить*.

Уже тогда впервые проявилось то, что в конце XX столетия продолжало составлять характерную примету политического ландшафта страны (достаточно вспомнить судьбу всенародного референдума 17 марта 1991 г. о сохранении СССР). Соискатели титула демократов предпочитают видеть в демократии не изначальную ее суть как власти народа, а строй, именно им – *демократам* – дающий якобы право на то, чтобы самолично решать за народ его проблемы и судьбы.

За месяц до октябрьских событий В.И. Ленин писал: «Если есть абсолютно бесспорный, абсолютно доказанный фактами урок революции, то только тот, что исключительно союз большевиков с эсерами и меньшевиками... сделал бы гражданскую войну невозможной»⁴². Разогнав в ночь с 5 на 6 января 1918 г. Учредительное собрание, силой подавив выступления в его поддержку, большевики делом показали, что «абсолютно бесспорный» урок революции оказался преданным ими забвению. Они внесли свою – на том этапе решающую – лепту в погребение российской демократии.

Кроме всего прочего, большевики оказались в полном одиночестве, когда пришлось решать уже затронутый нами выше вопрос о формах и способах выхода из войны, взвалив ответственность за национальное унижение страны в форме сепаратного мира с Германией исключительно на свои плечи. И это не могло не способствовать обострению обстановки на пути движения страны к гражданской войне.

За все приходилось платить сполна. Отвергнув идеи коалиции с другими революционными партиями и создания *однородного социалистического правительства*, большевики предоставили своим политическим оппонентам важную дополнительную услугу, избавив их от необходимости примерять на себя саван постыдного Брестского мира и размышлять над реальностью либо нереальностью других альтернатив решения вопроса. Взамен этого практически все противники большевизма обрели благоприятную для них возможность обвинить исключительно большевиков в предательстве национальных интересов страны и развале государства.

Завершая уже упомянутый труд, посвященный истории второй русской революции, П.Н. Милюков пишет: «Партия народной свободы предсказывала при этом, что победа большевиков повлечет за собой

⁴² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.34. С.222.

проигрыш войны и разделение России на части»⁴³. Будем объективными, в этом итоговом суждении Павел Николаевич говорит уже голосом политика, а не вдумчивого историка-аналитика, каким выступает на протяжении всей книги.

К исходу 1917 и началу 1918 года предотвратить катастрофический для России итог войны не смог бы уже никто. Ибо все мыслимые и немыслимые шансы на изменение ситуации в стране и в армии были исчерпаны. Большевикам в силу их неуступчивости и политического максимализма досталось в единоличное наследство лишь то, что было достигнуто совместными разнонаправленными действиями всех борющихся друг с другом социальных и политических сил страны. В том числе и российских либералов, которые на определенном этапе внесли, субъективно, может быть, и не желая этого, свою лепту в процесс перерастания войны с Германией и ее союзниками в войну гражданскую.

Косвенно признает это и Милюков, когда пишет об отказе царя и его окружения удовлетворить предложение представителей Прогрессивного блока, в том числе либералов, о создании *министерства, пользующегося доверием страны*: «Протянутую руку оттолкнули. Конфликт власти с народным представительством и с обществом превращался отныне в открытый разрыв. Испытав безрезультатно все мирные пути, общественная мысль получила толчок в ином направлении. Вначале тайно, а потом все более открыто начала обсуждаться мысль о *необходимости и неизбежности* (курсив мой. – В.Ж.) революционного исхода»⁴⁴.

Следует, однако, зафиксировать еще один момент, определяющий позицию либералов в обстановке назревающей и победившей революции. До самой последней возможности кадеты отстаивали идею сохранения монархической формы правления при неперменном, конечно, условии эволюции монархии в направлении складывания ее конституционного и парламентского типа. И лишь в марте 1917 года на своем VII партийном съезде они, как представляется, вынужденно отказались от этой идеи в пользу демократической парламентской республики.

Монархизм кадетов традиционно ставился им в вину, а в советской историографии служил аргументом в обосновании тезиса о кон-

⁴³ Милюков П.Н. Указ. соч. С.685.

⁴⁴ Там же. С.30.

ституционных демократах как «партии врагов народа». Сегодня – в контексте опыта последующих этапов и коллизий отечественной истории – правомерно усматривать глубинные корни, питавшие эти убеждения. Конституционные демократы небезосновательно исходили из того, что монархическая идея в парадигме черт и свойств национального сознания россиян составляет одну из долговременно действующих его основ. Действительно, *вождизм* советской эпохи, перешагнувший ее границы, – лишь одно из свидетельств живучести (в том числе и на подсознательном, «генетическом» уровне) монархической составляющей нашей национальной ментальности.

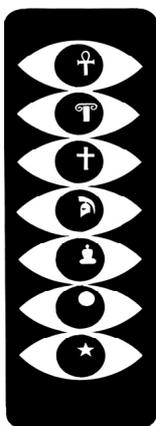
В монархическом же обрамлении, лишь традиционно венчающем демократическую сущность обновленного политического строя, кадеты прозорливо, как мне представляется, усматривали важную и понятную политически не искушенному ядру общества составляющую, способную «работать» на консолидацию социальных сил и предотвращение распада государственности. Но к 1917 году время для реализации этих прозрений силами всего или большей части общества было давно и безнадежно упущено.

Итак, находясь в преддверии, а затем и в эпицентре революционного взрыва, российское общество оказалось пораженным тяжелейшим недугом, который можно определить как *синдром полного разобщения и взаимной конфронтации всех его ведущих социально-политических сил*. Недуг этот вызревал постепенно в течение нескольких десятилетий, дав самое серьезное обострение еще в 1905–1907 годах. Исторические уроки событий Первой российской революции, которые разворачивались вослед проигранной русско-японской войне, царизм ничему не научили и ни от чего не предостерегли. А они действительно знаменовали собой «генеральную репетицию» рокового 1917 года. И не только в социально-политическом смысле, как в целом справедливо утверждала советская историография, но и в *социально-психологическом* отношении. Ибо синдром – это такая комбинация симптомов неблагополучия, которая вызывает постепенно. Но, раз упрочившись, уже не покидает пределов организма. В том числе и социального. Без серьезного, в лучшем случае, терапевтического, а в худшем – хирургического вмешательства.

В России в силу специфики ее национальной ментальности и свойств «социального нетерпения», порожденного российским типом модернизации в форме «догоняющего» развития, терапия обновительных реформ традиционно пасует перед хирургией революцион-

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА В ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

ного (и в итоге разрушительного) вмешательства в исторический процесс, под знаком которого Россия как встретила, так и проводила многострадальный XX век. Нации необходимо еще многому научиться в плане обретения культуры достижения прогресса исключительно эволюционными методами в атмосфере согласия и толерантности. И это главный урок для настоящего и будущего, который важно всем нам усвоить раз и навсегда. В том числе на опыте Первой мировой войны и сопутствующих ей роковых событий, изменивших лицо страны и мира.

Михаил Монастырев

**ОТРЕЧЕНИЕ НИКОЛАЯ II
И
МИХАИЛА
АЛЕКСАНДРОВИЧА:¹**

**ЗАКОННОСТЬ ПОСЛЕДНИХ
МАНИФЕСТОВ РОМАНОВЫХ**

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

УДК
341.218.3

The article is devoted to the questions of compliance of the act of the Emperor Nicholas II dated the 2nd March 1917 about abdication and the act of the Grand duke Mikhail Aleksandrovich dated the 3rd March 1917 about refusal from the Throne to the norms of State law of the Russian Empire. The analysis of the theory and practice of rules of a succession in Russia since the time of Ivan IV to Nicholas II is presented. A particular attention is paid to the rules of succession established by Peter I and Paul I. A question of status of the Russian Emperor according to the Fundamental laws of the Russian Empire is partially investigated. A detailed analysis of the acts of Nicholas II and Mikhail regarding their compliance to the imperial legislation is given; an attempt to show a role of these documents in discredit of ideology of the Russian monarchy is done.

Ключевые слова: Россия; Николай II; отречение от престола; монархия; государственное право Российской империи.

Key words: Russia; Nicholas II; abdication of the throne; monarchy; state law of the Russian Empire.

E-mail: mmonastyrev@gmail.com

¹ Окончание. Начало см.: Россия XXI. 2014. №1.

Акт Николая II об отречении от престола

**Случаи отречения от престола
в России до Николая II**

С формально-юридической стороны отречение Николая II явилось *третьим случаем* отречения царствующего российского монарха от престола. Предшествующие отречения с правовой точки зрения имели мало общего с отречением 2 марта 1917 года.

Так, первое отречение состоялось 17 июля 1610 г., когда *царь Василий Шуйский* в результате народных волнений в Москве, под влиянием убеждения бояр, ожидавших взаимного отказа Лжедмитрия II от прав на царство, отрекся от престола. Через несколько дней, после неудачной попытки вернуть себе власть, Василий был насильно пострижен в монахи и позже предстал перед польским королем в качестве пленника. Шуйский был избран представителями не всей Русской земли, а лишь московским населением, и нарушение порядка его избрания оправдывало его отречение с формально-юридической стороны. Интересно, что власть отрекшегося царя была не самодержавной, она была существенно ограничена как Боярской думой, так и самим Василием при крестоцеловании².

Второе отречение произошло 29 июня 1762 года. После того, как в результате дворцового переворота власть фактически перешла к Екатерине II Алексеевне, отречение от престола подписал *Петр III Федорович*. Текст отречения содержался в Манифесте Екатерины II о восшествии на престол. Отречение было осуществлено в период действия петровского Устава о престолонаследии и комментария к нему «Правда воли монаршей». В «Правде воли монаршей» право на отречение монарха от престола было предусмотрено и обосновывалось идеей о неограниченности власти монарха: «...народ, отдавая всю волю свою Государю своему, не отнял от него в замену ни коей же воли»³. Таким образом, Манифест Петра III об отречении с формальной стороны полностью соответствовал действовавшему в тот момент законодательству.

² Костомаров Н. *Смутное время Московского государства в начале XVII столетия. 1604–1613*. М.: Чарли, 1994. С.547–550.

³ *Полное собрание законов Российской империи*. СПб., 1830. Т.VII. С.629.

**Проблемы подлинности
Акта об отречении
и пороков воли в нем**

Мы не рассматриваем проблемы подлинности Акта об отречении как письменного документа. Несмотря на то, что современники не ставили под сомнение его подлинность, в последние годы появились исследования, доказывающие, что этот документ явля-

ется подделкой⁴. Не вступая в дискуссию о том, что имеющийся в архиве Акт об отречении может не быть документом, собственноручно подписанным Николаем II, мы склоняемся к следующей точке зрения. В опубликованном 6 марта 1917 г. Акте была выражена подлинная воля императора, сложившаяся в те дни под влиянием поступавшей к нему информации о событиях в Петрограде и оценок происходящих событий, которые высказывали лица, беседовавшие с императором. Сторонники теории фальсификации Акта об отречении не могут объяснить того факта, что Николай после 2 марта 1917 года ни прямо, ни косвенно, ни полностью, ни частично не опроверг содержания своего Акта об отречении. С 4 по 8 марта 1917 г. Николай вместе со свитой находился в своей Ставке в Могилеве. О «как бы аресте» ему было сообщено 8 марта, то есть почти через неделю после подписания Акта об отречении. В период с 9 марта по июль 1917 г. Николай находился не в ссылке и не в заточении, а во дворце в Царском селе, под домашним арестом. В марте–апреле 1917 г. свободно обсуждался вопрос о его переезде в Англию⁵. За весь этот период, да и позднее, во время пребывания Николая в Тобольске, серьезных препятствий для выражения бывшим императором своей истинной воли не было. Тем не менее нет ни одного документа, в котором было бы выражено несогласие Николая с Актом об отречении. Напротив, многочисленные дневниковые записи Николая, его телеграммы, воспоминания лиц, общавшихся с ним после отречения, свидетельствуют: Николай прекрасно понимал, что именно он подписал

⁴ Например: Сафонов М.М. *Ложь и правда об отречении Николая II* // *Нестор*. СПб., 2005. №3. *Между двух революций 1905–1917*. С.215–272; Разумов А. *Отречение Николая II – фальшивка. Несколько замечаний по «Манифесту об отречении Николая II»* // *Русский вестник*. М., 2008. №20. С.8–10; *Его же. Подпись императора*. URL: <http://patriotka.livejournal.com/39551.html>

⁵ См., в частности: Мельгунов С.П. *Судьба императора Николая II после отречения: Историко-критические очерки*. М.: Вече, 2005.

ОТРЕЧЕНИЕ НИКОЛАЯ II И МИХАИЛА АЛЕКСАНДРОВИЧА

и что именно было опубликовано. Объяснить это иначе, как тем, что Акт об отречении выражал подлинную волю императора, мы не можем.

Другая проблема связана с якобы имевшими место пороками воли Николая II в момент подписания им Акта об отречении. Напомним, что в теории гражданского права под пороками воли понимаются обстоятельства, в результате которых внешнее волеизъявление субъекта не соответствует его истинной воле⁶. Некоторые исследователи аккуратно обращают внимание на то, что Акт об отречении «юридической квалификации не подлежит и может быть принят только как факт в результате революционного насилия»⁷.

Нам представляется, что сама постановка вопроса относительно наличия пороков воли у Николая II при подписании им Акта об отречении не совсем корректна.

Во-первых, не совсем ясен ход мыслей М.Зызыкина. Если Акт об отречении был совершен в результате революционного насилия, то разве это обстоятельство исключает юридическую квалификацию Акта? Напротив, это обстоятельство порождает далеко не праздный вопрос о том, являются ли действительными акты государственной власти, совершенные под влиянием насилия?

Во-вторых, представляется практически невозможным в настоящее время достоверно установить, было ли совершено подписание Николаем II Акта об отречении под влиянием насилия. О событиях 2 марта 1917 г. имеется огромное количество мемуарной литературы, но нигде не сказано, что к государю применялось какое-либо насилие. Были высказаны предположения, убеждения, аргументы, но адресовались они не беспомощному, плененному и т.п. человеку, а первому лицу государства, под непосредственным командованием которого находилась многомиллионная боеспособная армия и который вполне мог принимать решения самостоятельно. Если все эти воспоминания ложны, то на каких бесспорно достоверных источниках можно основывать выводы о применении к Николаю II насилия?

⁶ Такие обстоятельства могут быть как внутренними, когда пороки воли связаны с самим субъектом (например, заблуждение или неспособность понимать истинное значение своих действий или руководить ими), так и внешними, когда пороки воли происходят в результате внешнего воздействия на субъекта (например, обман, насилие или угроза его применения, стечение тяжелых обстоятельств).

⁷ Зызыкин М. Царская власть и законы о престолонаследии в России. София: Изд. Кн. А.А.Ливен, 1924. С.121.

В-третьих, учение о пороках воли имеет исключительно отраслевое значение. Оно используется только в гражданском праве для выяснения вопросов действительности сделки. В иных отраслях права, в том числе в праве государственном и административном, пороки воли не имеют юридического значения⁸.

Монарх есть глава государства, и в этом смысле он субъект государственного права. Издаваемые им акты не являются выражениями частной воли, каковыми являются, к примеру, завещания или доверенности. Это документы публично-правового образования (государства), от лица которого выступает определенный государственный орган, а не физическое лицо. В силу этого Акт об отречении может быть проверен на действительность по критериям, которые применяются для проверки действительности публично-правовых актов, а не гражданско-правовых сделок. Вопрос о пороках воли физического лица, подписавшего публично-правовой акт, может иметь значение для определения меры ответственности этого лица в случае, если подписанный им документ является незаконным (например, по причине несоответствия его акту более высокой юридической силы), но никак не для решения вопроса о его законности. Публично-правовой акт по общему правилу является действительным, пока он не отменен в установленном порядке или не признан недействительным решением суда по причине несоответствия его закону.

Поэтому нами будет осуществлена проверка Акта Николая II об отречении от престола по критериям соответствия его формы и содержания закону. В его проверке по критерию уполномоченности подписанта нет необходимости по вполне очевидной причине.

⁸ *Действительность правового акта, изданного в порядке управления, зависит от критериев иных, нежели соответствие воли и волеизъявления лица, его подписавшего. Наиболее распространенными критериями действительности правовых актов являются: соблюдение компетенции органа, издавшего акт, и предписанной законом формы акта; соответствие содержания акта закону. – Данная проблематика в дореволюционном праве была разработана крайне слабо (О критериях действительности актов, издаваемых в порядке управления в Российской империи, см., например: Коркунов Н.М. Русское государственное право. Изд. 6-е / Под ред. и с доп. М.Б.Горенберга, прив.-доц. С.-Петерб. ун-та. СПб.: Тип. М.М.Стасюлевича, 1909. Т.2. URL: <http://istmat.info/node/24997>). Среди современных исследований можно отметить диссертационную работу Н.И.Дегтяревой «Санкция недействительности в российском праве» (Саратов, 2011, на правах рукописи).*

Анализ формы Акта об отречении В Акте об отречении не сказано, является ли он законом, указом, манифестом или каким-либо иным видом нормативного документа.

Законом Акт быть не может по соображениям как формального, так и материального характера. С формальной стороны – по той причине, что Акт не был одобрен Государственной Думой и Государственным Советом. Такие одобрения являлись обязательными для закона в силу ст. 86 Свода Основных Государственных Законов (СОГЗ). Акт не мог быть и законом, принятым в силу чрезвычайных обстоятельств в порядке ст. 87 СОГЗ, так как он затрагивал вопросы существования верховной самодержавной власти и порядка престолонаследия, в отношении которых чрезвычайные законы не могли быть приняты. С материальной стороны Акт не является законом, так как содержит преимущественно правоприменительные, а не нормативные положения⁹.

В законодательстве Российской империи вплоть до государственной реформы 1905–1906 годов отсутствовали четкие критерии, позволяющие отличить законы от иных нормативно-правовых актов. В условиях неограниченной власти монарха такое разграничение имело мало практического смысла, ибо, как совершенно справедливо отмечал Н.М.Коркунов, «...формальное различие указов и законов только тогда может иметь практическое значение, если с ним соединяется и соответствующее различие в силе. Но возможно ли в абсолютной монархии установить действительные гарантии согласования указов главы государства с законами?»¹⁰ Некоторые исследователи отмечали, что к законам должны быть отнесены лишь те нормативно-правовые акты, кото-

⁹ Ст. 38 ОГЗ предусматривала, что отречение от престола «лица, имеющего на оный право», должно быть совершено в форме закона. Следует согласиться с мнением современного исследователя (Ставроверова Е.В. Правовой статус Императора Российской Империи (1721–1917 гг.). М., 2009, на правах рукописи. С.56), что в данном случае при составлении ОГЗ в ст. 38 не были внесены необходимые изменения. На практике после 1906 года отречения от престола утверждались Именными Высочайшими указами: отречение княжны Татьяны Константиновны (указ от 24 августа 1911 г.), отречение княжны Ирины Александровны (11 февраля 1914 г.).

¹⁰ Коркунов Н.М. Указ. соч. Т.2. URL: <http://istmat.info/node/24997>

рые были утверждены монархом после их рассмотрения Государственным Советом, акты же, утвержденные монархом единолично, должны были именоваться указами.

Как уже отмечалось выше, Основные Государственные Законы в редакции 1906 года содержали немало норм, посвященных законности, и в них отсутствовала норма о том, что монарху принадлежит неограниченная власть. Согласно ст. 84 СОГЗ, Империя Российская управляется «на твердых основаниях законов, изданных в установленном порядке». Император, в порядке верховного управления, имел право издавать, *в соответствии с законами*, «указы для устройства и приведения в действие различных частей государственного управления, а равно *повеления*, необходимые для исполнения законов» (ст. 11 СОГЗ).

В соответствии со ст. 24 СОГЗ, устанавливающей необходимость контрасигнации актов монарха, издаваемых в порядке верховного управления, Акт был скреплен подписью министра императорского двора В.Б.Фредерикса. Значение контрасигнации в СОГЗ определено не было. В литературе того времени отмечалось: подписывая акты, министр удостоверяет «их подлинность и их формальную закономерность, т.е. ручается за то, что этот акт есть, действительно, акт монарха и что он состоялся при соблюдении требуемых законом форм»¹¹. Наличие контрасигнации подтверждает, что документ относится к подзаконным актам, а его содержание явно свидетельствует, что касается он вопросов «устройства и приведения в действие различных частей государственного управления». То есть с формальной точки зрения Акт об отречении может быть отнесен к указам.

Как уже говорилось в 1-й части настоящей статьи, Акт об отречении в соответствии с требованиями ст. 24 СОГЗ был обнародован (то есть опубликован) Правительствующим Сенатом в официальном источнике опубликования нормативно-правовых актов в Российской империи¹².

Следует отметить, что по некоторым вопросам императором могли быть изданы *манифесты*. До реформы 1905–1906 гг. манифест относился к разновидности законодательных актов, исходящих исключительно от императора (то есть не согласовавшихся с Государственным Советом) и издаваемых по особо торжественным или чрезвычай-

¹¹ Алексеев А.С. *Безответственность монарха и ответственность правительства*. М.: Тип. Т-ва И.Д.Сытина, 1907. С.48.

¹² *Собрание Указаний и Распоряжений Правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате*. Пг., 1917. Отдел I. 1917. Марта 6. №54. Ст.344.

ОТРЕЧЕНИЕ НИКОЛАЯ II И МИХАИЛА АЛЕКСАНДРОВИЧА

ным случаям. Согласно Основным Государственным Законам, манифестами возвещались: а) восшествие императора на престол (ст. 54, 55 СОГЗ); б) рождение и кончина великих князей и великих княжен (ст. 139 СОГЗ); в) вступление в брак великих князей и великих княжен (ст. 187 СОГЗ). На практике и после 1906 года в форме манифестов возвещались и иные события. Так, в форме манифеста был принят акт о роспуске Государственной Думы 3 июня 1907 г.¹³, манифестом было возвещено о вступлении России в войну 20 июля 1914 года¹⁴. К манифесту, как и к закону, предъявлялось следующее формальное требование – наличие на документе Большой государственной печати (§14 Приложения I к ОГЗ).

В ряде изданий марта 1917 года Акт был опубликован как «Манифест об отречении государя императора Николая II и о сложении с себя верховной власти». Но, так как в официальной публикации (Собрание узаконений...) слово «Манифест» не употребляется, на документе отсутствует Большая государственная печать, а термин «Указ», насколько нам известно, применительно к данному документу не использовался, мы будем именовать его «Актом об отречении».

Таким образом, Акт об отречении относился к одной из разновидностей документов, издаваемых императором в порядке верховного управления (а именно, к указам) и по формальным признакам соответствовал требованиям действовавшего законодательства (скреплен контрагнатурой и обнародован Правительствующим Сенатом).

Анализ содержания Акта об отречении

Общие замечания о содержании Акта об отречении

Акт Николая II об отречении от престола содержал четыре юридически значимых положения, которые мы будем анализировать последовательно, так, как они расположены в документе.

В первую очередь Акт об отречении содержит положение об отречении императора Николая II Александровича от престола. «...почли Мы долгом совести облегчить народу Нашему тесное единение

¹³ Государственная дума в России в документах и материалах. М., 1957. С.271–273.

¹⁴ URL: http://historydoc.edu.ru/catalog.asp?ob_no=13686&cat_ob_no=13053

и сплочение всех сил народных для скорейшего достижения победы и, в согласии с Государственной Думой, признали Мы за благо отречься от Престола Государства Российского и сложить с Себя Верховную власть»¹⁵.

Во вторую очередь Акт об отречении содержит положение *об устранении наследника Алексея от вступления на престол*. «Не желая расстаться с любимым Сыном Нашим, Мы передаем наследие Наше...» Это не отречение от престола за Алексея, это не отречение от прав на престол за Алексея и это не лишение Алексея престола. Мы используем условный термин «устранение», дабы подчеркнуть, что Алексей не терял прав на престол и не лишался его, он просто-напросто не получал престол по данному Акту.

В третью очередь Акт содержит положение *о передаче престола Великому Князю Михаилу Александровичу*. «Мы передаем наследие Наше Брату Нашему Великому Князю Михаилу Александровичу и благословляем Его на вступление на Престол Государства Российского».

В четвертую очередь Акт содержит положение *о необходимости установления выборным законодательным органом новых начал государственного устройства Российской империи и о подчинении нового императора этим началам* (то есть, по сути, положения об установлении в России полноценной конституционной монархии). «Заповедуем Брату Нашему править делами государственными в полном и ненарушимом единении с представителями народа в законодательных учреждениях, на тех началах, кои будут ими установлены, принеся в том ненарушимую присягу».

Анализируя каждое из положений Акта об отречении, мы попытаемся дать ответ на вопрос о том, соответствовало ли данное положение действовавшему по состоянию на 2 марта 1917 года законодательству Российской империи, и на вопрос о том, подлежало ли применению данное положение Акта об отречении¹⁶.

¹⁵ *Собрание Узаконений и Распоряжений Правительства... Отдел I. Ст.344.*

¹⁶ *Несоответствие какого-либо юридического акта закону отнюдь не исключает наступления правовых последствий в виде практического применения положений этого акта и оставления в силе этих последствий даже после констатации факта незаконности акта (например, признание недействительного правового акта не подлежащим применению только на будущее время, «исцеление» оспоримой сделки и т.д.).*

ОТРЕЧЕНИЕ НИКОЛАЯ II И МИХАИЛА АЛЕКСАНДРОВИЧА

Положение об отречении Николая II от престола за себя

Вопрос о соответствии отречения императора Николая II за себя законодательству Российской империи является крайне сложным. Вызвана эта сложность, как минимум, двумя причинами: отсутствием в законодательстве норм об отречении от престола

царствующего императора и отнесением императора к священному чину особого рода.

Для ответа на вопрос, было ли СОГЗ предусмотрено право царствующего императора на отречение от престола, обратимся непосредственно к тексту закона и истолкуем его в соответствии с общепринятыми способами толкования права.

По буквальному толкованию, СОГЗ не знает института отречения царствующего императора от престола. СОГЗ предусматривает возможность отречения от престола лишь лица, «имеющего на оный право» (ст. 37 СОГЗ). *Лицо, имеющее право на престол, и царствующий император* – это разные лица, объем одного понятия не пересекается с объемом другого понятия. Понимать под *лицом, имеющим право на престол*, в том числе *царствующего императора*, как это делает Н.Коркунов¹⁷, так же некорректно, как, например, под *лицом, имеющим право на наследство*, понимать собственника имущества. СОГЗ ни в одном месте не называет государя иначе как термином «император» или производным от него. Если бы законодатель имел в виду предоставление императору права на отречение от престола, то сложно ответить на вопрос, почему он не сделал это очевидным образом, например, указав на отречение императора как на основание для вступления наследника на престол¹⁸. Надо также отметить, что, по общему правилу, императивные нормы не подлежат расширительному толкованию и свобода действия обязанного лица ими не предполагается (принцип «все, что прямо не разрешено законом, то запрещено»).

¹⁷ «Так как царствующий государь несомненно имеет право на престол, а закон предоставляет всем, имеющим право, и право отречения, то надо отвечать на это утвердительно» (Коркунов Н.М. Указ. соч. Т.1. URL: <http://istmat.info/node/25165>).

¹⁸ Напомним, что «Правда воли монаршей» прямо признавала право монарха на отречение от престола.

Систематическое толкование также подтверждает вывод об отсутствии в СОГЗ норм об отречении императора от престола. Правила об отречении «лица, имеющего право на Престол», помещены в гл. 2 СОГЗ («О порядке наследия Престола»), посвященную вопросам занятия престола, и не затрагивающую вопросы прав, принадлежащих императору. При этом правила об отречении царствующего императора от престола отсутствуют в главе СОГЗ («О существе Верховной Самодержавной Власти»), регулирующей вопросы правового статуса императора. Отречение императора от престола в гл. 4 («О вступлении на Престол и присяге подданства») не указано в качестве юридического факта, являющегося основанием для вступления на престол наследника; основание для вступления на престол наследника одно – это кончина императора.

С позиций *доктринального толкования* науки государственного права, которая обосновывала божественную установленность императорской власти, подчиненность ее воле Бога (а не воле народа, отдельных лиц или самого монарха) отречение также выглядит невозможным.

Видный дореволюционный историк российского права М.Ф.Владимирский-Буданов писал: «Из сущности теократического начала [верховой власти] не вытекают такие права (т.е. права на отказ от власти. – *М.М.*): власть есть обязанность, возлагаемая Богом на его носителя; он не может уклониться от ее тяготы, как бы неподсильна она ни казалась. В смысле обязанности власть понята северорусскими государями весьма рано. Когда в 1319 году бояре убеждали вел[икого] князя Михаила Ярославича не ездить в Орду из самосохранения, то он отвечал: "Аще аз где уклонюся, то вотчина моя вся в полону будет, множество христиан избиени будут: аще ли после того умрети же ми есмь, то лучше ми есть ныне положить душу свою за многия души"»¹⁹.

Известный русский правовед И.Ильин в своих рассуждениях относительно обязанностей верховной власти шел еще дальше. «Быть членом Династии значит иметь не только субъективное право на Трон (в законном порядке), а священную обязанность спасать и вести свой народ и для этого приводить его к чувству ответственности... Династическое звание есть призвание к власти и обязательство служить властью. Одна из аксиом правосознания состоит вообще в том, что от публично-правовых обязанностей одностороннее отречение самого обязанного

¹⁹ Владимирский-Буданов М.Ф. *Обзор истории русского права*. Ростов-на-Дону: Феникс, 1995. С.177.

ОТРЕЧЕНИЕ НИКОЛАЯ II И МИХАИЛА АЛЕКСАНДРОВИЧА

невозможно: именно эта аксиома и признана в российских Основных Законах»²⁰.

Н.Корево связывал невозможность отречения императора с осуществленными над ним религиозными процедурами: «с религиозной же точки зрения отречение монарха Помазанника Божия является противоречащим акту священного его коронования и миропомазания»²¹.

М.В.Зызыкин, разделявший такие же представления, связывал невозможность отречения императора от престола с фактом принадлежности императора к священному сану. «О нем [об отречении] ничего не говорят Основные Законы и не могут говорить, ибо, раз сами Основные Законы исходят из понимания императорской власти, как священного сана, то государственный закон и не может говорить об оставлении сана, даваемого Церковью. Как для снятия присяги, для оставления монашества, так и для снятия царского сана надо постановление высшей иерархической власти... Когда император Николай I вступил на Престол, то он заявил, что "то, что дано мне Богом, не может быть отнято людьми", и с опасностью для жизни 14 декабря 1825 г. личным примером отваги спас Царский трон от заговорщиков»²².

Соглашаясь с М.В.Зызыкиным в части связанности императорской власти нормами церковного права, мы не можем согласиться с исследователем в том, что «для снятия царского сана надо постановление высшей иерархической власти». Из этой мысли следует, что власть императора частично находилась в подчинении власти церкви, чего в Российской империи никогда не было практически и никогда не признавалось теоретически. Далее, верховная власть в Православной Российской Церкви принадлежала самому императору и в вопросах управления Церковью осуществлялась через Священный Синод (ст. 64, 65 СОГЗ).

²⁰ Ильин И.А. Почему сокрушился в России монархический строй // Ильин И.А. Наши задачи: Историческая судьба и будущее России. Париж; М., 1992. Ч.2. С.87. – Разделяя точку зрения И.Ильина на то, что ОГЗ не предусматривали возможность отречения императора от престола, мы не можем согласиться с наличием в праве аксиомы о невозможности одностороннего отречения от публично-правовых обязанностей. Скорее, напротив, отставка (одностороннее сложение с себя публично-правовых обязанностей) предполагается.

²¹ Корево Н.Н. Наследование Престола по Основным Государственным Законам. Справка по некоторым вопросам, касающимся престолонаследия. Париж: Изд. Общества Объединения Русских в Ницце, 1922. С.42.

²² Зызыкин М.В. Указ. соч. С.134.

Наконец, случаев санкционирования «высшей иерархической властью» отречения монарха от престола в российской истории не было²³.

Обратимся к *историческому толкованию*. Как отмечалось выше, нормы гл. 2 СОГЗ в основной своей массе инкорпорированы из Указа императора Павла I от 5 апреля 1797 года. «Забыл» ли Павел включить норму об отречении императора от престола в текст своего Указа или он не включил ее сознательно? Представляется, что версию «забывчивости» императора стоит отвергнуть как невозможную.

- Во-первых, вопросы престолонаследия были для Павла Петровича крайне важными и даже болезненными; правила престолонаследия были разработаны им за 8 лет до вступления на престол.
- Во-вторых, введенная Павлом I система не предусматривала какое-либо волеизъявление императора в вопросах престолонаследия: все вопросы были заранее решены законом, исполнение которого гарантировалось священными присягами императора.
- В-третьих, обстоятельства гибели самого императора Павла I, по мнению некоторых исследователей, в частности М.В.Зызыкина²⁴, свидетельствуют о том, что Павел I категорически отрицал возможность отречения императора от престола и предпочел смерть такому отречению²⁵.

Вопросы отречения *лица, имеющего право на престол*, урегулированы ст. 37 и 38 СОГЗ. Мы уже отмечали, что по правилам буквального толкования данные нормы не могут быть применены к случаям отречения царствующего императора от престола. История возникновения данных норм также подтверждает этот вывод. Правила ст. 37 СОГЗ²⁶ были инкорпорированы в Свод Законов Российской Империи в

²³ Царь Василий Шуйский отрекся при молчании патриарха Гермогена по этому поводу. В отречении Петра III Федоровича церковная власть также не участвовала.

²⁴ Зызыкин М.В. Указ. соч. С.134.

²⁵ Эта версия подтверждается историческими источниками (См., например: Фонвизин М.А. Из записок Фонвизина // Царубийство 11 марта 1801 года. Записки участников и современников: репринт издания 1907 года. М.: Вся Москва, 1990. С.166).

²⁶ «При действии правил, выше изображенных о порядке наследия Престола, лицу, имеющему на оный право, предоставляется свобода отречься от сего права в таких обстоятельствах, когда за сим не предстоит никакого затруднения в дальнейшем наследовании Престола».

ОТРЕЧЕНИЕ НИКОЛАЯ II И МИХАИЛА АЛЕКСАНДРОВИЧА

1832 году из Манифеста императора Николая I о вступлении на престол от 12 декабря 1825 года, приложением к которому являлся Манифест императора Александра I от 16 августа 1823 года об утверждении отречения Великого Князя Константина Павловича.

Так как у императора Александра I Павловича не было детей, в соответствии с Указом Павла I наследником престола являлся брат Александра I Великий Князь Константин Павлович. Однако он не изъявлял желания наследовать российский престол, в 1820 году развелся с Великой Княгиней Анной Федоровной, женился морганатическим браком на Жанетте Грудзинской и практически безвыездно жил в Варшаве в титуле цесаревича. В силу Манифеста Александра I от 20 марта 1820 г. дети Константина от брака с Грудзинской лишались прав наследования. Уже в 1822 году вопрос об отказе Константина от прав на престол был фактически решен в его переписке с императором. Однако формально отказ был узаконен только в Манифесте от 16 августа 1823 г., подтверждавшем отречение Константина и провозглашавшем Николая Павловича наследником престола. Манифест был подписан Александром I, но не был обнародован²⁷.

Манифест был вскрыт через несколько дней после внезапной кончины Александра I и, несмотря на ясно выраженную в нем волю покойного императора, не был исполнен. Первым на верность Константину как новому императору присягнул Николай Павлович. Правительствующий Сенат, руководствуясь Указом Павла I о престолонаследии, провозгласил императором Константина, также присягнул ему и разослал текст присяги по всей стране. Потребовалось три письма от Константина, в которых он подтверждал свое отречение (от 26 ноября, от 3 и 8 декабря 1825 г.), прежде чем Николай Павлович принял решение вступить на престол и подписал соответствующий Манифест от 12 декабря 1825 года. Царствование Константина, отмененное «задним» числом, продолжалось чуть более 2-х недель.

Эта ситуация, послужившая формальным поводом для восстания 14 декабря 1825 г., была вызвана, во-первых, отсутствием в законодательстве правил об отречении законного наследника от престола; во-вторых, позицией императора Александра I, который, приняв отречение Константина, сохранил свое волеизъявление в тайне. Во избежание повторения подобных ситуаций, Николай I и предусмотрел на будущее правила о

²⁷ Документ был передан императором на секретное хранение в московский Успенский собор (где венчались на царство цари и короновались императоры), в Священный Синод, Правительствующий Сенат и Государственный Совет.

порядке и условиях отречения от престола «лица, имеющего право на оный», которые составили потом ст. 37 и 38 СОГЗ.

Как видим, и с позиции исторического толкования содержащиеся в СОГЗ правила об отречении от престола не могли быть применены к отречению царствовавшего императора. Российский закон полностью умалчивал об отречении царствовавшего императора от престола²⁸. Переход власти к наследнику престола осуществлялся исключительно в случае кончины императора, а регент (Правитель государства в терминологии СОГЗ) назначался только в случае несовершеннолетия императора.

Таким образом, с правовой точки зрения ситуация отречения Николая II от престола частично напоминает ситуацию отречения Константина Павловича от прав на престол. Константин, как и Николай II, действовал в отсутствие соответствующих норм законодательства. Ситуация Константина объективным образом привела к тому, что его отречение было принято фактически и было обращено в закон. Иное означало бы принуждение конкретного лица (Великого Князя Константина Павловича) к занятию должности и к осуществлению деятельности, ни занимать, ни осуществлять которые он не хотел. Мало того, что невозможно помыслить практические механизмы такого принуждения, очевидно, что принужденное лицо вряд ли будет способно добросовестно и эффективно исполнять свои обязанности.

Представляется, что эти же самые доводы имеют силу и при рассмотрении вопроса об отречении от престола царствующего императора. Если император не желает занимать престол, подписывает соответствующий акт, фактически осуществляет действия, которые подтверждают это желание, и не совершает действия, которые шли бы в разрез с этим желанием, то как возможно принудить императора к продолжению царствования и насколько такое принуждение будет целесообразно? Именно с этой, сугубо практической, точки зрения отречение лица, имеющего право на престол, и отречение царствующего императора ничем не отличаются²⁹.

Как мы видим, *законодательство Российской империи не предусматривало ни возможности отречения императора от престола, ни порядка*

²⁸ Как умалчивал он, например, о ситуациях болезни императора (при которой он не смог бы осуществлять Верховную Самодержавную Власть, – безумие, полный паралич и т.п.), пленения императора неприятелем и об иных случаях фактической неспособности императора быть таковым.

²⁹ Но не стоит забывать, что лицо, имеющее право на престол, в отличие от императора, не проходило обряд миропомазания и не обладает священным саном.

ОТРЕЧЕНИЕ НИКОЛАЯ II И МИХАИЛА АЛЕКСАНДРОВИЧА

такого отречения, ни его последствий. Налицо явный пробел права, который мог быть восполнен путем внесения соответствующих изменений в законодательство, а именно: в Основные Государственные Законы³⁰. Из толкования норм российского законодательства следует, что отречение императора от престола было скорее действием запрещенным, нежели разрешенным. Однако в силу того, что обеспечить в реальной действительности действие запрета на отречение от престола невозможно, *такой запрет не обладает свойством исполнимости и, следовательно, не может быть признан правовым.* Значит, надо признать, что ситуация отречения императора от престола допустима и при ее возникновении допустимо преодоление пробела в праве путем применения аналогии. Отречение императора от престола должно быть принято, как должно было быть принято и отречение от престола лица, имеющего право на него. И в части применения правил о престолонаследии отречение императора от престола должно влечь последствия, аналогичные тем, которые наступали бы в случае кончины императора.

Совершенно иной вопрос заключается в том, какие последствия влечет отречение от престола для отрешенного императора.

- Он не мог утратить свою принадлежность к императорской фамилии, так как такая принадлежность была основана на кровном родстве и не могла быть прекращена в результате изменения лицом социального или иного статуса (ст. 126 СОГЗ).
- Он утрачивал неприкосновенность и, соответственно, с момента отречения мог подлежать юридической ответственности, в том числе и за деяния, совершенные им в статусе императора, при условии, что такие деяния на момент их совершения влекли юридическую ответственность и ответственность эта не была отменена позднее.
- Он допускал добровольное оставление священного сана³¹.
- Он отказывался от тех священных даров Святого Духа, которые по религиозным воззрениям изливались на него во время совер-

³⁰ Напомним: изменение Основных Государственных Законов в чрезвычайном порядке, то есть без одобрения Государственной Думы и Государственного Совета, запрещалось ст. 87 СОГЗ.

³¹ По церковному праву это являлось поступком неблагоприятным. Но влекло негативные последствия в виде анафематствования лишь в случае, если оставление совершалось ради перехода в мирское служение (Подробнее см.: Певцов В.Г. Лекции по церковному праву. URL: <http://lib.eparhia-saratov.ru/books/15p/pevcov/law/93.html>).

шения таинства миропомазания³². Однако последствия такого отказа опять же не были предусмотрены законодательством, и отнеслись они исключительно к религиозной совести Николая.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что, хотя Акт об отречении в части отречения Николая II за самого себя являлся незаконным, он в этой части подлежал применению и порождал правовые последствия в виде прекращения у Николая Александровича Романова статуса императора.

Положение об устранении наследника Алексея от вступления на престол

В исторической литературе и в массовом сознании весьма распространена точка зрения, что Николай II отрекся от престола не только за самого себя, но и за своего сына Алексея³³. Однако текст Акта Николая II об отречении от престола не позволяет

заключить, что отречение Николая II за Алексея имело место. В Акте сказано лишь о передаче престола Михаилу Александровичу и приведен мотив такого решения – «не желая расстаться с любимым сыном Нашим». Таким образом, *по тексту Акта император Николай II, руководствуясь личными мотивами, передавал престол не лицу, которое в силу Основных Государственных Законов должно было стать новым императором, а иному лицу*. То есть император Николай II нарушал

³² Так, митрополит Московский и Коломенский Сергей (Ляпидевский) в речи, произнесенной в день коронации императора Николая II 14 мая 1896 года, в частности, говорил: «...Предлежит Тебе воспринять новых впечатлений этого таинства, то сему причина та, что как нет выше, так и нет труднее на земле Царской власти, нет бремени тяжелее Царского служения. Посему для понесения его Святая Церковь издревле признала необходимым средство чрезвычайное, таинственное, благодатное... Да излиется на Тебя ныне обилие даров благодатных и чрез помазание видимое да подастся Тебе невидимая сила свыше, действующая к возвышению Твоих царских доблестей, озаряющая Твою Самодержавную деятельность ко благу и счастью Твоих верных подданных» (Цит. по: Бабкин М. Священство и Царство. Россия, начало XX века – 1918 год. Исследования и материалы. М.: Индрик, 2011. С.128).

³³ Так, подробный анализ законности отречения Николая II от Престола за своего сына Алексея содержится в статье В.Ж.Цветкова «Отречение Государя Императора Николая Второго» (URL: <http://www.dk1868.ru/statii/Tstvetkov9.htm>). Встречается такая точка зрения и в юридических работах, например, в упомянутой книге М.Зызыкина.

ОТРЕЧЕНИЕ НИКОЛАЯ II И МИХАИЛА АЛЕКСАНДРОВИЧА

установленный в Российской империи порядок наследования императорского престола.

Мы уже отмечали, что последствия отречения императора от престола в части правил престолонаследия должны быть такими же, как и при кончине императора. Иное означало бы, что отречение императора не влечет правовых последствий и что он должен быть принужден к исполнению императорских обязанностей, что противоречит очевидному принципу исполнимости правовых предписаний. Российское законодательство о престолонаследии исходило из постулата о непрерывности императорской власти – согласно ст. 53 СОГЗ вступление на престол нового императора считалось со дня кончины его предшественника. Согласно этой же статье, наследник императора вступал на престол «силою самого закона о наследии, присвояющего Ему сие право».

Согласно ст. 28 СОГЗ «наследие Престола принадлежит прежде всех старшему сыну царствующего императора», то есть в рассматриваемой ситуации – Алексею. Поэтому вне зависимости от воли Николая II, выраженной им в Акте об отречении от престола – в нарушение трех приговоров и Основных Государственных Законов Российской Империи, – со 2 марта 1917 г. российский императорский престол в силу закона переходил к цесаревичу Алексею Николаевичу. Акт императора Николая II в части устранения Алексея от вступления на престол не имел никакой силы как акт незаконный³⁴.

В силу того, что на 2 марта 1917 г. Алексею было неполных 13 лет, а совершеннолетие императора наступало по достижении 16-летия (ст. 40 СОГЗ), самостоятельно осуществлять верховную самодержавную власть Алексей не мог. Ему должны были быть учреждены правительство и опека (ст. 41 СОГЗ), которые, естественно, учреждены не были. Правительство и опека должны были быть учреждены или в одном лице совокупно, или же раздельно, так, что одному поручалось правительство, а другому опека (ст. 42 СОГЗ). Правитель до совершеннолетия императора должен был править не единолично, а в единении с Советом: «Правителю государства полагается Совет Правительства; и как Правитель без Совета, так и Совет без Правителя существовать не могут» (ст. 47 СОГЗ). Совет состоял из шести лиц из первых двух классов по Табели о рангах, назначаемых правителем (ст. 48 СОГЗ). Совет обладал всеми

³⁴ По соображениям, допускающим отречение царствующего императора, Алексей мог самостоятельно отречься от престола по достижении им 16 лет, то есть в 1920 году.

полномочиями императора, кроме вопроса опеки над несовершеннолетним императором (ст. 50 СОГЗ).

Ст. 43 СОГЗ устанавливала, что назначение правителя и опекуна, как в одном лице совокупно, так и в двух лицах отдельно, зависит от воли и усмотрения царствующего императора, которому, «для лучшей безопасности, следует учинить выбор сей на случай Его кончины». Таким образом, законодательство предусматривало полную свободу императора в определении фигуры правителя и опекуна.

1 августа 1904 г. император Николай II определил правителем государства на случай своей кончины до достижения наследником престола цесаревичем Алексеем Николаевичем совершеннолетия своего брата Великого Князя Михаила Александровича. Михаил Александрович до рождения цесаревича Алексея являлся наследником престола и вновь бы стал таковым в случае смерти Алексея.

Однако Михаил Александрович 17 октября 1912 г. вступил в мorganaticкий брак с Натальей Сергеевной Шереметьевской (по второму мужу – Вулферт)³⁵. Реакция Николая II последовала быстро. 15 декабря 1912 г. Высочайшим указом над личностью, имуществом и делами Великого Князя Михаила Александровича была учреждена опека. А 30 декабря 1912 г. был подписан Манифест, согласно которому Михаил Александрович лишался статуса правителя государства на случай кончины императора Николая II до достижения наследником престола цесаревичем Алексеем совершеннолетия³⁶. Новый правитель государства определен Николаем II не был.

После начала войны отношения императора со своим братом наладились. 23 августа 1914 г. Михаил Александрович возглавил Кавказскую туземную конную дивизию (т.н. «Дикую дивизию») и оставался ее командиром до 20 февраля 1916 года. В марте 1915 г. император дал согласие на брак Михаила с Натальей Шереметьевской и предоставил ей и ее сыну от Михаила Георгию титул графини и графа Брасовых. 29 сентября 1915 г. была снята опека над личностью, имуществом и

³⁵ Согласно ст. 183 СОГЗ, на брак члена Императорского Дома требовалось соизволение императора; и брак, совершенный без такого соизволения, не признавался законным. Николай II был категорически против брака Михаила с Натальей и не только не дал согласия на бракосочетание, но и взял с Михаила слово, что женитьбы не будет.

³⁶ Правительственный вестник. 1913. №2. С.1.

ОТРЕЧЕНИЕ НИКОЛАЯ II И МИХАИЛА АЛЕКСАНДРОВИЧА

делами Михаила Александровича, однако в правах правителя государства он восстановлен не был³⁷.

Так как по состоянию на 2 марта 1917 г. правитель государства определен императором не был, то подлежали применению ст. 44–45 СОГЗ³⁸. Согласно ст. 44, если при жизни императора не был назначен ни правитель, ни опекун, «то, по кончине Его, правительство государства и опека над лицом императора в малолетстве принадлежит отцу и матери». По этой статье получалось, что правителем государства при отречении Николая II и при вступлении на престол Алексея должен был быть сам Николай. Это очевидно противоречило выраженной Николаем воле и делало Акт об отречении, по сути, бессмысленным документом. С другой стороны, препятствий для установления над цесаревичем опеки, по ст. 44 СОГЗ, в пользу Николая или Александры Федоровны, очевидно, не было, так как опека не предоставляла опекуну полномочий по управлению государством. Если Николай не мог быть правителем, то должна была быть применена ст. 45 СОГЗ. А именно: «когда нет отца и матери, то правительство и опека принадлежат ближайшему к наследию престола из совершеннолетних обоюбого пола родственников малолетнего императора». По этой статье, как видим, при отсутствии отца правительство переходило к тому совершеннолетнему наследнику, который бы наследовал после Алексея. Это – Великий Князь Михаил Александрович. Но он, как мы помним, был лишен статуса правителя государства.

Возникает полный правовой хаос.

- В первую очередь правитель должен быть назначен императором, но император отменил ранее назначенного им правителя и не назначил нового.
- Во вторую очередь правителем должен стать отрекшийся император, но он сложил с себя Верховную власть и не выразил желания получить иную.
- В третью очередь правителем должен был стать следующий совершеннолетний наследник, но как раз этот наследник был лишен императором статуса правителя.

³⁷ См.: Зызыкин М. Указ. соч. С.80.

³⁸ Можно, конечно, предположить, что, передавая престол Михаилу Александровичу, Николай II не был бы против назначения его правителем государства, однако император, даже помирившись с братом, по известным только ему причинам не отменил Манифест от 30 декабря 1912 года.

Кто в этой ситуации правитель? Михаил, так как ему передан престол и он является следующим за Алексеем наследником? Николай, с полномочиями, ограниченными Советом? Или наследник, следующий за Михаилом? И кто именно должен был определять, кто является правителем государства? Однозначного ответа на данные вопросы с правовой точки зрения быть не может.

Таким образом, можно сделать вывод, что *в части устранения наследника Алексея от вступления на престол Акт об отречении был незаконным и не подлежал применению*. Согласно ст. 53 СОГЗ цесаревич Алексей вступал на престол автоматически, в силу предписаний закона. При этом оставался нерешенным вопрос, кто будет осуществлять до совершеннолетия императора верховную самодержавную власть, так как правитель отрекшимся императором назначен не был, а определить фигуру правителя по закону было крайне затруднительно.

Положение о передаче престола Великому Князю Михаилу Александровичу

В части передачи прав на престол Великому Князю Михаилу Александровичу Акт об отречении является незаконным и не подлежащим применению по причинам, подробно изложенным выше. Император не вправе был назначать наследника престола

иного, кроме того наследника, который следовал по закону, и любые постановления императора подобного содержания не имели юридической силы.

Принятие Великим Князем Михаилом Александровичем престола на основании Акта Николая II об отречении от престола было бы узурпацией власти. Обратимся еще раз к ситуации ноября–декабря 1825 г., когда после внезапной кончины Александра I Павловича был вскрыт его Манифест от 16 августа 1823 г., утверждавший отречение Великого Князя Константина Павловича от прав на престол и провозглашавший наследником Николая Павловича. Будущий император Николай I не принял во внимание этот Манифест и первым принес присягу новому императору Константину. Потребовалось три (!) письма с подтверждением этого отречения, прежде чем Николай I принял престол³⁹. По мне-

³⁹ Подробнее см.: Высокочков Л. Николай I. М.: Молодая гвардия, 2003. С.80–90.

ОТРЕЧЕНИЕ НИКОЛАЯ II И МИХАИЛА АЛЕКСАНДРОВИЧА

нию историка Л.Высочкова, Николай Павлович опасался обвинений в узурпации престола, так как действовал *в ситуации, которая не была урегулирована* Указом Павла I о престолонаследии, и потому желал обеспечить максимальную юридическую чистоту приобретения власти. Михаил Александрович же оказался *в ситуации, которая прямо противоречила* Основным Государственным Законам, и вступление его на престол 2 марта 1917 года ни при каких обстоятельствах не могло быть признано законным.

Положение о необходимости установления выборным законодательным органом новых начал государственного устройства Российской империи и о подчинении нового императора этим началам

Заключительным юридическим положением Акта об отречении была «заповедь» о необходимости установления выборным законодательным органом новых начал государственного устройства Российской империи и о подчинении нового императора этим началам.

Согласно Своду Основных Государственных Законов, в «единении» с представителями народа (Государственной Думой и Государственным Советом) император осуществлял только законодательную власть (ст. 7). Власть управления (ст. 10, 11), власть внешних сношений (ст. 12, 13), власть военная (ст. 14, 15) и власть судебная (ст. 22, 23) принадлежали исключительно императору и представители народа по законодательству Российской империи в ее осуществлении не участвовали. Более того, императору принадлежала верховная самодержавная власть, исходящая от Бога, а не от народа (ст. 4).

Данные положения являлись составной частью Основных Государственных Законов, которые могли меняться только по почину императора (ст. 8 СОГЗ) и только в форме закона, одобренного Государственной Думой и Государственным Советом и утвержденного императором (ст. 86–87 СОГЗ). «Заповедь» Николая II предусматривала, что:

- новые начала управления государством должны быть установлены не императором, как того требовал закон, а законодательными учреждениями;
- новые начала управления государством должны предусматривать ограничение власти императора представителями народа

не только в законодательной сфере, но и во всех областях управления государством;

- свобода установления новых государственных начал законодательными учреждениями ограничена единственно требованием о сохранении в России монархического строя, без определения каких-либо конкретных полномочий монарха.

Очевидно, что данная «заповедь» (обращенная к тому же к незаконному наследнику престола) никакого правового значения не имела. Содержащиеся в ней положения юридически могли быть соблюдены лишь при согласии на то нового императора путем внесения им соответствующего законопроекта в Государственную Думу, одобрения законопроекта Государственной Думой и Государственным советом и утверждения императором соответствующего закона. Новый император в зависимости от политической ситуации мог воспринять эту «заповедь», а мог и проигнорировать ее. Однако ее вполне можно рассматривать как некое «политическое завещание» императора Николая II, признавшего в последний день своего царствования, что объем власти императора должен определяться не божественными установлениями, а народным волеизъявлением.

Итак, как видим, Акт об отречении Николая II от престола представляет собой крайне несовершенный в юридическом отношении документ. При этом если частично его несовершенство может быть объяснено объективными причинами⁴⁰, то в другой его части (в части определения наследника престола) несовершенство Акта вызвано чисто субъективными причинами. Император не мог не знать, что:

- его законным и единственным наследником является сын Алексей,
- он не вправе устранять Алексея от вступления на престол,
- он должен был, во избежание недоразумений, назначить при своем отречении правителя государства.

Конечно, император не был юристом и не был обязан разбираться в тонкостях государственного права, но все то, что он должен был знать, заключалось в той присяге, которую он трижды приносил перед Богом. Все то, что он должен был знать, составляло краеугольные

⁴⁰ *Имевшимися на тот момент пробелами российского законодательства в вопросах возможности, порядка и последствий отречения царствующего императора от престола.*

ОТРЕЧЕНИЕ НИКОЛАЯ II И МИХАИЛА АЛЕКСАНДРОВИЧА

камни порядка престолонаследия в империи, которой он управлял более 20 лет.

Как следует из текста Акта, мотивом Николая II в передаче престола Великому Князю Михаилу Александровичу, минуя Алексея, было желание не расставаться с сыном. Мотив легко объясним и понятен, пожалуй, каждому человеку. В такой ситуации наиболее законным выходом было бы подписание Акта об отречении от престола с назначением правителем государства Великого Князя Михаила Александровича и с сохранением за собой прав опеки или с их передачей матери Алексея Александре Федоровне. Похожий вариант (но без указания в нем о правах опекунства) обсуждался изначально, в первой половине дня 2 марта 1917 года, но не был принят императором. Именно такой Акт оставлял бы возможность сохранения в России монархической формы правления, хотя и с преобразованием ее в полноценную конституционную монархию.

Однако Николай II пошел на нарушение российского закона и своих присяг. Николай подписал Акт, который последствием своим мог иметь либо прекращение монархии в России, либо будущую междоусобицу в стране. *Подписанием Акта Николай поставил своего брата перед невозможным выбором – либо принять престол и тем самым совершить узурпацию власти и клятвопреступление, либо отказаться от престола, соблюсти закон и присягу, но тем самым фактически похоронить монархию.* Ведь если предположить ситуацию, при которой Михаил принял бы престол и стал императором, что помешало бы цесаревичу Алексею (а юридически – императору Алексею II Николаевичу) по достижении им 16 лет заявить свои права на престол, объявить недействительными все постановления Михаила Александровича за предшествующие три года и, более того, даже подвергнуть его уголовному преследованию? Решительно ничего. В случае сохранения в России императорской власти и перехода к конституционной монархии при императорстве Михаила Акт стал бы основой для новых потрясений в ближайшем будущем. Сомнительно, что Николай не понимал этого, как сомнительно, что он не мог не понимать и того, что находящийся в неизвестности относительно своего нового статуса Михаил волен принять какое угодно решение.

Акт Михаила Александровича об отказе от престола

**Возможные варианты
содержания Акта
Великого Князя
Михаила Александровича**

Как было показано выше, с правовой точки зрения Великий Князь Михаил Александрович оказался перед тяжелейшим выбором. У него имелись следующие варианты.

Вариант первый – принять престол. Это означало незакон-

ный захват престола и отсутствие формальной легитимации власти. В любой момент любая политическая сила – от крайне левых до крайне правых – могла выступить против Михаила, мотивируя свое выступление тем, что они выступают против узурпатора. Против Михаила мог оказаться и его племянник Алексей Николаевич или лицо, его представляющее (например, его мать Александра Федоровна). Принятие престола означало также нарушение Михаилом присяги в соблюдении правил о престолонаследии, которую он, как и каждый член Императорского Дома, приносил по достижении 16-летнего возраста. Таким образом, данный вариант с правовой точки зрения был для Михаила неприемлемым.

Вариант второй – отречься от престола или от прав на престол. Отречься от престола Михаил не мог, так как он не являлся императором. Но он мог отречься от прав на престол в порядке ст. 37 СОГЗ, так как принадлежал к категории лиц, имеющих «право на оный». Однако в силу ст. 38 СОГЗ акт отречения должен был быть утвержден императором и без такого утверждения не имел силы. Кто должен был утвердить такой акт? Императором по закону являлся Алексей, но сам он осуществлять верховную самодержавную власть не мог, за него это должен был сделать правитель. А на непреодолимые сложности с определением фигуры правителя (должен был им являться Николай, Михаил или лицо, следующее в порядке наследования за Михаилом) мы уже указывали выше. Таким образом, этот вариант был неприемлем в силу его незаконности (в части отречения от престола) и в силу правовой неосуществимости (в части отречения от прав на престол).

Вариант третий – в противовес Акту Николая провозгласить Алексея императором, а самого себя – правителем государства. С правовой точки зрения данный вариант являлся наиболее предпочтительным, так как против него можно было выдвинуть лишь то возражение, что ранее

ОТРЕЧЕНИЕ НИКОЛАЯ II И МИХАИЛА АЛЕКСАНДРОВИЧА

Михаил Александрович был лишен статуса правителя. Но, как мы видели выше, этот аргумент был далеко не безупречным, и в целом формальная легитимность власти Михаила Александровича в качестве правителя могла бы быть достигнута. Представляется, что данный вариант был отвергнут (если вообще рассматривался), поскольку, избрав его, Михаил должен был пойти против воли вчера еще царствовавшего императора и против мнения членов Временного Комитета Государственной Думы, не имея при этом в условиях революционного города серьезной военной и политической поддержки сторонников монархии, согласных с таким законным, но политически отнюдь не однозначным решением Михаила.

Наконец, *вариант четвертый – отказаться от престола, применив не используемую в действующем законодательстве формулу и выведя соответствующий акт из правового поля.* Действительно, Великий Князь Михаил Александрович 3 марта 1917 г. находился в таком правовом положении, что он мог претендовать лишь на статус правителя государства. Фактически отказавшись от такого статуса, он оставался лишь Великим Князем, то есть всего лишь одним из членов Императорского Дома. Как член Императорского Дома он, безусловно, мог делать политические заявления, но с учетом положений ст. 220 СОГЗ о необходимости проявления к императору «совершенного почтения, повиновения, послушания и подданства». 3 марта 1917 года Николай Романов уже не был императором, и повиноваться его воле Михаил ни в чем обязан не был.

Очень точную правовую оценку сложившейся ситуации дал один из составителей Акта Михаила об отказе от престола В.Д.Набоков (отец будущего писателя). «Наши Основные законы не предусматривали возможности отречения Царствующего императора и не устанавливали никаких правил, касающихся Престолонаследия в этом случае. Но, разумеется, никакие законы не могут устранить или лишить значения самый факт отречения, или помешать ему. Это есть именно факт, с которым должны быть связаны известные юридические последствия... И так как, при таком молчании Основных законов, отречение имеет то же самое значение, как смерть, то очевидно, что и последствия его должны быть те же, т.е. – Престол переходит к законному Наследнику. Отречься можно только за самого себя. Лишать Престола то лицо, которое по закону имеет на него право, – будь то лицо совершеннолетний или несовершеннолетний, – отрекающийся император не имеет права. Престол Российский – не частная собственность, не вотчина императора, которой

он может распоряжаться по своему произволу... Поэтому передача Престола Михаилу была актом незаконным. Никакого юридического титула для Михаила она не создавала. Единственный законный исход заключался бы в том, чтобы последовать тому же порядку, какой имел бы место, если бы умер Николай II. Наследник сделался бы императором, а Михаил – регентом... Несомненно, что Николай II сам... сделал наибольшее для того, чтобы затруднить и запутать создавшееся положение... Принятие Михаилом Престола было бы, таким образом, как выражаются юристы, *ab initio vitiosum*, с самого начала порочным»⁴¹.

Положение усугублялось еще и тем, что Михаил не был предупрежден братом о принятом им решении. Михаил мог предполагать, что он станет правителем до совершеннолетия Алексея и, возможно, внутренне даже готовился к этому, но он не мог предполагать, что Николай назначит его императором. Об этом, в частности, свидетельствует любопытный документ – телеграмма, направленная Николаем Романовым Великому Князю Михаилу Александровичу 3 марта 1917 г. Вот ее полный текст: «Петроград. Его Императорскому Величеству Михаилу Второму. События последних дней вынудили меня решиться бесповоротно на этот крайний шаг. Прости меня, если огорчил тебя и что не успел предупредить. Остаюсь навсегда верным и преданным братом. Горячо молю Бога помочь тебе и твоей Родине. Ники»⁴².

Анализ содержания Акта об отказе от престола

Продолжая юридически оставаться Великим Князем, Михаил Александрович мог лишь выразить свое мнение относительно поступившего от Николая II назначения, а также создавшейся в государстве ситуации. Безусловно, его мнение обладало в те дни

немалым авторитетом, ведь именно его назвал новым императором отрекшийся Николай. Следовательно, в представлении значительного числа населения, не разбиравшегося в тонкостях престолонаследия,

⁴¹ Набоков В.Д. *Временное правительство и большевистский переворот* / Предисл. М.Я.Геллера. Л.: *Overseas Publications Interchange*, 1988. С.26–27.

⁴² Текст приводится по воспоминаниям А.И.Деникина «*Очерки русской смуты*» (Париж, 1922. С.255). Как подлинную данную телеграмму рассматривает, например, С.П.Мельгунов в работе «*Мартовские дни 1917 года*» (Париж, 1961).

ОТРЕЧЕНИЕ НИКОЛАЯ II И МИХАИЛА АЛЕКСАНДРОВИЧА

именно Михаил Александрович был 3 марта 1917 г. олицетворением Верховной власти. Однако рассматривать Акт Михаила⁴³ как документ, имеющий какое-либо юридическое значение, крайне сложно по той простой причине, что исходит он от лица, которое в день его подписания не имело никакого права издавать документы, касающиеся престолонаследия и формы правления в Российской империи. Проще говоря, Акт Михаила об отказе от престола не имеет юридической силы, так как исходит он не от уполномоченного лица. Он содержит лишь мнение члена Императорского Дома, безусловно, оказавшее немалое влияние на дальнейшее развитие событий в России.

Юридическое значение этого документа мы видим в том, что он показывает отношение одного из виднейших представителей Царствующего Дома Романовых к сложившейся в государстве в тот момент ситуации. Михаил объясняет причины своего поступка, хотя, с формальной стороны, он мог бы этого и не делать. Михаил Александрович отказывается от престола не потому, что престол ему не принадлежит в силу правил о престолонаследии, и не вдается в вопросы законности или незаконности Акта об отречении. Михаил Александрович отказывается от престола потому, что *на вступление его на престол нет соответствующего народного волеизъявления*, потому, что *для его принятия ему необходима «воля великого народа нашего»*. Михаилу явно недостаточно воли предыдущего монарха для принятия верховной власти. Однако он не говорит, что не будет принимать престол, пока имеется законный наследник цесаревич Алексей. Он, напротив, готов нарушить действующий закон и выражает свое согласие на занятие престола при наличии соответствующего *народного волеизъявления*. То есть *Михаил, так же как и Николай, объявляет себя не связанным действующими законами и присягой о соблюдении порядка престолонаследия, он согласен стать императором на иных началах власти, нежели все предыдущие российские монархи*.

Михаил констатирует, что законы Российской империи в части представлений о верховной самодержавной власти, о порядке престолонаследия и т.п., – то есть все то, что составляет *образ правления*, – уже фактически не действуют, и соглашается с этим недействием. Михаил признает приоритет воли народа над божественным правом, признает, что если народ⁴⁴ пожелает, чтобы в России была монархия, то Михаил

⁴³ См.: *Собрание Указаний... Отдел I. 1917. Марта 6. №54. Ст. 345.*

⁴⁴ *Воля которого будет выражена в решении избранного всеобщим, прямым, равным и*

Александрович «воспринет верховную власть». До этого момента Михаил *просит* (не повелевает!) «всех граждан Державы Российской подчиниться Временному Правительству, по почину Государственной Думы возникшему и облеченному всею полнотою власти»⁴⁵. Примечательно, что исключительно силой своего авторитета Михаил Александрович не только наделяет Временное Правительство всею полнотою власти (каковой после реформы 1905–1906 годов не было даже у императора), но и подтверждает, что на период властвования Временного Правительства Россия уже не является монархией, ибо *подданные* империи превратились в *граждан* Державы Российской.

Таким образом, Акт Михаила об отказе от престола основан на мысли, что власть Российского императора более не имеет своим источником Божий промысел, что власть эта исходит уже не от Бога. Божий помазанник, его брат Николай II, добровольно отказался от такой власти и нарушил установленный законом «по Божьей воле» порядок передачи престола. Не в силах Михаила Александровича – Великого Князя, не имеющего права на всероссийский престол, – восстановить нарушенную Николаем II божественную легитимацию императорской власти. В его власти лишь предпринять попытку основать императорскую власть на новом источнике легитимации – на воле народа, и подчиниться этому источнику. Но это уже совершенно иная императорская власть, не имеющая ничего общего с той верховной самодержавной властью, «повиноваться которой сам Бог повелевает», которая так внезапно завершилась 2 марта 1917 года.

Заключение

Итак, Акт Николая II об отречении от престола составлен с существенными нарушениями действовавшего на тот момент в Российской империи законодательства⁴⁶ и с нарушением присяг о соблюдении порядка престолонаследия. Документ вызвал сложно разрешимые правовые трудности в вопросе определения наследника российского престола и тем самым фактически оставил империю без императора; создал юридические предпосылки для смены формы правления в России с монар-

тайным голосованием Учредительного Собрания об образе правления.

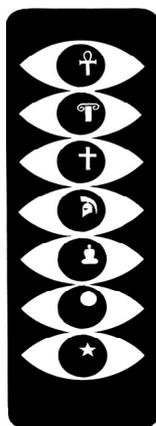
⁴⁵ *Собрание Узаконений... Отдел I. Ст. 345.*

⁴⁶ *А именно: с нарушениями статей 4, 8, 11, 28, 37, 38, 39, 41, 53, 84 Основных Государственных Законов Российской Империи.*

ОТРЕЧЕНИЕ НИКОЛАЯ II И МИХАИЛА АЛЕКСАНДРОВИЧА

хической на республиканскую. После обнародования Акта об отречении практически было уже невозможно вернуться к той форме православной монархии, которая была закреплена в Основных Государственных Законах, ибо император сложил с себя власть, дарованную ему Богом, и фактически провозгласил себя не связанным законами о божественности императорской власти.

Акт Михаила об отказе от престола являлся, по сути, политической декларацией члена Императорского Дома, который по воле отрекшегося императора незаконно был назначен императором. Помимо отказа от престола, который он по закону не имел права занимать, Михаил высказал свои пожелания относительно республиканской формы правления в России (на период до принятия Учредительным Собранием окончательного решения) и свое согласие стать конституционным монархом в случае, если формой правления по воле народа будет выбрана монархия. Тем самым Великий Князь Михаил Александрович подтвердил следовавшую из Акта Николая II мысль, что самодержавная православная монархия в России прекратила свое существование.

Александр Давыдов

КОЧЕВАЯ И МЕШОЧНИЧЕСКАЯ РОССИЯ

АДАПТАЦИЯ НАРОДА К КАТАСТРОФЕ
ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

УДК
94(47+57)«1917/1921»

During the Civil War and the Russian Time of Troubles there was a revival of nomadic consciousness inherent in Russian ethnicity. In stable times it was receding into the background and gradually becoming obsolete. However, it showed its true worth in an extreme situation. That very circumstance played a crucial role in the survival of the Russian population. A significant part of population moved on and became nomads. In this regard, the author relates this large-scale phenomenon to Russian bag people, or meshochnics. Millions of them were essentially nomads. The Soviet state declared war on them, generally for ideological reasons. The bag people movement became illegal. Having started the fight against the state, they met and overcame countless difficulties on their nomadic way. Ultimately, Russian nomads and bag people forced Bolsheviks to compromise.

Ключевые слова: кочевая Россия; мешочники; типы мешочников; гражданская война; железные дороги; заградительные отряды; реквизиции; Наркомпрод; рынки; Сухаревка; политические настроения.

Key words: nomadic Russia; bag people; types of bag people; the Civil War; railroad; barrier troops; requisitions; Narkomprod; markets; Sukharevka; political moods.

E-mail: davydov.au@mail.ru

По мнению этнографов, «русские – движущийся этнос с самосознанием оседлого». С одной стороны, оседлость – один из базовых элементов его самосознания. С другой стороны, формирование и эволюция русского этноса шли на фоне постоянных передвижений¹. Еще П.Я.Чаадаев в своем первом философическом письме указывал на следующую особенность российского менталитета: «...ничего устойчивого, ничего постоянного, все течет, все исчезает, не оставляя следов ни вовне, ни в нас. В домах наших мы как будто определены на постой; в семьях мы имеем вид чужестранцев; в городах мы похожи на кочевников»². Думается, именно эта «кочевническая» традиция, сильно мешавшая приспособлению к мирной и стабильной жизни, обеспечивала самоспасение народа в годы катастрофических переломов и смут. Гражданская война выявила противоречие между формировавшейся привычкой народа жить на одном месте и вынужденной необходимостью кочевать, переходить с места на место со своим имуществом.

**ПУТЕШЕСТВИЕ СТАНОВИТСЯ
КОЧЕВЬЕМ**

В годы гражданской войны массовые передвижения населения стали важнейшим условием его существования, выживания. Человек с мешками, баулами, чемоданами на вокзале или пристани, в обозе стал знаковой фигурой, аккумулировавшей в себе противоречивость смутного времени. Основную массу передвигавшихся по стране россиян составляли мешочники: потребители и спекулянты – крайне слабое государство никак не могло осуществить многообразнейшие функции по снабжению населения. Кроме того, рабочие и мещане оставляли голодные города и переезжали в деревни, где они надеялись быть сыты. Крупные масштабы приобрела эмиграция³. Замечательно по поводу всего этого высказалась участница событий, писательница З.Шаховская. «Вся Россия стала кочевой, – свидетельствовала она, – миллионы людей шли пешком, ехали, мчались по ее широким просторам в поисках или своих близких, или пропитания, или армии, в которой они хотели бы сра-

¹ См. подробно: Щепанская Т.Б. *Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX–XX вв.* М., 2003. С.8.

² Чаадаев П. *Философические письма. Апология сумасшедшего.* М., 2011. С.9.

³ Вильямс А.Р. *Путешествие в революцию.* М., 2006. С.353; Невалайнен П. *Изгой.* СПб., 2003. С.14.

жаться»⁴. Государственные институты начинали напоминать стойбища кочевников. Например, в июне 1919 г. военнослужащий Ударного коммунистического батальона писал домой: «Такую жизнь нельзя назвать жизнью. Кочевание с одного места на другое, с одной казармы в другую. Удивительно, что теперешняя власть почитает человека за животное. Ни постели, ни матраса, ни одеяла, ни подушек, ни простыни, ничего нет в цейхгаузе, и поэтому не выдают солдатам». «Я хожу босой и голый», – сообщал другой анонимный солдат⁵.

Кочевание становилось образом жизни представителей многочисленных наций и народностей России. По этому поводу в апреле 1918 г. Максимилиан Волошин писал: «Все Черное море теперь полно транспортом – старыми, заплатанными, заржавленными, грязными, пробитыми, на которых скитаются и бегут самые неожиданные племена, народы, расы... Всех судьба гонит преимущественно в Феодосию. Не Феодосия, а Карфаген времен мятежа наемников. Все это толпилось, бродило, демонстрировалось... съедало весь хлеб и куда-то рассасывалось»⁶.

Формы и методы кочевания российского населения в огромной мере определялись состоянием дел на транспорте. Огромная Россия сильнее других стран зависит от дорог и средств передвижения. К Первой мировой войне Россия добилась огромных успехов в развитии железнодорожной сети, мостостроения, судостроительной промышленности; велось строительство пяти автомобильных заводов⁷.

Кризисные явления отчетливо проявились в 1917 году. Поезда стали все чаще опаздывать. Пассажиры нервничали. Думается, не случайно летом 1917 года Б.Л.Пастернак в одном из стихотворений утверждал, что «поездов расписание... грандиозней святого писанья»⁸. Между тем настоящая транспортная катастрофа относится к послеоктябрьскому периоду. Если в 1912 году было выпущено в России 319 паровозов, в 1917-м – 420, то в 1920 году – 61. Отсутствие надлежащего технического обслуживания привело к сильному износу техники: в феврале 1920 г.

⁴ Шаховская З. *Таков мой век*. М., 2008. С.181.

⁵ *Неизвестная Россия. XX век*. М., 1992. С.244; Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (далее – ЦГА ИПД). Ф.16. Кор.265. Д.3864. Л.6.

⁶ Волошин М. *Собрание сочинений*. М., 2013. Т.12. Письма 1918–1924. С.89.

⁷ Аксенов И.Я. *Транспорт: история, современность, перспективы, проблемы*. М., 1985. С.39, 109.

⁸ Пастернак Б.Л. *Полное собрание сочинений с приложениями*. М., 2003. Т.1. С.116.

требовали серьезного ремонта 65% паровозов, на отдельных дорогах эта цифра достигала 85%⁹. Тогда же в тупике оказалось и речное судоходство. К 1920 году суммарная мощность речных судов уменьшилась более чем в три раза.

Десятки сгоревших паровозов и сотни исковерканных вагонов заполняли многие километры запасных путей. На Волге, Оке, Чусовой, Днепре, Дону целые затоны были забиты непригодными к использованию пароходами, буксирами, баржами¹⁰. На наш взгляд, развал транспорта в большой мере стал следствием противоречивой политики Советского государства. Уже в июле 1918 года В.И. Ленин признавал, что новая власть несколько раз бралась за переделку управления транспортом; необходимость экспериментов он объяснял неизвестностью пути к социализму, который «из области книжки, программы перешел в область практической работы»¹¹.

Новые правители не соответствовали предъявляемым к политикам главным требованиям, которыми являются ответственность и полная сосредоточенность на деле. Власть над железными дорогами и пароходствами вручали то трудовым коллективам и «делегатским съездам», то профсоюзам, то ведомственным коллегиям. В итоге основы централизованного руководства были серьезно и надолго подорваны. «Получается полная разобщенность в работе отдельных дорог», – констатировал Нарком путей сообщения В.И. Невский в направленном (май 1918 г.) в Совнарком докладе¹². Показательно, например, что распространилась практика сдачи администраторами железных дорог вагонов в аренду мешочникам¹³.

Когда же была осознана необходимость единоначалия, установить его оказалось невероятно трудно. Регулярно создавались транспортные комиссии, центральные управления и политотделы, периодически назначались особоуполномоченные и чрезвычайные комиссары¹⁴. Однако

⁹ Железные дороги России. СПб., 1996. С.153, 154, 156.

¹⁰ Наумова Г.Р. Народные комиссары путей сообщения молодой республики // Железнодорожный транспорт. 1987. №10. С.17, 18.

¹¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. М., 1969. Т.36. С.498.

¹² Цит. по: Михайлов И.Д. Эволюция русского транспорта. М., 1925. С.79, 80.

¹³ Филиппов И.Т. Ленинская программа борьбы за хлеб и ее осуществление в Черноземном центре. 1918–1920 гг. Борисоглебск, 1971. С.58.

¹⁴ Луценко В.Т. Железные дороги советских республик в 1918–1920 гг. // Развитие железнодорожного транспорта (1917–1975 гг.). Всесоюзный заочный институт инженеров

их активность на практике была лишь имитацией кипучей организаторской деятельности. В частности, исключительно от безвыходности могло возникнуть постановление Совета рабоче-крестьянской обороны от 2 января 1919 года, в котором поручалось наркомату госконтроля найти в течение двух недель одного «добросовестного и опытного человека» для выяснения вопроса «о неправильном пользовании поездами в Москве». А самому В.И.Ленину, находившемуся в той же комнате и председательствовавшему, особо предписали «подписать мандат этому товарищу»¹⁵. Спрашивается, зачем же существовали многочисленные комиссии и комиссары? Анархию на железных и водных трассах пресечь не удавалось, и передвижение людей по стране превращалось из путешествия в кочевье.

Положение дел на транспорте ухудшалось, а пассажиров становилось все больше. Их количество непрерывно увеличивалось на первых порах за счет дезертиров, а затем и других категорий населения¹⁶. Художница Лидия Шапорина вспоминала о своей поездке в конце лета 1917 года из Петрограда в Вязьму. Поезд был переполнен, проходы были заняты солдатами, которые сидели и лежали на полу. Шапорина рассказывала, как ее соседка по купе отправила сына узнать, можно ли попасть в уборную. Вернувшись, он заявил: «Да, мама, можно, там только два матроса»¹⁷. В последние месяцы 1917 г. положение осложнилось. По заявлениям очевидцев, уже в начале 1918 г. железные дороги «раскалывались по швам из-за всей этой массы народа», «когда поезд останавливался ... кто-то пытался влезть в вагон, но люди в вагоне стояли вплотную, сжиматься было некуда»¹⁸.

Новая власть ограничивала не имевшие государственной значимости поездки. Наркомпрод постоянно требовал ужесточить «проездной режим». Со временем было запрещено передвижение по стране без уважительных оснований. Оправдательной причиной стали лишь команди-

железнодорожного транспорта. Сборник научных трудов. М., 1976. Вып.81. С.27, 30.

¹⁵ *Из истории гражданской войны в СССР. М., 1960. Т.1. Май 1918 – март 1919. С.269.*

¹⁶ *Известия по продовольствию. Орган Томского продовольственного комитета. 1918. №8. С.14; Продовольственное дело / Изд. Московского городского продовольственного комитета (далее – МГПК). 1918. №7. 24 марта. С.2.*

¹⁷ *Шапорина Л.В. Дневник. М., 2012. Т.1. С.59, 60.*

¹⁸ *Вильямс А.Р. Указ. соч. С.353; Клементьев В.Ф. В большевицкой Москве (1918–1920). М., 1998. С.6.*

ровки и отпуска по болезни¹⁹. Разрешения на проезд и провоз продуктов представляли собой особые нумерованные бланки. В них содержались подробные сведения о пассажире, его маршруте и о выдавшем документ должностном лице. Дошло до того, что разрешения на право проезда вне очереди на плацкартном месте с 1920 года стали оформлять в органах ВЦИК²⁰. Однако число нелегальных пассажиров не уменьшалось. 28 сентября 1919 г. петроградская «Красная газета» писала: «Когда стоишь где-нибудь на вокзале, в очереди у кассы командировочных, то поражаешься невозможно огромному числу командированных. Ведь это не командировки, а подлинное переселение народов». Отмена в 1920 г. платы за проезд увеличила наплыв «переселенцев».

Знаком российской жизни В.Шкловский называл командировочные мандаты «липой»: «Советский строй приучил всех к величайшему цинизму в отношении бумажек... Целые поезда ездили по липам». Сам В.Шкловский, например, ездил за провизией по командировке «на восстановление связей с Украиной». Хотя было легко выяснить, что никого, кроме себя, он не представлял²¹. Документы выдавали уездные продовольственные комитеты голодавших районов (из жалости к просителям), домовые комбеды (перед соседями было неудобно), советские хозяйственные и медицинские органы (нередко за взятки) и т.д.

После того, как удавалось раздобыть «разрешительный» документ, путешественник запасался деньгами и товарами для обмена в кочевом пути (налегке никто не ездил, и все ценное брали с собой). А затем он встречался с путевыми трудностями. Прежде всего, следовало заполучить место в транспортном средстве. В отличие от 1917 года, борьба за него повсеместно стала по-настоящему тяжелым и опасным делом. Например, во многих случаях пароходы и баржи оказывались настолько переполненными, что едва не переворачивались. Судовые команды из страха пойти ко дну отказывались причаливать к берегу за новыми партиями мешочников. Пассажиры долгими сутками ожидали на пристанях речные суда²².

¹⁹ Воронов С. Петроград – Вятка в 1919–20 году // *Архив русской революции*. М., 1991. Т.1. С.315; *Известия Народного комиссариата продовольствия Украины*. 1919. №5–6. 10 июня. С.38, 40.

²⁰ Заховаева А.Г. *В поисках смысла: из прошлого к настоящему. На основе дневников. 1918–1941 гг.* СПб., 2011. С.35.

²¹ Шкловский В. *Сентиментальное путешествие*. М., 1990. С.203.

²² *Продовольственное дело* / Изд. МГПК. 1918. №15. 19 мая. С.12; *Продовольствие и*

Но самую суровую проверку нелегальные снабженцы проходили на железных дорогах. Прежде всего, пассажирам приходилось долго – до нескольких дней – дожидаться нужного эшелона. Поскольку расписания не существовало, поезд мог прибыть в любое время, так что отъезжавшие дневали и ночевали на вокзалах. Петроградский продовольственник П.Орский на Николаевском вокзале в Москве увидел «целый муравейник людей, буквально тысячи, расположившийся на полу, из которых добрых $\frac{3}{4}$ состояло из мешочников»²³. Людей скапливалось так много, что нередко не было возможности даже сидеть на полу. Очевидцы изображали вокзалы «настоящим столпотворением голодных и больных, солдат и крестьян, буржуев и "бывших", одетых по-пролетарски». Все они тревожились и ожидали от будущей дороги «опасностей и угроз»²⁴.

Усталых и измученных людей легко было обокрасть, когда они засыпали. К вокзалам, ставшим центрами воровства, прикрепляли красноармейцев, в обязанности которых входило тормошить задремавших и заснувших пассажиров. Их пытались уберечь от жуликов²⁵. Каждое утро в результате такой заботы о людях все без исключения пассажиры напоминали сомнамбул. Подобным образом обстояло дело по всей Советской России; в несоветских районах проблема мешочничества не стояла остро, и пассажиров было гораздо меньше.

Рано или поздно прибывал поезд. Вагоны оказывались переполненными (кроме «штабных», в которых ездили разного рода руководители, их друзья, родственники). Путешественники бросались на приступ. Среди вагонов преобладали теплушки. За места в последних – слегка модифицированных грузовых вагонах – и разворачивалась борьба. Почти все мемуаристы, которым довелось путешествовать по стране в 1918–1919 гг., обязательно описывали посадки в поезда как серьезнейшие испытания. Нередко люди прокладывали себе дорогу сквозь толпу с помощью кулаков, пинков. Пол теплушки находился на уровне человеческого роста; никаких приспособлений, вроде ступенек, не имелось. При посадке пассажирам приходилось подтягиваться на руках, их отталкивали другие участники штурма. Хаосом и сумятицей пользовались

снабжение. Кострома. 1918. 1 апреля. С.9.

²³ *Известия Петрокомпрода. 1919. 8 февраля. С.2.*

²⁴ *Ростковский Ф.Я. Дневник для записывания. М., 2001. С.436; Фейгельсон М. Борьба за хлеб в Царицыне // Проблемы экономики. 1940. №1. С.150; Шаховская З. Указ. соч. С.155–156.*

²⁵ *Союз потребителей. 1919. №8. 17 марта. Стб.11, 12.*

воры: срезали у пассажиров котомки, вытаскивали из карманов кошельки. В горячке люди забывали обо всем, кроме одного: надо устоять в толчее на ногах. В то время перестали употреблять цивилизованное словосочетание «сели в вагон», говорили: «попали» или «влезли». Известный в России кооператор Б.Р.Фроммет рассказывал, что «нужны талант, энергия, физическая сила, чтобы влезть... Вагоны здесь штурмуются, и опять-таки нужно не жалеть боков – ни своих, ни чужих, – чтобы попасть в вагон»²⁶. Примечательно, что власти не предпринимали серьезных попыток навести порядок и прекратить эти побоища.

Далеко не всем удавалось устроиться в вагонах, тогда мешочники начинали карабкаться на буфера. Затем приходила очередь крыш. При чем «удобными» считались крыши низких вагонов. Здесь было меньше риска разбить голову при движении о мостовое перекрытие. Транспортные средства настолько заполнялись людьми, что современники сравнивали их с селедочными бочками. Одним из главных наказаний со стороны властей для путешественников была высадка из поездов – попасть назад стоило невероятных усилий²⁷.

Все вышеназванное – массовое явление. Русское оседлое население превращалось в воинственных кочевников, условием выживания которых нередко оказывалась повышенная агрессивность. Чрезвычайно показателен обнаруженный в дневнике М.М.Пришвина факт. Писатель указывал, что даже самые лучшие люди начинали «вести себя как бешеная собака во дворе»²⁸. Изменялись поведенческие нормы, ценностные ориентации.

Условия, в которых сутками и неделями приходилось существовать путешественникам, современник – советский конторский служащий С.Воронов – назвал «адам крошечным». В частности, он имел в виду чрезвычайную скученность людей, лютый холод зимой, жару и духоту летом, грязь. Поезда двигались черепашьими темпами, то и дело останавливались. Во время остановок за счет пассажиров старались пожить бойцы многочисленных (и мало контролируемых властями) за-

²⁶ *Корецкий П. Кошмар наших дней // Трудовой путь. Кострома. 1919. №1–4. С.46; Фроммет Б. Об условиях разъездной работы // Союз потребителей. 1919. №8. 17 марта. Стб.10.*

²⁷ *Известия Наркомата продовольствия. 1918. №8. С.33; Известия по продовольствию. 1918. №8. С.29; Продовольственное дело / Изд. МГПК. 1918. №9. 7 апреля. С.12; Трудовой путь. 1919. №1–4. С.45.*

²⁸ *Пришвин М.М. Дневники. 1918–1919. М., 1994. С.169.*

градительных отрядов, а также обычные бандиты из местных жителей или действовавшие под «зеленым» флагом «идейные» грабители²⁹.

Удивляет, как выживали мешочники, разместившиеся зимой на буферах и крышах. Снег много раз засыпал их. По словам одного мешочника, мороз причинял такую боль рукам и ногам, что «в глазах все прыгало»³⁰. Пассажиры постоянно простужались и заболели. Самой страшной была тифозная опасность. Работники сыпнотифозных барачных свителъствовали, что с вокзалов поступало особенно много больных. Именно железная дорога выполняла функции главного разносчика различного недуга: 9/10 заболеваний становились результатом путешествий. Пассажиры свыклись со вшами и с горьким юмором называли их «обычными домашними животными»³¹. Заболевших, находившихся в бессознательном состоянии, то и дело выносили из вагонов.

Расписание движения по дальним маршрутам отсутствовало, и направление его могло измениться на любой узловой станции. Путешественникам предстояло выгружаться, и все злоключения повторялись. На обратном пути поместиться в вагоны было особенно трудно; в них старались попасть вместе с мешочниками, которые направлялись домой, и уроженцы хлебных мест, переправлявшие хлеб в города на продажу.

Дорожные обстоятельства были не просто не комфортабельны, они были кошмарны. Не умея организовать, пассажиры-мешочники попросту не смогли бы передвигаться по стране. Поступая как настоящие вольные кочевники, они объединялись в путевые сообщества, состоявшие из нескольких десятков человек. Коллективы образовывались перед уходом в путь или в его начале, а «достраивались» уже в дороге. Появлялись лидеры (предводители, атаманы, вожаки, старосты), под руководством которых мешочники действовали коллективно и организованно. Вот что сообщает об этом относящийся к 1919 году источник: «Как только остановится пришедший на станцию поезд, как рой пчел облепят его мешочники; впрыгивают в вагоны по два – по три человека, а остальные бросают мешки с хлебом. Работают ужасно спешно. В две-три минуты, которые стоит поезд, вагоны наполняются мешочниками»³². Когда

²⁹ Воронов С. Указ. соч. С.316; Михайлов И.Д. Указ. соч. С.119; Олонецкий кооператор. 1919. 15 января. С.52; Трудовой путь. 1919. №5–6. С.42; Шкловский В. Указ. соч. С.204.

³⁰ Цит. по: Григоров Л. Очерки современной деревни. М., 1924. Кн.1. С.18.

³¹ Мясников А.Л. Я лечил Сталина. М., 2011. С.85; Воронов С. Указ. соч. С.316; Союз потребителей. 1919. №8. 17 марта. Стлб.11.

³² Народное продовольствие / Еженедельное издание Пензенского губернского продоволь-

в вагон набивалось до 50 мешочников, его двери закрывались. Нелегальные снабженцы добивались поразительной слаженности действий. В данном отношении и речи быть не могло ни о какой конкуренции им со стороны медлительных структур Наркомпрода. В экстремальных условиях гражданской войны последний был не в состоянии создать устойчивую снабженческую систему населения городов и – главное – обширных сельских хлебопотребляющих регионов.

МЕШОЧНИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИКА

Следует внимательней присмотреться к проблеме российского мешочничества. Его подъем был напрямую связан с мероприятиями, направленными на практическое осуществление государственной монополии на торговлю.

Провозглашение последней Советской властью в конце января 1918 года в «Основном законе о социализации земли» поощрило «антибуржуйскую» деятельность властей и граждан в регионах³³. Никто уже не принимал во внимание, что оптовая и розничная торговля (дополнявшие друг друга частные, кооперативные и государственные структуры) – это, прежде всего, сложная организация. Позволим себе небольшой экскурс: на различных этапах советской истории общество несло потери из-за отрицания властью негосударственной торговли. Легализованная в начале НЭПа, она была окончательно запрещена постановлением ЦИК и СНК СССР 20 мая 1932 г.³⁴

Занимаясь историей отечественной кооперации, автор не раз убеждался, какой многогранный торговый механизм сложился в стране к началу XX века³⁵. Предприниматели умели договориться с крестьянами

ственного комитета. 1919. №5–6. С.9.

³³ Подколзин А.М. *К вопросу о продовольственном положении Советской республики в 1918 г.* // *Вопросы политической экономики. М., 1958. С.294; Хроника России. XX век. М., 2002. С.232.*

³⁴ Осипов В. *Частная хозяйственная деятельность в советской экономике в 1945–1960 гг.* Кемерово, 2003. С.22.

³⁵ См. подробно в статьях автора: 1) *Свободная кооперация в России* // *Вопросы истории. 1996. №1*; 2) *Российская кооперация в 1917 г.* // *Россия в 1917 г. Новые подходы и взгляды. СПб., 1994. Вып.3*; 3) *Российские кооператоры: облик и социальный состав (конец 1860-х – 1917 гг.)* // *Одиннадцатые Петровские чтения. История, политология, социология, философия, экономика, культура, образование и право / Материалы Всероссийской научной конференции. 11–12 ноября 2009 г. СПб., 2010.*

и их объединениями о поставках зерна, привезти его в неиспорченном состоянии на станцию, складировать во временно освободившемся элеваторе, соблюсти график прибытия вагонов, вовремя загрузить их, не допустить порчи товара дождем и т.д., и т.п. Все это было под силу инициативным и кровно заинтересованным организаторам, привыкшим действовать в условиях рыночного, конкурентного хозяйства.

Между тем в послеоктябрьский период революционный почин верхов все чаще совпадал с анархическим порывом низов. Повсеместно создавались комиссии по борьбе со спекуляцией, увеличивались масштабы анархической «антибуржуйской» деятельности. В Воронеже, например, все магазины и склады были опечатаны, а после снятия печатей товаров в них не оказалось. В Твери в 1918 году было закрыто около тысячи частных торговых заведений и при этом открыто всего 52 советских распределителя с полупустыми полками. Торговое сословие терроризировалось, заменить его было нечем. Сложнейшие и многообразные функции закупки, доставки, хранения, сортировки и т.д. товаров попыталось взять на себя слабое государство и потерпело фиаско³⁶.

В конечном счете, на смену организованным коммерческим структурам пришли сотни тысяч мельчайших торговцев. По свидетельству профессоров А.А.Арутиняна и Б.Л.Маркуса, именно мешочничество выразило «своеобразие экономики Советской республики в период гражданской войны»³⁷. Член коллегии Наркомата продовольствия и главный редактор бюллетеня «Известия Наркомпрода», известный кооператор и бывший меньшевик Н.А.Орлов полагал, что четверть взрослого населения страны регулярно занималась мешочничеством. Для сравнения (по его же данным): другая четверть занята была «вялым, рутинным трудом» на предприятиях и в армии, а оставшаяся половина служила в канцеляриях³⁸. Отсюда следует, что жизнь кипела лишь там, где находилась первая «четверть». Орлов выносил вердикт в 1918 году по горячим следам событий. На страницах официального издания он и его корреспонденты, сотрудники редакции пытались дать всестороннюю характеристику мешочничества. В штабе продовольственной диктатуры Орлов

³⁶ См. подробно: Давыдов А.Ю. *Мешочники и диктатура в России. 1917–1921 гг.* СПб., 2007. С.91–92.

³⁷ *Развитие советской экономики.* М., 1940. С.116.

³⁸ Галили З. *Лидеры меньшевиков в русской революции.* М., 1993. С.131; Орлов Н.А. *Продовольственная работа Советской власти.* М., 1918. С.384.

старался выступать проводником реалистической политики в отношении вольного рынка.

Выразительную характеристику рассматриваемого движения дал видный экономист (впоследствии член коллегии Наркомата финансов) Л.Н.Юровский, обращавший внимание на следующий парадоксальный факт: «Мелкая нелегальная торговля продовольствием – мешочничество – получила столь широкое распространение, что в торговле никогда (ранее. – *А.Д.*) не участвовала активно такая значительная часть населения»³⁹. Парадокс в том, что никогда ранее государство не прикладывало столько усилий для ликвидации такой торговли.

Думается, мешочническая эпопея выявила в полной мере свойственный нашему народу огромный приспособительный, адаптационный потенциал. Дорога, кочевье – вот атрибуты повседневной жизни многих и многих россиян в те годы. Простое население страны оказалось в кризисной – невыносимой – ситуации. Возникло «потребительское» мешочничество. На первых порах так называемые «маленькие люди» попытались разрозненно, индивидуально спастись. «Ехать в битком набитом вагоне третьего класса с мукою вокруг тела (использовались специальные мешки в форме жилетов. – *А.Д.*) была мука», – вспоминал ставший в будущем знаменитым врачом А.Л.Мясников⁴⁰. Многие сотни тысяч измученных, изнуренных, несчастных россиян направились за хлебом. Действовали поодиночке, создавали хаос на транспорте, подвергались насилию со стороны любого организованного коллектива.

В научной литературе долгое время представление о мешочническом движении ограничивалось уяснением фактов из истории этого начального этапа нелегального снабжения. Авторы исходили из трактовок делопроизводственных документов. Их составители, в основном чиновники, видели в мешочниках исключительно вредителей; ссылками на них удобно было объяснять развал продовольственного и транспортно-делового дела.

Довольно скоро вступили в действие механизмы самоорганизации. Энергичные, предприимчивые нелегальные снабженцы видели выход в объединении усилий, в создании коллективов. Центрами тесного и постоянного общения мешочников выступали рынки. Самый крупный – Сухаревский (на одноименной площади – будущей Колхозной) в Москве. Поразительно, что в центре суровой пролетарской диктатуры, ополчившейся против вольных добытчиков провизии, раскинулось вольное

³⁹ Юровский Л.Н. *Денежная политика Советской власти (1917–1927)*. М.; Л., 1928. С.63.

⁴⁰ Мясников А.Л. *Указ. соч.* С.84–85.

рыночное торжище. Сухаревка стала символом «мешочнической» экономики.

Встречаясь в таких местах, мешочники договаривались о совместных поездках, выработывали маршруты, распределяли функции. Коллективы были довольно устойчивы. Хлебные экспедиции становились регулярными. Сельские жители ждали прибытия мешочников и запасали провизию для товарообмена. Все это дает основания вести речь о создании сети неформальных и неучтенных, безуставных мешочнических кооперативов, субъектах нелегальной рыночной экономики.

Мешочничество гражданской войны – это, в первую очередь, совокупность коллективов профессиональных мешочников; представители их вполне осознавали конъюнктуру рынка, а также овладевали навыками противостояния многочисленным трудностям. Движение обиженных и несчастных одиночек – «потребителей» – сохранялось, но в большинстве случаев важной роли в снабжении и распределении оно не играло.

Советское государство рассматривало мешочников как идеологических противников и как главных конкурентов в борьбе за хлеб и, стало быть, власть (кто кормит, тот и властвует). Оно объявило им войну. Факты отвергают утверждение современного автора В.Галина о том, что на мешочничество «власти смотрели сквозь пальцы»⁴¹. Количество бойцов различных заградительных и продовольственных (на практике это было одно и то же) подразделений оказывалось сопоставимым с численностью бойцов, принимавших непосредственное участие в военных действиях с войсками «демократической» контрреволюции и – на отдельных этапах – белых генералов. Например, Реквизармия Наркомпрода насчитывала от 50 до 80 тыс. человек, Военпродбюро ВЦСПС организовало армию из 20 тыс. чел. Численность сотрудников структур (военное и железнодорожные ведомства, НКВД, ВЧК), время от времени привлекавшихся Наркомпродом для борьбы с мешочниками, была во много раз больше. Соответствующие структуры создавали и местные органы: комбеды, советы, ревкомы. Заградотряды сводились в крупные соединения (Курский реквизиционно-продовольственный полк, 2-я Тамбовская продовольственная дивизия)⁴². По-видимому, значительная

⁴¹ Галин В. *Интервенция и гражданская война*. М., 2004. С.44.

⁴² Подколзин А.М. Указ. соч. С.304; Макаренков М.Е. *Московские рабочие в борьбе с продовольственными трудностями в 1918 г.* // 40 лет Великого Октября. М., 1957. Вып.2. С.21; Попов (б. и.) *Воспоминания о Курском советском полку (1917–1918)* // Пролетарская революция. 1925. №7. С.57; *Известия Воронежского губернского продовольственно-*

КОЧЕВАЯ И МЕШОЧНИЧЕСКАЯ РОССИЯ

часть хлеба, доставленного продотрядами, – это был не хлеб, изъятый у крестьян, а реквизированный у мешочников⁴³. Четкого разграничения функций реквизиционно-заградительных и продовольственно-заготовительных отрядов не существовало. Вернуться домой без хлеба было нельзя. Поэтому, терпя поражения в походах во враждебные деревни, продовольственные формирования преобразовывались в заградительные и занимались реквизициями на дорогах. Примечательно, что в 1918 г. они официально именовались «партизанскими»⁴⁴. Язык революционной эпохи точно отразил существо процесса. Красноармейские части нередко выступали на стороне мешочников и разгоняли «заградды». Поэтому участники реквизиций появлялись в неожиданных местах, захватывали провизию и уносили ноги. Бойцов и командиров одного из таких подразделений – «1-ого Петроградского партизанского отряда» – мы видим на фотографии, найденной автором в Центральном государственном архиве кинофотофонодокументов Санкт-Петербурга⁴⁵.

го комитета. 1918. №33. 7 ноября. С.4.

⁴³ См. подробно: Давыдов А.Ю. Мешочники и диктатура ... С.106–117.

⁴⁴ См., например, о продовольственных «партизанах» в: Известия Ставропольской губернской советской продовольственной комиссии. 1918. 9 июня. С.13.

⁴⁵ Центральный государственный архив кинофотофонодокументов Санкт-Петербурга. Фото: Гр 65083.

Мешочники, в свою очередь, активно противостояли Советскому государству. Формы этого противостояния отличались многообразием. Начиналось с попыток обмануть борцов с нелегальным снабжением: огромные накладные карманы, мешки – жилеты, баржи или гробы с двойным дном и т.п. Немалое место отводилось взятке, которая превратилась в весьма значимое средство регулирования взаимоотношений противостоявших сторон. На многих дорогах дело доходило и до вооруженных столкновений заградотрядов с коллективами мешочников⁴⁶.

Власть была вынуждена считаться с нелегальными снабженцами и постепенно уступала им. Время от времени вводилось так называемое льготничество, когда мешочничество легализовывалось. Нередко власти предпочитали не связываться и пропускали в города эшелоны или обозы с вольными добытчиками хлеба. Цены Сухаревского рынка публиковались в бюллетенях Наркомпрода, ими руководствовались госструктуры. Периодически проводились облавы, но уже через несколько дней арестованные спекулянты возвращались к своему промыслу; более того, продавали провизию тем же чекистам. По вопросу о мешочниках произошел раскол: местные продорганы и съезды Советов то и дело принимали решения о легализации свободы торговли, а центр стоял на своем (его далеко не всегда слушались). В целом противостояние было долгим, повсеместным и всепроникающим.

Рискну предположить, что мешочнический фронт стал третьим фронтом гражданской войны. Первый – противоборство Красной Армии и антисоветских вооруженных формирований. Второй – война с крестьянством за хлеб, разжигание революционного противостояния в деревне. Третий – война на дорогах и рынках. Постоянное противодействие мешочников и крестьян продовольственной политике большевистской власти заставляло последнюю снижать градус ригоризма, уступать. Так дело дошло до НЭПа. Простой народ, «маленькие» люди сначала приспособили, адаптировали нежизнеспособную продовольственную политику Советской власти, а затем добились ее отмены.

Специфические «дорожные отношения», создание «бродячих сообществ» с их «определенной централизацией» – все подобные обстоятельства представляются современным этнографам важным элементом своеобразной этнической культуры. Ее называли «культурой дороги»,

⁴⁶ Кибардин М.А., Медведев М.И., Шишкин А.А. *Октябрь в деревне. Казань, 1967. С.55; Комбеды Воронежской и Курской областей: Материалы по истории комитетов бедноты. Воронеж, 1935. С.268; Попов (б. и.) Указ. соч. С.157.*

понимая под этим «комплекс этнических традиций – обычаев и норм, вещественных атрибутов и представлений, связанных с передвижениями»⁴⁷. Опять – кочевая Россия.

Как мы видим, в период гражданской войны вполне определилось центральное место мешочничества в процессе выживания российского народа. Поэтому стоит внимательно присмотреться к типам отечественных нелегальных снабженцев. Попытаемся также отчетливой определить преобладавшие в начале «русской смуты» формы, виды мешочничества и в связи с этим социальный облик мешочников. Что за люди входили в состав исследуемой крупнейшей социальной группы, к каким специфическим методам борьбы за выживание они прибегали?

КОЧЕВАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ Содержание главных форм мешочничества в изучаемый период мало изменялось. В разговорах упоминались *большие* и *маленькие*, *вольные* и *невольные* мешочники; говорили также о *специалистах* и *любителях*; подразумевались представители *спекулятивного* и *потребительского* мешочничества. В роли мешочника побывал в изучаемый период почти каждый дееспособный россиянин, в том числе и советские активисты. Показательно, что среди 200 делегатов проходившей в мае–июне 1918 г. Первой конференции рабочих и красноармейских депутатов Первого городского района Петрограда не оказалось таких, которые бы время от времени «не провозили себе картошки и муки»⁴⁸. Речь идет о так называемых «потребителях», нелегально доставлявших немного продуктов для себя и семьи. По этому поводу владимирский рабочий И.В.Гусев писал в начале 1918 г.: «Собираем дома последние вещи, едем в деревню обменивать их на хлеб»⁴⁹.

Вместе с тем значение потребительского мешочничества в деле снабжения с начала 1918 г. в целом падало. Соответственно соотношение между формами мешочничества во многом стало другим⁵⁰. В ре-

⁴⁷ Щепанская Т.Б. Указ. соч. С.8, 232, 233, 234.

⁴⁸ Первая конференция рабочих и красноармейских депутатов 1-го Городского района. 25 мая – 5 июня 1918 г.: Стенографический отчет. Пг., 1918. С.153.

⁴⁹ Беднота. 1918. 31 марта.

⁵⁰ См.: Суворова Л.Н. За фасадом «военного коммунизма»: Политическая власть и рыночная экономика // Отечественная история. 1993. №4. С.53.

зультате возрастания трудностей передвижения по стране, а также постоянного усиления борьбы новых властных структур с нелегальным снабжением оно эволюционировало в сторону более жизнеспособного – спекулятивного. В отличие от *потребителей*, опытные профессиональные нелегальные снабженцы знали, как обойти главную преграду на пути мешочников – заградотряды. Умели найти общий язык (посредством взяток, связей, рекомендаций, соответствующих документов) с их командирами и бойцами. Уже сам внешний вид *профессионалов* заставлял *заградилловцев* считаться с ними. Они носили добротную одежду, держали себя уверенно. И, как сообщает источник, выглядели «довольно упитанными». В сравнении с ними мешочники-потребители смотрелись зачастую заморышами. Различие между мелкой и крупной разновидностями нелегального снабжения выражалось, в частности, вот в чем: представители первого доставляли 1–2 пудовых мешка, второго – около 10. Хотя некоторые отклонения от этих цифр в ту или другую сторону были вполне возможны⁵¹.

Взаимодействие между двумя формами мешочничества представляется и в следующем виде. Мешочники начинали свою деятельность с попыток спастись от голода, а затем некоторыми из них – предприимчивыми, удачливыми – овладевала тяга к наращиванию прибыли. Они становились нелегальными частными предпринимателями, иначе – профессиональными мешочниками. Советская служба их не могла удовлетворить⁵². К тому же деньги стремительно обесценивались⁵³. Цены на основные виды продуктов в разных регионах стали сильно отличаться, иногда на порядок и больше⁵⁴. В этих условиях мешочнические поездки становились весьма прибыльным делом⁵⁵.

⁵¹ *Вятский революционный вестник. 1918. 18 августа; Первая конференция рабочих и красноармейских депутатов... С.179; Фейгельсон М. Мешочничество и борьба с ним в пролетарском государстве // Историк-марксист. 1940. №9. С.76, 77.*

⁵² *При хорошем раскладе совслужащие получали на рубеже 1918–1919 гг. ежемесячно по 3–4 тыс. рублей, а фунт хлеба стоил несколько десятков рублей, мужской костюм – около 30 тыс. рублей.*

⁵³ *В 1914–1920 годах рыночные цены на соль выросли в 155 тыс. раз, на сахар – в 42 тыс. раз, на жиры – в 32,5 тыс. раз.*

⁵⁴ *В 1918 году в Петрограде они были в 24 раза выше, чем в Саратове; в 15 раз выше, чем в Симбирске.*

⁵⁵ *Бюллетень отдела статистики труда при Петроградском отделе труда. 1921. №2. С.5; Вайсберг Р.Е. Деньги и цены. Подпольный рынок в период военного коммунизма. М.,*

Крупное спекулятивное мешочничество в условиях 1918 года по существу представляло прогрессивное явление: спекулянты в погоне за прибылью осваивали дальние и недоступные для государственных заготовителей территории. В то же время многочисленные *потребители*, не располагавшие средствами для далеких экспедиций, опустошали прилегавшие к голодным регионам сельские местности и непомерно вздували цены на продукты. Источники часто указывают на опустошенность хлебных запасов сел и деревень северо-запада и центра *ходоками* (так именовали мешочников), на вызванную таким обстоятельством дороговизну продуктов⁵⁶.

Об абсолютном преобладании мешочников-профессионалов уже в первой половине 1918 г. свидетельствуют редкие и тем более ценные социологические данные. Весной 1918 г. был проведен опрос среди 1 000 задержанных на одном из вокзалов Москвы мешочников. Оказалось, из них лишь 130 человек везли муку для своих собственных семей, все остальные – для продажи *случайным* покупателям на рынках, лотковым торговцам, владельцам харчевен или кондитерских⁵⁷. Соотношение *потребителей* и *спекулянтов* среди мешочников в Москве получается таким: 13% и 87%. Новая столица представляла своеобразный центр спекулятивного мешочничества. Скорее всего, в других районах мешочников-потребителей было больше (в том числе и тех, которые везли продукты из столицы). К сожалению, найти соответствующие статистические или социологические данные по разным местностям пока не удалось.

Нередко и на новом этапе случалось, что вдруг количество неопытных и не умевших сориентироваться в обстановке мешочников-потребителей на дорогах резко возрастало. Это происходило в голодные и непродолжительные периоды массированных антиспекулятивных кампаний, когда ходоки-профессионалы предпочитали переждать опасность. Кроме того, крестьяне и рабочие чуть ли не поголовно бросали

1925. С.53; Владимиров М. *Мешочничество и его социально-политическое отражение*. Харьков, 1920. С.9. – Ни одна страна мира не знала такого темпа роста цен (См.: *Известия Наркомата продовольствия*. 1918. №22–23. С.20, 21). В частности, и по этой причине в России получило развитие спекулятивное мешочничество, одна из функций которого – спасение денежных сбережений населения путем их постоянной «конвертации» в товар.

⁵⁶ *Продпуть*. 1918. Апрель. №2. Стлб.64.

⁵⁷ *Беднота*. 1918. 31 марта.

поля и станки и отправлялись за хлебом в краткие промежутки введения властями послаблений для мелких мешочников. Именно в такие времена местные продовольственные комитеты отправляли в Наркомпрод отчеты, в которых то и дело фигурировали фразы: «Мешочничество всеобщее», «бесконечной вереницей едут мешочники», «жители представляют из себя бродячих кочевников, которые ищут себе хлеба»⁵⁸. Однако для большинства ходоков-«потребителей» поиски хлеба заканчивались плачевно: в дороге продовольствие у них отбирали, и они возвращались домой с пустыми руками. От их имени рабочие петроградских заводов писали (ноябрь 1918 г.) В.И.Ленину и Л.Д.Троцкому: «У нас Красная Армия грабит с живого и мертвого (имеются в виду главным образом заградительные части. – А.Д.)... Кто получит эти несчастные рубли и поедет купить для своего семейства хлеба – обратно возвращается без денег и без хлеба»⁵⁹. В итоге все равно продукты в хлебобопотребляющие регионы ввозил прежде всего мешочник-спекулянт, умевший приспособливаться к изменениям обстановки.

Нелегальное снабжение неравномерно было распространено по территории страны. Мешочников-профессионалов было меньше на севере страны (удаленность от хлебных районов создавала в дороге трудности, для многих непреодолимые), в центральных губерниях – значительно больше. В Петрограде мешочников *спекулятивного типа* насчитывалось до 30 тыс., в Курской губернии – 150 тыс., в Калужской – 300 тыс. Напомним, что каждый из них привозил из очередной поездки в среднем по десять пудов продовольствия⁶⁰.

В конце 1917 – 1918 году определилось многообразие всевозможных разновидностей потребительского и спекулятивного мешочничества. Именно в это время за каждой из таких разновидностей закрепилось определенное понятие. Устойчивость понятийного аппарата лишней раз подтверждает распространенность явления. Например, нередко вольные добытчики хлеба переносили продукты в чемоданах под видом ручной

⁵⁸ *Известия Наркомата продовольствия. 1918. №2–3. С.11; №9. С.3; Ленинградская кооперация за 10 лет. Л., 1928. С.359–369; Соколов С.А. Революция и хлеб. Саратов, 1967. С.25.*

⁵⁹ *Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918–1932 гг. М., 1998. С.53.*

⁶⁰ *Известия Наркомата продовольствия. 1918. №9. С.9; Ленинградская кооперация за 10 лет. С.360; Фейгельсон М. Мешочничество и борьба с ним... С.79.*

клады и назывались чемоданщиками⁶¹. Они не держали в руках мешков, но официальными органами относились к разряду мешочников и по существу таковыми являлись. Среди них оказался однажды сам Нестор Махно. Направляясь летом 1918 года с Украины в голодную Москву, он закупил целый чемодан булок и был очень рад, когда ему, смешавшись с толпой обывателей, удалось это богатство пронести мимо заградительного поста на вокзале в столице. Интересно, что чемоданщиками были исключительно мешочники-потребители. Это следует из рассказа того же Махно. Нестор Иванович пишет: «Показалась Москва... Публика в вагоне заворошилась. Каждый, кто имел у себя чемодан, вытирал его, так как в нем было у кого пуд, у кого полпуда муки, которая от встрясок вагона дала о себе знать: выскакивала мелкой пылью из сумок, сквозь замочные щели чемодана»⁶².

Виды мешочничества современники определяли также в соответствии со способами передвижения его представителей. В этом отношении на первом месте стоит *вагонничество* – путешествовали в (или на) вагонах. Часто упоминается в источниках гужевое мешочничество, иначе – *обозничество*. В то же время группы мешочников получали те или иные названия в зависимости от того, какой товар они везли в деревни или вывозили из нее. Разумеется, в первую очередь мешочники – это люди, перевозившие в мешках муку. Вместе с тем к ним относили и так называемых *кусочников* – потребителей, перевозивших «хлеб в кусках»; кусочниками в народе называли также тех посредников, которые продавали на рынках хлеб, доставляемый мешочниками. По мере усиления натурализации хозяйства разрасталось *лоскутничество*; этим термином обозначали мелкий обмен на продукты питания подержанных мануфактурных изделий. Существовали так называемые *картофельные мешочники* – весьма многочисленные, поскольку картофель все чаще заменял хлеб. В северо-западных губерниях распространился такой промысел: крестьяне привозили в Петроград по 20–40 бутылей молока и там разносили его по квартирам. Мешки ими – как и чемоданщиками – не применялись, но все равно их относили к мешочникам⁶³.

⁶¹ Продовольственное дело / Изд. МГПК. 1918. №24. 21 июля. С.3.

⁶² Махно Н. Воспоминания. М., 1992. С.138.

⁶³ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга. Ф.142. Оп.2. Д.418. Л.12; Бюллетень Московского городского продовольственного комитета. 1918. 4 июля. С.2; Дмитренко В.П. Советская экономическая политика в первые годы пролетарской диктатуры: Проблемы регулирования рыночных отношений. М., 1986. С.55.

Способы добычи провизии в деревнях были разными, не только обмен или покупка. Многие горожане, не имевшие денег и товаров для обмена, нанимались батраками в хозяйства крестьян; полученные за работу мешки с хлебом они отвозили своим домашним⁶⁴. Налицо еще одна разновидность потребительского мешочничества. Наконец, после августа 1918 года появляются совершенно новые разновидности – *полупуторпудничество, отпускничество, двухпудничество*. Иногда голод вынуждал власти разрешать перевозку полутора или двух пудов продуктов во время рабочих отпусков, и этим перемирием в войне государства с мешочниками активно пользовалось все население. Многообразие форм и разновидностей нелегального снабжения – признак его живучести и приспособляемости в условиях суровых испытаний.

Теперь – о социальном составе мешочников. Сразу оговоримся, что плохо верится в преобладание среди них представителей «враждебных классов». Всей предшествующей жизнью последние были совершенно не подготовлены к тяжелой мешочнической деятельности. Между тем к «бывшим эксплуататорам» сплошь и рядом относили мешочников официальные большевистские пропагандисты в изучаемую эпоху, а в последующие советские времена – некоторые ученые, деятели кино и литературы. Например, в 1920-е годы экономист Л.Н.Крицман писал, что, воюя против мешочников, пролетарское государство воевало «против крупного капитала». Вольных добытчиков хлеба он относил к дельцам «подпольной товарно-капиталистической экономики», непримиримо противостоявшим труженикам «официального пролетарско-натурального хозяйства»⁶⁵. Вспомним к тому же тип мешочника, выведенный в знаменитой кинокартине «Коммунист», снятой режиссером Ю.Я.Райзманом на студии «Мосфильм» в 1958 году. Это тщедушный, низкорослый, узкоплечий, нервный, с бегающими из-за нечистой совести глазками деревенский «мирод», «упырь». Автор уверен: не могло такое ничтожество с успехом преодолевать воздвигнутые перед ним бесчисленные преграды; например, прорваться с мешками на тормозах поездов из хлебной Украины в голодный Петроград. Из кого на самом деле происходили мешочники?

⁶⁴ *Комитеты бедноты: Сборник материалов / Под ред. Исторической секции Института советского строительства и права. М.; Л., 1933. Т. II. С. 166.*

⁶⁵ *Крицман Л.Н. Героический период русской революции. М., 1924. С. 131, 132.*

ТИПЫ МЕШОЧНИКОВ

Все-таки, в первую очередь, нелегальные снабженцы – это крестьяне. Экономист периодов военного коммунизма и НЭПа Д.Кузовков, отвечая Л.Крицману, справедливо под-

черкивал: «На крышах вагонов ездили не крупные капиталисты и не капиталисты вообще, а миллионы мешочников-крестьян»⁶⁶. Численное преобладание последних объясняется тем, что положение с продовольствием в селах потребляющей полосы было попросту критическим. Значительная часть мешочников (около 40%) происходила из крестьян-средняков северных и северо-западных губерний. Фактически данная цифра должна быть большей, поскольку крестьянские ходоки нередко выдавали себя за «рабочие делегации»⁶⁷. Примечательно: мемуаристы обращали внимание на численное преобладание в вагонах «мужиков с мешками на спине»⁶⁸.

Второе место среди мешочников занимали рабочие; а в таких промышленных регионах, как Иваново-Вознесенская губерния, они в данном отношении стояли на первом месте. Примечательно, что советских историков факт широкого распространения спекуляции в рабочем классе приводил в состояние некоторого смущения. В отечественной науке до недавнего времени мешочников-пролетариев называли «незначительной, наиболее отсталой частью рабочих»⁶⁹. При этом не упоминалось о том, как заводчане нередко проявляли классовую солидарность и на первых порах сообща боролись с губительной продовольственной политикой, требовали на митингах и собраниях отмены хлебной монополии. Лишь потом вступали в борьбу с властью под видом мешочничества. Фактически речь нужно вести не об «отсталой части», а о людях, способных организовать и выступить перед государством со своими требованиями.

Третья (по численности) группа – интеллигенция. Ее представители занимались исключительно потребительским мешочничеством в силу

⁶⁶ Кузовков Д. Основные моменты распада и восстановления денежной системы. М., 1925. С.200, 201.

⁶⁷ Там же; Продовольственное дело. Орган продовольственного отдела Харьковского губернского совета р. и к. депутатов. 1919. №2. 25 февраля. С.5.

⁶⁸ Окнинский А.Л. Два года среди крестьян. Виденное, слышанное, пережитое в Тамбовской губернии с ноября 1918 – до декабря 1920 г. М., 1998. С.13.

⁶⁹ Филиппов И.Т. Продовольственная политика в России 1917–1923 гг. М., 1994. С.88.

моральной и физической неприспособленности к перегрузкам, вызванным занятиями профессиональным *ходачеством*. Вот как характеризовал в 1971 году эволюцию образа жизни определенной части дореволюционных интеллигентов советский историк: «Политическая близорукость вывела на толкучку и некоторых представителей интеллигенции, не нашедших еще своего места в строительстве нового общества»⁷⁰.

Однако время идеологических реверансов прошло, и теперь следует признать, что на деле-то интеллигенция просто выживала. «Философ думает о пуде муки, – с горечью говорил писатель М.А.Осоргин, – художник сладострастно смотрит на кочан капусты и два помидора... Мы голодны, мы страдаем»⁷¹. Необходимость выжить любым путем, а вовсе не политическая близорукость заставляла представителей творческих профессий заняться мешочничеством. Профессиональные знания и навыки интеллигентов, звания, титулы, даже денежные накопления утрачивали свое значение. Имущество из богатых квартир их хозяева стали переправлять в деревни. Обратим внимание на противоречивость и особую сложность положения интеллигента-мешочника. Недавним работникам умственного труда было особенно тяжело смириться со своим новым положением, абсолютно ничего общего с прежним не имевшим. Но, по словам дочери великого писателя А.Л.Толстой (тоже принадлежавшей к категории нелегальных снабженцев), в конце концов, и они «научились... торговать, ездить на буферах, на крышах вагонов»⁷². Умение убеждать людей и хорошо поставленная речь помогали достичь успехов в нелегальном промысле. Не случайно на рынках стал особенно выделяться интеллигентный продавец, который успешно приспособивался к рыночному спросу⁷³.

В особом положении оказались так называемые «гастролирующие профессеры». Как известно, революционная власть открывала новые учебные заведения и объявила свободный доступ в них. В провинциальных университетах квалифицированных преподавателей катастрофически не хватало. В итоге появилось немало профессоров, кочевав-

⁷⁰ Дмитренко В.П. *Торговая политика Советского государства после перехода к нэпу*. М., 1971. С.141.

⁷¹ Осоргин М.А. *Из маленького домика (Москва 1917–1919 гг.)* // Осоргин М.А. *Сивцев вражек*. М., 1999. С.371.

⁷² Толстая А. *Дочь*. М., 2000. С.288.

⁷³ Атлас З.В. *Очерки по истории денежного обращения в СССР (1917–1925 гг.)*. М., 1940. С.83.

ших из вуза в вуз. При этом зачастую они добирались до места назначения вместе с ходоками – в жутких условиях теплушек. Из провинции они каждый раз привозили в свои голодные семьи мешки и чемоданы с продуктами⁷⁴.

Кочевали по стране с той же целью актеры и врачи. Интересные в этом отношении сведения обнаруживаем в мемуарах известной актрисы Ольги Чеховой. В 1918 году она была избрана *ходачкой* московской театральной студии и отправлена в один из волжских городов за картофелем и мукой. Причем была выдана оформленная по всем правилам командировка Наркомпроса. Артистка вспоминала о трудностях дороги, об аресте ее патрулем, об обмене вещей на продукты и об одном из самых горьких разочарований – потере провианта при переправе через Волгу. Все это привело к нервному срыву. О возвращении домой О.Чехова рассказывала: «...стою перед нашим домом. У меня нет сил подняться по лестнице. Сестра помогает мне... беззвучно падаю»⁷⁵. Потом актриса долго болела.

Мешочники – профессора, актеры, врачи, поэты – это парадоксальная примета «русской смуты». Происходила архаизация, примитивизация общественных отношений. Примечательно, что, по сведениям очевидцев, даже у «гастролировавших» университетских профессоров «разговор все время вертелся вокруг продовольственных вопросов, и каждый старался сообщить другому, сколько продуктов он везет с собой и за какие товары продукты эти были получены»⁷⁶.

Таким образом, представители основных социальных групп отдали дань нелегальному снабжению. Однако сказанное относится только к потребительскому мешочничеству. *Профессионалы* (иначе – спекулянты) рекрутировались главным образом из определенных общественных слоев, представители которых располагали соответствующими возможностями.

На первый взгляд, мешочники-спекулянты состояли в основном из солдат. Поэт А.Б.Мариенгоф назвал платформу Казанского вокзала в Москве «серой – мешочниками и грустью»⁷⁷. Дело в том, что спекулянты-мужчины чуть не поголовно обзавелись «спецодеждой» – серыми форменными пальто. Многие источники сообщали о «мешочниках, оде-

⁷⁴ Воронов С. Указ. соч. С.328.

⁷⁵ Чехова О. *Мои часы идут иначе*. М., 2000. С.102, 103.

⁷⁶ Воронов С.А. Указ. соч. С.328.

⁷⁷ Мариенгоф А. *Бессмертная трилогия*. М., 1998. С.53.

тых в солдатские шинели»⁷⁸. Запас шинелей и гимнастеров мешочники пополняли за счет покупок у самих же солдат. Дошло до того, что командование, дабы пресечь торговлю казенным имуществом, приказывало прекратить выдачу обмундирования и обуви бойцам тыловых частей⁷⁹.

В.Кривошеин (будущий архиепископ) рассказывал о том, как выглядела вокзальная толпа: «На вид не то красноармейцы, не то мешочники»⁸⁰. Кстати, по этой причине сотрудники заградительных подразделений зачастую принимали *ходоков* за военнотружущих и предпочитали с ними не связываться, ибо знали: обидишь солдата – на помощь ему примчится взвод, а то и рота. В периодической печати 1918 г. приводились такие данные: до 50% профессиональных мешочников состояли на военной службе⁸¹. Но эта цифра завышена:

- во-первых, солдаты, прежде всего, обращали на себя внимание: они размахивали револьверами и громче всех кричали;
- во-вторых, среди них было очень много «бывших солдат» (так писали источники) и, как уже отмечалось, просто людей, одетых в военную форму.

Среди мешочников – особенно на юге страны – встречалось немало матросов, уклонившихся от советской службы. Так, В.Шкловский, рассказывая о своей поездке по Украине в начале 1919 г., обратил внимание на матросский жаргон, на котором в его вагоне разговаривали почти все мешочники⁸². И хотя военная форма в большинстве случаев была камуфляжем, тем не менее не подлежит сомнению принадлежность нелегальных снабженцев (в прошлом, иногда в настоящем) к солдатской корпорации. Это придавало особую силу коллективам мешочников и делало их опасными (они прошли военную выучку и имели боевой опыт) для заградительных отрядов.

⁷⁸ *Известия Уфимского губернского продовольственного комитета. 1917. №16–17. 17 ноября. С.13.*

⁷⁹ ЦГА ИПД. Ф.16. Кор.265. Д.3864. Л.6; *Известия Уфимского... комитета. 1917. №16–17. 17 ноября. С.13; Продовольственное дело / Изд. МГПК. 1917. №32–33. 24 декабря. С.27.*

⁸⁰ Кривошеин В., архиеп. *Воспоминания. Нижний Новгород, 1998. С.64.*

⁸¹ *Известия Уральского областного продовольственного комитета. 1918. №6. 18 января. С.12.*

⁸² Шкловский В. *Указ. соч. С.232.*

Немалым среди профессиональных мешочников был удельный вес людей с дореволюционным стажем организаторской работы в торговле. По справедливому заключению исследователя В.П.Дмитренко, широкая национализация привела к уходу в сферу нелегального рынка (а это, прежде всего, мешочничество, которое давало хороший барыш) мелких розничных торговцев. Среди мешочников насчитывалось много бывших приказчиков. Проведенные в Петрограде исследования показали, что основная часть петербургских *магазинеров* и их помощников продолжала заниматься спекулятивным делом и в революционном Петрограде. Из задержанных чекистами на московских рынках в 1920 году 14 тыс. продавцов почти 70% имели до революции какое-либо отношение к профессиональным занятиям куплей-продажей. Примечательно, что группа, включавшая в себя бывших торговцев, оказалась одной из самых устойчивых в обществе в ходе «русской смуты»⁸³. Представляется, что это важный факт, указывающий на перспективы развития мешочничества. С переходом к НЭПу *профессионалы-мешочники* нередко становились мелкими и средними частными предпринимателями. Так, обследование деревенской торговли в волостях Волоколамского уезда, типичных для Московской губернии, произведенное в начале 1923 г., показало, что в сельской местности торговали снова те же лица, что и до революции⁸⁴.

Очень часто источники упоминают активное участие железнодорожников в мешочничестве. Четвертый Всероссийский Железнодорожный съезд (июнь 1918 г.) в своей резолюции констатировал: «Железнодорожники вынуждены добывать хлеб мешочным способом, тысячи служащих и рабочих стихийно движутся в производящие губернии»⁸⁵. Газеты в 1918 году сообщали то об изъятии в Воронеже у 94 курских железнодорожников 800 пудов муки, то о конфискации двух вагонов с мукой у 64 работников той же Курской дороги и т.д. Парадоксальное сообщение поместила газета «Северная область», доводящая до сведения читате-

⁸³ *Известия Петроградского комиссариата по продовольствию (Петрокомпрода)*. 1918. №39. 22 августа; Дмитренко В.П. *Некоторые итоги обобществления товарооборота в 1917–1920 гг.* // *Исторические записки*. М., 1966. Т.79. С.224; *Его же. Торговая политика Советского государства...* С.141. 144.

⁸⁴ Булдаков В.П. *Утопия, агрессия, власть. Психосоциальная динамика постреволюционной России*. М., 2012. С.434; *Отчет СТО за период с 1 октября по 1 апреля 1922 г.* Тамбов, 1922. С.19; *Экономическая жизнь*. 1923. 9 мая.

⁸⁵ *Продпуть*. 1918. №5. 1 июля. Стлб.7.

лей, что в Воронежской губернии «партия до 100 чел. с Виндавской железной дороги пока закупает»⁸⁶. Информационный контекст был таков: вот они закупают провизию, и, если *заград* попытается у них отнять, возможно кровопролитие. Группы железнодорожников-мешочников в 1918 году власти расценивали как вражеские боевые отряды.

Представители указанной профессиональной группы среди спекулянтов – добытчиков хлеба – по численности занимали одно из первых мест. Объяснение лежит на поверхности: в распоряжении железнодорожных служащих находился подвижной транспорт, к тому же собственное ведомство обеспечивало их так называемыми «провизионными билетами» (дававшими право на беспрепятственный провоз определенного количества продуктов)⁸⁷. Правда, только так называемые *движенцы* получили возможность пользоваться этими благами; рабочие депо, на поездах не ездившие, их были лишены и возмущались. В связи с этим между теми и другими пробежала черная кошка. На собраниях *движенцы*, отстаивая необходимость свободного провоза продуктов и отмены продовольственной монополии, использовали выразительный и совсем не пролетарский аргумент: «Был бы тут грабеж, другое дело, а тут честная торговля: в одном месте купил – в другом месте продал, заработал детишкам на молочишко. Почему это нельзя?» Труженики депо требовали провизию у мешочников отнять и поделить между железнодорожниками⁸⁸. Как видим, к числу явных сторонников свободной торговли относились те, кто выигрывал от нее; большевистские представления о классовой солидарности оставались иллюзиями.

Мешочники-профессионалы лишь в первую очередь рекрутировались из представителей указанных выше трех профессиональных групп. В их состав входило много крестьян северных и центральных губерний, молодых рабочих и интеллигентов, а также жителей городских предместий – слободских мещан. Среди них обнаруживаем учащиеся закрытых духовных училищ, даже священника. Из Медынского уезда Калужской губернии сообщали о том, что впереди процессии ходоков шел

⁸⁶ *Северная область. 1918. 8 августа. С.4.*

⁸⁷ *Бюллетень Всероссийского Совета железнодорожных профессиональных союзов. 1918. 25 августа. С.9.*

⁸⁸ *Гордиенко И. Из боевого прошлого (1914–1918 гг.). М., 1957. С.163; Добротвор Н. Профсоюзы и борьба за хлеб в годы гражданской войны // История пролетариата СССР. 1934. №3. С.162.*

священник, который закупленный им хлеб называл «жертвованным». Проведенная ВЧК в середине 1918 г. проверка жителей московских монастырей показала, что до половины монахов и священников отсутствовало, они находились в мешочнических поездках⁸⁹.

«Сословие» мешочников в большинстве случаев включало в себя инициативных выходцев из основных групп населения. К тому же это были зачастую мужчины с фронтовым опытом. В борьбе с такими, образно говоря, *кадровыми* частями армии мешочников большевистскую власть ожидали крупные неприятности.

Уже в 1918 году мешочничество эволюционировало в почти полностью мужское занятие. Вот как происходила эта эволюция, а точнее – жестокий естественный отбор. Приведем чрезвычайно интересное свидетельство современника описываемых событий А.Л.Окнинского. Он рассказывал об «игре в кошки–мышки» железнодорожных охранников станции Борисоглебск с мешочниками. Во время стоянки поезда первые сгоняли вторых с тормозных площадок, буферов, крыш; стоило охранникам отвернуться, как согнанные моментально занимали свои места. «Эта игра длится в течение всей получасовой стоянки поезда на станции, – продолжал Окнинский. – Понятно, что эти фантастические трюки выкидывают только мужчины, и притом вступая еще в бой за каждое место; женщины же безуспешно мечутся от одного вагона к другому и остаются на платформе»⁹⁰.

Тем не менее среди мешочников насчитывалось небольшое количество женщин. Они отправлялись за хлебом главным образом в теплое время года, когда трудности пути легче переносились. На остальное время они находили себе какое-либо другое занятие. Например, мешочница по имени Паша зимой служила у поэта Н.С.Гумилева домработницей. О ней поэтесса И.Одоевцева в своих воспоминаниях рассказывала: «Эта Паша, несмотря на свою мрачность, была не лишена стремления к прекрасному». По словам мемуариста, домработница с вниманием и удовольствием слушала стихи Гумилева и при этом заявляла: «До чего уж нравится! Непонятно и чувствительно. Совсем как раньше в церкви было»⁹¹. Положение женщин в мешочнической среде было ужасно тя-

⁸⁹ *Известия Уфимского... комитета. 1917. №22. 29 декабря. С.3; Фейгельсон М. Мешочничество и борьба с ним... С.76; Шерман С. Внутренний рынок и торговый быт Советской России // Экономический вестник. Берлин, 1923. Кн.2. С.109.*

⁹⁰ *Окнинский А.Л. Указ. соч. С.251.*

⁹¹ *Одоевцева И. Избранное. М., 1998. С.263.*

желым. С ними, как с более слабыми и менее способными к сопротивлению, бойцы заградительных отрядов обращались бесцеремонно, у них чаще отбирали продукты; на это обращалось внимание даже в постановлении ВЦИК⁹².

Мешочник-спекулянт представлял собой характерный тип сильного и волевого российского человека. Такие люди, вышедшие из разных групп трудового населения, уже в силу особенностей самой своей профессии не могли иметь ничего общего со своим суетливым и плутоватым кинематографическим прототипом из советской эпохи. Попробуем нарисовать портрет мешочника. Это человек, обладавший безграничным терпением, нередко умевший обращаться с оружием, вооруженный, находчивый и отчаянно смелый. Непременным условием было отличное здоровье, выносливость, большая энергия и физическая сила; без этого невозможно было хотя бы «влезть» в вагоны, а тем более путешествовать на вагонных площадках, ступеньках, буферах, крышах. Мешочники выполняли функции грузчиков и перетаскивали на себе огромное количество всяких тяжестей.

О «пассажирах, нагруженных сверх меры мешками, в солдатской форме», писал очевидец – экономист С.Бройде⁹³. В архиве кинофотофонодокументов города Санкт-Петербурга автор обнаружил две фотографии арестованного на вокзале в 1919 году мешочника⁹⁴.

На фотографиях изображен крупный, рослый мужчина. Хотя фотографировали его сотрудники железнодорожной охраны или чекисты, а встреча с ними ничего хорошего мешочнику не сулила, он хладнокровен и спокоен перед лицом опасности. Вообще таким людям было присуще личное достоинство, основывавшееся на осознании важности выполняемой ими миссии. Вот что заявил другой мешочник в ответ на оскорбление со стороны женщины, которой мешки помешали идти по московской привокзальной площади: «Подохла бы, мать, с голоду, когда бы нас не было»⁹⁵.

⁹² Постановление ВЦИК Советов «О железнодорожных заградительных отрядах» // Олонецкий кооператор. Орган кооперации Олонецкого края. 1919. №1. 15 января. С.52.

⁹³ Бройде С. В пути с мешочниками // Продовольственное дело / Изд. МГПК. 1918. №9. 7 апреля. С.12; Шерман С. Указ. соч. С.109.

⁹⁴ Центральный государственный архив кинофотофонодокументов Санкт-Петербурга. Фото: Гр 44890, Гр 44891.

⁹⁵ Бройде С. Указ. соч. С.12.

Редактор большевистского издания «Известия Петроградского комиссариата продовольствия (Петрокомпрода)» П.Орский относил мешочников-профессионалов к «особому типу людей», он восхищался ими, заявляя, что они «живут какою-то своей особой кочевой жизнью, не страшась ни огня, ни воды, ни репрессий правительственных властей»⁹⁶. А видный сотрудник Наркомата торговли Г.Соломон писал о мужестве и самоотверженности, даже о рыцарских чертах мешочников. Факты свидетельствуют, что нередко мешочники пропускали вперед обессиленных пассажиров и давали место в вагонах больным людям⁹⁷. Тогда это дорогого стоило.

Находчивость и инициатива, уверенность в себе, трудолюбие, а также знакомство с ценовой и вообще экономической ситуацией на местах (понимание состояния дел на продовольственном и вещевом рынках в разных регионах) – все это было присуще многим профессиональным мешочникам⁹⁸. Исследователь и знаток деревенской жизни десятих–двадцатых годов Леонид Григоров представил образ мешочника. Мирон

⁹⁶ Орский П. К борьбе с мешочничеством // Известия Петрокомпрода. 1919. 8 февраля.

⁹⁷ Корецкий П.А. Кошмар наших дней // Трудовой путь. 1919. №1–4. С.46; Соломон Г. Среди красных вождей. М., 1995. С.189.

⁹⁸ Шер В.В. Социалистический Компрод и индивидуалист-мешочник // Вестник Московского областного союза кооперативных объединений. 1919. № 3–4. 8 мая. С.10.

Иванович (фамилию автор по требованию своего героя скрыл) – это «крестьянин, человек положительный и исполнительный». До 1918 года жил в Москве, имел «хороший выезд», то есть лошадь и коляску. Но все это было отнято во время всяческих мобилизаций и конфискации. После того, как (по словам Л.Григорова) «революция сильно ушибла Мирона Ивановича», он перебрался в свою родную деревню, расположенную недалеко от Москвы. «Я привык к настоящей работе», – заявлял вчерашний извозчик. Однако вернуться к крестьянскому труду не пришлось, поскольку хлебопотребляющие деревни поразил голод. Мирон Иванович, чтобы спасти семью, занялся мешочничеством. Во время своих тяжелых и опасных поездок за хлебом он часто болел. И вот в начале 1920-х годов Мирон Иванович превратился в инвалида, потеряв 60% трудоспособности. При этом сохранил 100% желания трудиться, постоянно тосковал по настоящему делу, посещал близлежащие деревни, помогал пожилым соседям⁹⁹. Думается, таких миронов ивановичей в России насчитывалось великое множество. Можно сказать, Л.Григоров создал собирательный образ.

Особенностью нелегального снабжения в изучаемый период стало появление специфической, в своем роде уникальной группы мешочников. Ее представители как раз не отличались хорошим здоровьем и большой физической силой. Речь – об инвалидах. Их было много, и, что делать с ними, представители власти не знали. Долгое время смотрели сквозь пальцы на перевозку инвалидами мешков с провизией и дефицитными одеждой, обувью. Численность таких мешочников была немалой. Например, воронежская газета в октябре 1918 г. писала об «огромном проценте инвалидов» с пустыми и полными мешками среди «едущих за хлебом»¹⁰⁰. Писатель В. Шкловский вспоминал свою поездку на Украину в начале 1919 года: «С нами вместе едут инвалиды с мешками... Инвалиды влезают и вползают в теплушки, вваливаются через край на брюхе. Одеты хорошо». В некоторых маршрутных поездах осенью 1918 г. появились «вагоны для инвалидов», в которых калеки перевозили свои мешки¹⁰¹. Годом позже *инвалидное мешочничество* переместилось из европейской России в Сибирь. Однако в 1920 году этому явлению власть положила конец. В феврале заместитель наркома продо-

⁹⁹ Григоров Л. Указ. соч. С.82, 83, 86.

¹⁰⁰ Известия Воронежского губернского продовольственного комитета. 1918. №28. 20 октября. С.3.

¹⁰¹ Шкловский В. Указ. соч. С.178.

вольствия и член Сибирского ревкома М.Фрумкин подписал особую директиву «О запрещении въезда в Сибирь инвалидам». Формулировки были резкими: «Запретить въезд в Сибирь инвалидам... Воспретить передвижение инвалидов в Сибири...»¹⁰².

**КОНТРЕВОЛЮЦИОНЕРЫ –
ЛЮБИТЕЛИ**

В заключение попытаемся охарактеризовать политические настроения мешочников. Подавляющее большинство многочисленных вольных добытчиков хлеба было настроено явно антисоветски, поскольку новая власть чинила им всевозможные препятствия. Житель Петрограда, возвратившийся в середине 1918 года из Поволжья, говорил об отношении к Советам собравшихся там со всей России добытчиков хлеба: «Вся масса настроена крайне контрреволюционно»¹⁰³. Свои антибольшевистские взгляды мешочники вовсе не таили, а, будучи людьми активными, старались пропагандировать. «Поговорите с ними, услышите много контрреволюционного», – характеризовал настроения курских мешочников московский журнал «Продовольственное дело»¹⁰⁴. Подобную мешочническую пропаганду имел в виду и железнодорожник Д.Валин, когда в мае 1919 г. писал, что *ходоки*, «помимо мародерства (имелась в виду торговля по запрещенным рыночным ценам. – А.Д.), занимаются еще, как любители, контрреволюционной деятельностью»¹⁰⁵. При этом в качестве альтернативы узурпаторскому большевистскому государству мешочники выдвигали всенародную власть Учредительного собрания. Они обнаруживали главную причину бесхлебья в том, что, по словам одного из *ходоков*, «...нет у нас власти. Власть теперь ничего не может сделать»¹⁰⁶. Политические представления многих мешочников отличались четкостью и были диаметрально противоположны установкам большевиков. В политическом отношении *ходачество* было антагонистом Советской власти. Однако ни о каком руководстве со стороны антибольшевистской организации и

¹⁰² Сборник постановлений и распоряжений Сибревкома за 1920 г. и предметно-алфавитный указатель к нему. Омск, 1921. С.3.

¹⁰³ Известия Петрокомпрода. 1918. №39. 22 августа.

¹⁰⁴ Продовольственное дело / Изд. МГПК. 1918. №23. Июль. С.8.

¹⁰⁵ Валин Д. Передвижная контрреволюция // Красный путь железнодорожника. 1919. 8 мая.

¹⁰⁶ Первая конференция рабочих и красноармейских депутатов... С.179.

речи не велось: напомним, что мешочники выражали свою антипатию к большевикам «как любители».

Между тем объективно позицию мешочников наиболее отчетливо выразили меньшевики, отрицавшие возможность сохранения продовольственной диктатуры в условиях развала государства. Примечательно, что в большевистских карательных структурах никакой разницы между теми и другими не замечали. В частности, в «Бюллетенях ВЧК» обнаруживаем разделы под символическим названием «Агитация меньшевиков и мешочников». Чекисты обвиняли и нелегальных снабженцев, и политических оппозиционеров в одном и том же – в распространении слухов о «неблагонамеренных планах реквизиционных отрядов»¹⁰⁷. При этом никаких данных о прямых связях между «ходаками» и меньшевиками ни разу не приводилось. Участвовать в политике мешочникам было недосуг, их полностью поглощало продовольственное самоснабженческое дело. Может быть, это обстоятельство содействовало выживанию большевистской власти, ведь миллионы потенциальных ее врагов оказались отвлеченными от участия в организованной антибольшевистской борьбе. Нелегальное снабжение – противоречивое явление.

Подведем итоги. Думается, можно говорить о наличии в период гражданской войны крупной социальной группы мешочников, сплоченных общностью интересов, взглядов, объединенных кочевым образом жизни и по этой причине имевших общих врагов и друзей. Она представляла конгломерат, впитавший в себя активных представителей разных общественных слоев. Значительная часть мешочников полностью утратила связь со своей прежней социальной базой. Представители другой части занимались *ходачеством* эпизодически, но и они подверглись серьезной перековке «жизнью на дорогах». Мешочники утрачивали многие профессиональные качества и прежние связи, вырабатывали стойкое негативное отношение к Советской власти. Все это не могло не породить массы проблем в будущем при возвращении к «мирной» жизни.

Наши предки на протяжении рассмотренного периода существовали в условиях экстремальной обстановки. Травматическая ситуация была связана с восприятием смерти, реальной ее угрозы, с тяжелыми страданиями, переживаниями страха и ужаса. Однако следует отметить, что в годы «русской смуты» не наблюдалось массового распространения

¹⁰⁷ Советская деревня глазами ВЧК – НКВД: Документы и материалы. 1918–1922 гг. М., 1998. Т.1. С.82.

подавленности, опустошенности, фрустрационных настроений. Привлекает внимание выразительное высказывание британского историка Джеффри Хоскинга. Рассказывая о прокормивших города в этот период мешочниках, автор указывает на «поразительные способности русских, умеющих находить способы существования в самых невероятных обстоятельствах». Д.Хоскинг с удивлением признает далее: «Они оказались в состоянии... восстановить более архаичные формы человеческих ассоциаций, даже когда приспособляться было совсем неприятно и во все не легко»¹⁰⁸. Автор не учел одного обстоятельства: огромные способности российского населения адаптироваться к дорожным трудностям. Своеобразное кочевое самосознание для россиян более значимо, нежели представляется на первый взгляд. Вспоминается крылатая фраза: «В России нет дорог, а есть направления». Дорога для русских людей – многозначный символ; причем обязательно плохая дорога¹⁰⁹.

Дорожные перипетии гражданской войны серьезно поспособствовали процессу закрепления факторов «кочевого» самосознания народа. Учтем, что впереди были массовые «кочевья» в ходе «реконструкций» 1930-х годов, Великой Отечественной войны, разрушения СССР в конце XX века.

¹⁰⁸ Хоскинг Д. *Правители и жертвы*. М., 2012. С.59.

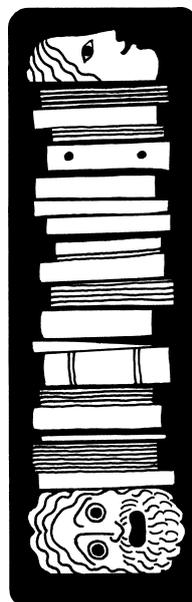
¹⁰⁹ См.: Щепанская Т.Б. *Указ. соч.* С.10.

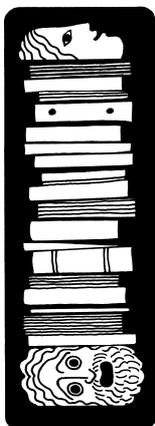
**В политике ради известной цели
можно заключить союз
даже с самим чертом
– нужно только быть уверенным,
что ты проведешь черта,
а не черт тебя.**

Карл Маркс

Кто сражается с чудовищами,
тому следует остерегаться,
чтобы самому при этом не стать
чудовищем. И если ты долго
смотришь в бездну,
то бездна тоже смотрит в тебя.

Фридрих Ницше

Оксана Киянская, Давид Фельдман

**К ИСТОРИИ
СОВЕТСКОЙ
РЕГИОНАЛЬНОЙ
ПЕЧАТИ:
ДЫМОВСКОЕ ДЕЛО**

АКТУАЛЬНЫЙ АРХИВ

УДК
93/94«1924/25»

The authors relate details of so called Dymovka affair, a large-scale press campaign connected with slaughter of G.I.Malinovsky, the agrarian correspondent of the "Red Nikolaev" newspaper. The authors analyze press materials, art works and archive materials pertaining to the event as well as to the trial of "murders of the agrarian correspondents". The authors come to the conclusion that the real reason of the press campaign was the struggle for power between I.V.Stalin who was supported by F.E.Dzierzynsky and L.D.Trotsky. The article demonstrates how sinuosity of this struggle was reflected in press publications, first of all, in the "Red Nikolaev" newspaper.

Ключевые слова: советская печать; политическая борьба; газетная кампания; «Красный Николаев»; Г.И.Малиновский; Дымовка; И.В.Сталин; Л.Д.Троцкий; Ф.Э.Дзержинский.

Key words: the Soviet press; political struggle; press campaign; the "Red Nikolaev" newspaper; G.I.Malinovsky; Dymovka; I.V.Stalin; L.D.Trotsky; F.D.Dzierzynsky.

E-mail: kianoks@inbox.ru

«СМЕРТЬ СЕЛЬКОРА»

28 марта 1924 года в Дымовском поселке №1 – части большого села Дымовка Ново-Одесского района Николаевского округа Одесской губернии – убили местного жителя,

крестьянина Г.И.Малиновского.

Началось следствие, которое поначалу не смогло отыскать убийцу. Но через три с половиной месяца в николаевскую прокуратуру с повинной явился родной младший брат убитого, А.И.Малиновский. Андрей Малиновский, сразу же попавший в соответствующую обработку, заявил, что его подбили на преступление представители дымовских властей – партийных и советских. В центре скандала оказался «Красный Николаев»: убитый крестьянин был объявлен селькором николаевской газеты.

Газета «Красный Николаев», о которой идет речь в данной работе, была одной из старейших советских региональных газет. Она возникла после Февральской революции 1917 г. – под названием «Известия николаевского Совета рабочих и солдатских депутатов». Новое имя газета обрела в 1921 году. В 1924 году редактором газеты был М.Л.Киселев, его заместителем – Я.М.Бельский, руководивший также и сельским отделом газеты. Секретарем редакции был известный николаевский поэт Я.З.Городской.

* * *

То, что случилось после признания Андрея Малиновского, известно в истории СССР как дымовский процесс, дымовское дело, «дымовщина» или просто Дымовка. Выездная сессия Одесского губернского суда согласилась с тем, что организаторами убийства Г.И.Малиновского были местные кулаки, замаскировавшиеся под представителей советской власти в деревне. Они, по версии суда, боялись разоблачений честного селькора. Собственно, те, кого суд назвал организаторами этого убийства – К.П.Попандопуло, уполномоченный дымовской партийной ячейки по поселку №1, М.С.Тулупа (Тюлюпа), бывший председатель местного Комитета незаможных селян (КНС, комитета бедноты), и участковый милиционер З.Т.Стецун, – были расстреляны. Остальные семь подсудимых, в том числе Андрей Малиновский, получили тюремные сроки. После процесса Дымовка была переименована в Малиновку, в

ней был организован дом-музей Малиновского и поставлен ему памятник.

Однако в дневнике П.Е.Шелеста, в 1963–1973 годах, руководителя украинской компартии, есть запись, датированная 20-м ноября 1969 г. Шелест реагировал на дошедшее до него ходатайство дочери одного из осужденных и полученные по этому вопросу справки: «Малиновский никогда не был селькором, он бывший бандит. А затем, пристроившись, действовал как подкулачник против комитета бедноты, местной партийной ячейки. Создал дело "малиновщина" Сосновский, провокатор-троцкист, бывший корреспондент газеты "Правда". Убил Малиновского его младший родной брат в отместку за издевательство». «Надо всех осужденных реабилитировать, музей и памятник Малиновскому в с. Дымовке ликвидировать. Провести сход в с. Дымовке, где обо всем рассказать, как было и как восторжествовала правда», – резюмировал партийный руководитель Украины².

При пересмотре этого дела прокуратурой Украины выяснилось, кроме того, что в основе дымовской истории лежал конфликт между деревенскими властями и николаевским окружным прокурором Б.М.Идиным. Дымовские коммунисты пожаловались в окружном партии на, как им казалось, несправедливые поступки и речи прокурора, окружном вынес прокурору выговор. Идин затаил обиду и при первой возможности расквитался со своими врагами³.

В итоге нового следствия и судебного разбирательства большинство осужденных были оправданы и восстановлены в партии, а Малиновка вновь изменила свое название, стала селом Полесским.

Однако – в связи со вводом советских войск в Чехословакию – справедливость восторжествовала «без широкой огласки в печати»⁴.

* * *

Дымовское дело, ныне прочно забытое историками, требует особого, специального изучения – как один из первых в СССР сфальсифицированных политических процессов. В рамках данной работы невозможно,

² Шелест П.Е. *Да не судимы будете... Дневниковые записи, воспоминания члена Политбюро ЦК КПСС*. М., 1994. С.443–444.

³ См. об этом: Капустян А.Т. «Дымовское дело»: мнимое и реальное // *Вопросы истории*. 1990. №7. С.186–188.

⁴ Там же. С.188.

конечно, полностью проанализировать весь комплекс связанных с этим делом документов. Юридический аспект процесса 1924 года в данном случае интересен постольку, поскольку он определил ход соответствующей газетной кампании.

Все публикации в советской прессе, посвященные смерти Малиновского, выявить вряд ли возможно. Однако из материалов, помещенных в николаевской, одесской и московской периодике, можно представить себе общую картину развития событий июля 1924 г. В субботу, 12 июля, в николаевскую прокуратуру пришел Андрей Малиновский. Три дня спустя, во вторник, 15 июля, первое сообщение о раскрытом убийстве опубликовал «Красный Николаев». Статья, принадлежащая Киселеву, не содержала имени убитого, но была наполнена угрозами по адресу неназванных убийц, «представителей местной власти»⁵.

Далее события стали происходить с невероятной быстротой.

16 июля николаевским читателям сообщались подробности – в характерном для газеты духе криминальной хроники: «Убийство селькора "Красного Николаева". Малиновский – жертва сельских кулаков. Брат селькора – слепое орудие мести». Статья прозрачно намекала на то, что в связи со «смертью селькора» уже началась политическая кампания: «Вообще убийство в Дымовском поселке, Ново-Одесского района, обещает в ближайшие дни приобрести большой интерес»⁶. 18 июля в пропагандистскую кампанию включилась одесская губернская печать, соответствующие материалы появились в одесских «Известиях»⁷.

Г.И.Малиновский

19 июля информационный вброс – уже на всесоюзном уровне – осуществили одновременно «Правда» и московские «Известия», опубликовавшие сообщение о гибели Малиновского⁸. 20 июля последовало и

⁵ Киселев М.Л. На защиту рабкора // Красный Николаев (далее – КН). 1924. №1054. 15 июля. С.3.

⁶ Убийство селькора «Красного Николаева» // КН. 1924. №1055. 16 июля. С.4.

⁷ На помощь селькору // Известия. Одесса, 1924. №1336. 18 июля. С.1.

⁸ Отклики на убийство селькора Малиновского // Правда. 1924. №162. 19 июля. С.4; После

первое поэтическое осмысление дымовских событий – стихотворение Э.Г.Багрицкого «Слово – в бой» («На смерть т. Малиновского»). Стихотворение опубликовала одесская газета «Моряк»:

*Голосом маховиков и копей
Говорит рабкор. И перед ним
Сила вражья мечется, как хлопья
Черной сажки, и летит, как дым.
Но не дремлет вражеская сила,
Сила вражеская не легка:
Вот рабкора, притаясь, убила
Хитрая, лукавая рука...
Слишком смело он пером рабочим
Обжигал, колол и обличал,
Слишком грозно поглядел ей в очи,
Слишком громко правду закричал.
Гей, рабкор! Свое перо стальное
Зажимай мозолистой рукой,
Чтоб ты мог за право трудовое
Дать решительный, последний бой⁹.*

Стихотворение написано явно наспех: по версии Багрицкого, Малиновского убила «хитрая, лукавая рука» врагов. Причина же убийства заключалась, в частности, в том, что он «слишком грозно поглядел ей в очи». Кроме того, герой стихотворения Багрицкого работает на заводе, пишет «пером рабочим» и говорит «голосом маховиков и копей».

22 июля большой материал о дымовском деле опубликовала «Правда». Статья называлась «Опять убийство» и принадлежала М.Е.Кольцову – корреспонденту главной партийной газеты и редактору журнала «Огонек»¹⁰. 26 июля статью «Убийство селькора Малиновского» помещают московские «Известия». Ее автор – одессит Б.Д.Флит, журналист с дореволюционным стажем, под псевдонимом Д.Маллори сотрудничавший и в одесской, и в московской печати¹¹. 30 июля «Правда» поместила статью Киселева «Подробности убийства селькора Малиновского»¹².

убийства селькора Малиновского // Известия. М., 1924. №163 (2198). 19 июля. С.2.

⁹ Багрицкий Э.Г. Слово – в бой // Моряк. 1924. №535. 20 июля. С.2.

¹⁰ Кольцов М.Е. Опять убийство! // Правда. 1924. №164. 22 июля. С.1.

¹¹ Маллори Д. [Флит Б.Д.] Убийство селькора Малиновского // Известия. М., 1924. №169 (2204). 26 июля. С.2.

¹² Киселев М.Л. Подробности убийства селькора Малиновского // Правда. 1924. №171.

К ИСТОРИИ СОВЕТСКОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПЕЧАТИ

Параллельно в Николаеве и в Одессе устраивались профсоюзные собрания работников печати, совещания селькоров и рабкоров. На совещаниях – с участием руководителей соответствующих комитетов партии и работников прокуратуры – произносились гневные речи, клеймившие «убийц селькора», звучали призывы сурово покарать виновных, давались обязательства «провести по всем фабрикам, заводам, а также в губернии кампанию протеста по поводу убийства Григория Малиновского»¹³.

* * *

Пропагандистская кампания июля 1924 г. строилась вокруг одной из анонимных заметок, опубликованной в «Красном Николаеве» 2 февраля того же года. Заметка называлась «Ряженный дурень». В ней высмеивался предшественник Тулюпы на посту председателя дымовского КНС Журавский, который, переодевшись цыганкой и нарядив одного из приятелей в костюм козы, колядовал на святках.

«Ряженный дурень» был снабжен соответствующей карикатурой Бельского, изобразившего – в нарочито примитивной манере – переодетого цыганкой Журавского под руку с козой. Под карикатурой были помещены столь же нарочито грубые стихи Городского:

*В сельсовете есть Журавский,
Но фамилию ему
На другую, Христовлавский,
По «великому» уму.
Я в стихах парнишку дую,
Вздуй теперь его, народ,
Чтоб «цыганку» удадю
Вмиг прошиб цыганский пот.*

К написанию этого текста ни селькоры вообще, ни тем более «селькор Малиновский» отношения не имели. Заметка была редакционной, эпиграфом к ней служила выдержка из крестьянского письма. В тексте же рассказывалось о том, как «подлинный

Ряженный дурень.

ПрезКНС Журавский в с. Димовка №1, Н. Одес.
района, п.п. старей Новий год, одевшись как
цыганка и пригласил.
Рис. Я. БЕЛЬСКОГО

В сельсовете есть Журавский,
Но фамилию ему
На другую Христовлавский
По «великому» уму.
Я в стихах парнишку дую,
Вздуй теперь его, народ,
Чтоб «цыганку» удадю
Вмиг прошиб цыганский пот

30 июля. С.7.

¹³ Экстренное заседание бюро рабкоров // Известия. Одесса, 1924. №1336. 18 июля. С.1.

незаможники», недовольные поведением Журавского, пришли с письмом в редакцию «через бездорожье и метелицу». Заметка была совсем не злой, скорее – юмористической и веселой: «Нет дыма без огня. Нет Дымовки без... веселого случая»¹⁴.

После публикации статьи Журавский умер.

Впервые о том, что именно эта заметка стала причиной «убийства селькора», рассказал сам Бельский – в выступлении на профсоюзном собрании в Николаеве 18 июля. Согласно хронике этого мероприятия, опубликованной в «Красном Николаеве», заседание вел Городской, предложивший «почтить вставанием память Малиновского, павшего на славном посту рабоче-крестьянской советской печати». Бельский же, выступавший после Городского, отметил: «Мы живо реагировали на корреспонденции Малиновского, и вот, когда Малиновский принес корреспонденцию о деятельности предКНС Журавского, мы решили обстрелять его со всех сторон. Факты были налицо. Яго (газетный псевдоним Я.З.Городского. – О.К., Д.Ф.) написал стихи, я – соответствующую карикатуру». Он также поведал собравшимся в Николаеве «работникам печати», что на теле убитого Малиновского была найдена записка с надписью «вот тебе за козу»¹⁵.

На следующий день «Красный Николаев» републиковал «Ряженого дурня». Заметка была сильно отредактирована: из нее убрали эпиграф и упоминание о «подлинных незаможниках». Под текстом поставили подпись Малиновского.

Новый вариант заметки, а также речь Бельского, растиражированные и «Красным Николаевом», и одесскими «Известиями», и «Моряком», легла в основу статей Кольцова и Флита. Кольцов пересказал заметку и утверждал: «Корреспонденции Малиновского имели у редакции успех. "Красный Николаев" печатает их на видном месте, с карикатурами. Деревенские заправила в ярости»¹⁶.

А Флит, процитировав того же «Ряженого дурня», сочинил историю о том, как Журавский организовал «убийство селькора». Согласно Флиту, Журавский «нашептывал» Андрею Малиновскому: «Все село будет тебе благодарно, если ты его прикончишь. Я тебе дам обрез австрийской винтовки, убьешь скотину, винтовку мне отдашь, я ее спрячу, с тебя вся-

¹⁴ *Ряженный дурень // КН. 1924. №920. 2 февраля. С.2.*

¹⁵ *Вечная память передовому бойцу красной печати. Жестокая кара его убийцам. Заседание бюро секции работников печати // КН. 1924. №1059. 20 июля. С.1.*

¹⁶ *Кольцов М.Е. Указ. соч. С.1.*

кое подозрение упадет»¹⁷. При этом Флит, как до того Багрицкий, не дал себе труда выяснить даже официальную версию случившегося: Журавский умер в феврале, а Малиновского убили в марте 1924 г.

* * *

Стремительность появления «дымовских» статей и в региональной, и в центральной прессе в июле 1924 г. свидетельствует: кампания против «убийц селькора» была заранее спланирована. Очевидно, что ее организаторы исходили из резолюции «О культурной работе в деревне», принятой на XIII съезде РКП (б) за две недели до признания Андрея Малиновского. В резолюции подтверждалось решение предыдущего, XII съезда (1923): «Обнаружение элементов, вносящих в наш советский аппарат навыки царистско-крепостнического режима и мешающих укреплению союза рабочего класса и крестьянства, изгнание их из советского аппарата, публичный суд над ними являются важнейшими задачами партии и Советской власти»¹⁸.

Признание Андрея Малиновского пришлось очень кстати: у Идина появлялся случай не только сквитаться с личными врагами, но и – первым в СССР – выполнить решение съезда, вычистить «советский аппарат» в Дымовке и организовать над «контрреволюционными элементами» публичный суд. В связи с этим и была выдумана версия селькорства Григория Малиновского, а также мести селькору со стороны дымовских властей. На «разоблачение убийц селькора» мгновенно была получена санкция сверху, скорее всего, прямо из Москвы.

Главной заметкой, приписанной Идиным Малиновскому, в итоге оказался вовсе не анонимный «Ряженный дурень». И на следствии, и на суде фигурировала совсем другая заметка, опубликованная в «Красном Николаеве» 24 февраля, через три недели после «Дурня». Она называлась «Бравый предКНС» и была подписана псевдонимом «М-й». В ней критиковался непосредственно Тулюпа, руководитель комитета незаможных селян, один из дымовских врагов Идина. Тулюпа, по мнению автора заметки, был виноват в том, что «у своих же незаможников гусей крадет», в прошлом был бандитом, а сейчас – кулак, у которого «своя молотилка, пара коней, жатка, 2 коровы». В связи с этим автор заметки угрожал председателю дымовского КНС уголовным преследованием:

¹⁷ Маллори Д. [Флит Б.Д.] Указ. соч. С.2.

¹⁸ Резолюции и постановления XIII съезда РКП (б). М., 1924. С.49.

«Судебные органы подробнее и внимательнее займутся обследованием деятельности Тюлюпы и по заслугам оценят все грешки»¹⁹.

Сам Тюлюпа показывал на суде, что «понял» псевдоним селькора как «Местный» или «Московский», другие жители села подозревали, что автором заметки был дымовский крестьянин Малицкий²⁰.

Эта заметка не осталась без последствий. Во-первых, после ее выхода Тюлюпа ушел с должности председателя КНС; его сменил другой «незаможник», М.А.Талпа. Во-вторых, КНС и сельсовет приняли заявления, в которых осудили нападки газеты на Тюлюпу: «Мы, коренные селяне Дымовки, знаем, что Тюлюпа стоит на страже интересов советской власти. Мы знаем его революционную деятельность. То, что написано о нем в газете, не только пятно на Тюлюпу, но и на всю местную власть. И потому мы просим вызвать корреспондента и привлечь его к ответственности, чтобы другим корреспондентам отбить охоту заниматься ненужной клеветой»²¹. Протоколы заседаний сельсовета и КНС Тюлюпа принес в редакцию лично.

По материалам этих протоколов Бельский, выступивший под прозрачным и традиционным для себя псевдонимом «Я.Б-й», написал опровержение. Опубликовано оно было 21 марта, за неделю до смерти Малиновского, и выглядело следующим образом: «В ответ на заметку "Бравый предКНС" тов. Тюлюпа сообщает, что авторами ее являются лица, недоброжелательно относящиеся к Советской власти. В отношении этого приняты меры для привлечения их к ответственности, так как заметка написана в силу сведения личных счетов. То же подтверждает протокол заседания Дымовского комнезаможа и сельсовета».

Дальше следовали две фразы, специально выделенные на газетной полосе жирным шрифтом: «Такие корреспонденции их авторам ничего хорошего не принесут. Дымовской ячейке необходимо выделить своего постоянного селькора, который бы пользовался доверием и не сводил личных счетов»²². Выглядели они как мнение Бельского о конфликте Тюлюпы и автора заметки.

¹⁹ М-й. Бравый ПредКНС // КН. 1924. №940. 24 февраля. С.2.

²⁰ Дело об убийстве селькора Малиновского. Третий день процесса. Вечернее заседание 9-го октября // КН. 1924. №1128. 11 октября. С.2; Дело об убийстве селькора Малиновского. Пятый день процесса. Утреннее заседание // Там же. №1129. 12 октября. С.2.

²¹ Из зала суда // Известия. Одесса, 1924. 14 октября. №1460. С.2.

²² Б-й Я. (Бельский Я.М.) Личное // КН. 1924. №960. 21 марта. С.5.

Нельзя исключить, что одним из кандидатов на роль подсудимого в дымовском процессе изначально был и журналист, грозивший селькору возмездием за неделю до убийства. Однако в биографии Бельского был важный момент, сильно усложнявший дело: прошлым местом службы заместителя редактора «Красного Николаева» была Одесская ЧК²³. В 1922 году Бельский демобилизовался из ЧК, переименованной к тому времени в ГПУ, и занялся журналистикой, однако со своими боевыми товарищами сохранил теплые отношения.

В случае привлечения его к следствию и суду Идин сталкивался с ГПУ: Бельский, занимавший в одесском губотделе ГПУ высокий пост, пост уполномоченного по борьбе с контрреволюцией, ушел оттуда всего за два года до описываемых событий. А это значило, что гнездо «контрреволюции» следовало искать не только в Дымовке, не только в «Красном Николаеве», но и в «органах». Очевидно, что такой сценарий прокурору был не нужен.

Газету явно предупредили о готовящемся политическом процессе. Ей позволили ввести в пропагандистский оборот статью «Ряженный дурень». «Красный Николаев», а вслед за ним большинство советских газет назвали эту статью «последней корреспонденцией Малиновского». Фамилии Бельского и Городского неоднократно упоминались в прессе именно в контексте сотрудничества селькора и редакции. Более того, протоколы, по которым Бельский составлял опровержение, в ходе предварительного следствия затребованы не были. Очевидно, редакции было обещано, в обмен на признание Малиновского собственным селькором, что доказательством этого селькорства на суде станет именно «Ряженный дурень», а тема опровержения не всплывет вовсе.

«НА ВОЙНЕ КАК НА ВОЙНЕ...» Судебный процесс над «убийцами селькора» прошел в Николаеве с 7 по 24 октября 1924 г. Вел процесс председатель Одесского губсуда С.Гельферих, «при секретаре Роговом».

Членами суда были «рабочий завода Марти-Багина тов. Донченко и представитель от Красной армии»²⁴. Идин участвовал в судебных заседаниях в качестве государственного обвинителя. Главным свидетелем

²³ См. об этом: Капчинский О.И. По образованию художник, по опыту работы – чекист // Военно-исторический журнал. 2013. №8. С.76, 79.

²⁴ Сегодняшний процесс // КН. 1924. №1124. 7 октября. С.1.

обвинения оказался дымовский крестьянин С.Добровольский, утверждавший, что он двоюродный брат и друг убитого и тоже является селькором «Красного Николаева». По версии следствия, именно с Добровольским Малиновский делился сокровенными планами своей дальнейшей деятельности по разоблачению «кулаков». Впоследствии же выяснилось, что следователи поручили Добровольскому «подобрать и выставить в суде свидетелей для дачи нужных его организаторам показаний»²⁵.

Процесс был открытым: на нем присутствовали представители центральных, республиканских и региональных газет, жители Николаева и окрестных сел и даже случайно заехавшие в город английские моряки. Под судебные заседания отдали местный кинотеатр – зал «1-го Госкино». Суд сопровождался вторым этапом газетной кампании: журналисты работали, прежде всего, в жанре судебной хроники. Много было и аналитических статей, посвященных отдельным фигурантам дела. Этап этот отличался от первого, июльского, повышенной нервозностью и агрессивностью. Политическая ситуация от июля к октябрю коренным образом изменилась: в игру вступили силы, которым не было никакого дела до братьев Малиновских, Идина и «Красного Николаева». Дымовским делом заинтересовался наркомвоенмор Л.Д.Троцкий, решивший использовать его для собственной политической борьбы.

1924 год, год смерти В.И.Ленина, остался в истории СССР как время яростной борьбы за «ленинское наследство», за власть над страной и партией. Претенденты на власть были известны: с одной стороны – Троцкий, с другой же – триумvirат в составе И.В.Сталина, Г.Е.Зиновьева и Л.Б.Каменева. Троцкому Дымовка понадобилась, прежде всего, как иллюстрация тезиса о «гнилости» советского аппарата на местах – в связи с неправильной партийной политикой Сталина.

Дымовскую тему стал разрабатывать Л.С.Сосновский, бывший редактор газет «Гудок» и «Беднота», яркий партийный публицист. 4 октября 1924 года «Правда» опубликовала первую его дымовскую статью²⁶. А уже 6 октября «Красный Николаев» сообщил: «Вчера из Москвы приехал для участия в процессе Малиновского в качестве общественно-обвинителя сотрудник "Правды" Л.С.Сосновский»²⁷.

²⁵ Капустян А.Т. Указ. соч. С.187.

²⁶ Сосновский Л.С. Руки прочь от рабочей печати // Правда. 1924. №226. 4 октября. С.3.

²⁷ Приезд Л.С.Сосновского // КН. 1924. №1123. 5 октября. С.5.

Из Николаева, «по телеграфу», Сосновский прислал в «Правду» целую серию статей²⁸. По итогам процесса Сосновский написал книгу «Дымовка»; тут же, «с колес», она была выпущена в свет издательством «Правда».

В отличие от многих советских литераторов 1920-х годов, колебавшихся в своих политических пристрастиях, Сосновский был идейным троцкистом, верным соратником Троцкого, активным участником «левой оппозиции». К 1924 году он уже не был журналистом даже в советском понимании этого слова. Сосновский был серьезным политиком, лишь использовавшим в политической борьбе журналистские приемы.

Естественно, что и судья Гельферих, и прокурор Идин тут же приняли сторону Сосновского, а значит – и Троцкого. Через личное общение с ними, через статьи в «Правде» и собственные выступления на процессе Сосновский дирижировал николаевским судом. Его появление в Николаеве обозначало крах всех предварительных договоренностей относительно хода процесса. Так, процесс оказался направленным против ГПУ: как известно, Ф.Э.Дзержинский в 1924 году поддержал Сталина в его борьбе с Троцким. Ход процесса свидетельствует: «гнилость» советского аппарата планировалось проиллюстрировать, в частности, на примере одесского губотдела ГПУ.

На судебных заседаниях было предано гласности имя информатора «органов» в Дымовке. Им оказался руководитель дымовских комсомольцев, 17-летний К.К.Попандопуло – сын впоследствии расстрелянного уполномоченного партийной ячейки по поселку №1.

Журналисты, освещавшие процесс, всячески изощрялись в придумывании для Попандопуло обидных кличек: его презрительно называли «Коськой», «наследным принцем дымовским» и просто «гаденышем»²⁹. Собственно, этих кличек Попандопуло удостоился за то, что сообщал одесскому ГПУ негативные сведения о Малиновском. На суде составленная по его донесениям информационная сводка была оглашена.

Прозвучавшие в зале суда данные ГПУ свидетельствовали: Попандопуло установил, что Малиновский «вел агитацию» «против вступления в ряды Красной армии», в годы гражданской войны «служил в бан-

²⁸ Сосновский Л.С.: 1) *Убита ли правда?* (№229. 8 октября. С.3); 2) *Горе рыцарям обреза* (№230. 9 октября. С.5); 3) *Убийца и жертва* (№232. 11 октября. С.4); 4) *Поучительная история одного обреза, или правдивый, чувствительный милиционер* (№235. 15 октября. С.4); 5) *Незримые пули* (№236. 16 октября. С.4); и др.

²⁹ Светлов Ал. *Гаденыш* // *Известия. М.*, 1924. №241 (2276). 21 октября. С.3.

дах Григорьева и Петлюры, грабил крестьян с деникинцами», «в 1921 году примазался в партию, оттуда исключен, но носит с собой старый партийный билет». «Необходимо положить его выходкам конец», – резюмировал информатор³⁰. Суд квалифицировал эти донесения как «гнусную ложь». Однако при пересмотре дела в 1969 году представленные в ГПУ данные полностью подтвердились.

Судебные хроники сохранили драматические моменты допроса Попандопуло 12 октября 1924 года. От него требовали назвать фамилии тех, кто сообщал ему «ложные сведения». Однако «гаденыш» был тверд – и фамилии не назвал, приняв составление донесений на себя³¹. Хроники свидетельствуют: комсомолец дерзил судье, прокурору и Сосновскому, отказывался отвечать на вопросы.

Сосновский – и в выступлениях, и в статьях – много раз останавливался на личности информатора ГПУ, на его осведомительской работе. Он утверждал: «Если бы не судебный процесс, этот юноша мог бы далеко пойти. С наглой усмешечкой, прищуренными глазами смотрел он в глаза судьям»; «еще Ленин сказал, что каждый коммунист должен быть чекистом. Нужно сохранять этот высший орган, оберегающий права пролетариата и его завоевания. И сохранять так, чтобы ни одно пятно не оказалось на ГПУ. Что же сделали Попандопуло и его кампания?... Во что они хотели обратить этот орган, являющийся совестью пролетариата? Они хотели превратить его в грязь»³².

В связи с историей Попандопуло Сосновский обрушил на ГПУ потоки гнева. Согласно его статьям, деятельность одесских чекистов оказалась на руку «убийцам селькора», а «информационная сводка ГПУ» «превратилась в обрез, в оружие морально-политического убийства»³³.

* * *

Прошлая служба в ЧК перестала, таким образом, быть для Бельского защитой. Версию о том, что Малиновского убили «за козу», на суде

³⁰ Дело об убийстве селькора Малиновского. Четвёртый день процесса // КН. 1924. №1129. 12 октября. С.2.

³¹ Там же.

³² Дело об убийстве селькора Малиновского. 14-й день процесса. Вечернее заседание 20 октября. Речь Л.С.Сосновского // КН. 1924. №1137. 22 октября. С.3; Сосновский Л.С. Дымовка. М., 1924. С.29.

³³ Сосновский Л. Обрез // КН. 1924. №1125. 8 октября. С.1.

никто и не вспомнил. В центре внимания оказалась заметка «Бравый предКНС» – и, соответственно, опровержение к ней.

9 октября во время допроса Тулюпы опровержение было зачитано³⁴. Однако подлинная трагедия едва не произошла тремя днями спустя, 12 октября, тогда же, когда в суде допрашивали Попандопуло. Один из подсудимых, Талпа, сменивший Тулюпу на посту председателя КНС, заявил, что не знает, откуда газета взяла материал для опровержения. Талпа лгал: под документами, полученными редакцией, стояла, в частности, его подпись. Прокурор Идин тут же потребовал от газеты объяснений.

Большинство присутствовавших на суде журналистов описали этот момент как «исключительный», «тяжелый», самый напряженный во всем процессе. Уверенности в том, что эти документы, не затребованные предварительным следствием, сохранились, ни у кого не было. Если бы протоколы заседаний сельсовета и КНС не нашлись, опровержение было бы объявлено личным измышлением заместителя редактора. А значит, последовал бы его немедленный арест.

Очевидно, на то, что бумаги пропали, рассчитывал Сосновский, «с болью», по его собственным словам, наблюдавший за происходившим в зале. На скамье подсудимых оказывался уже не 17-летний мальчишка-информатор, а взрослый человек, бывший уполномоченный по борьбе с контрреволюцией, партийный журналист, не скрывавший своего чекистского прошлого. Происходящее легко можно было бы представить как «смычку» одесского ГПУ и николаевской редакции с дымовскими «кулаками».

Но «Красный Николаев» предоставил необходимые бумаги и разоблачил Талпу. «Все эти документы производят впечатление разорвавшейся бомбы. Исключительно благодаря действиям редакции документы эти были извлечены из архивов и как весьма существенные материалы переданы суду», – констатирует хроника николаевской газеты³⁵.

За публикацию опровержения публичное покаяние принес Киселев. Он заявил: «Товарищи судьи!.. На войне как на войне. На войне тех, кто пробирается во вражеский штаб и, пользуясь доверием к нему, пытается направить его по ложному пути, считают шпионами и беспощадно рас-

³⁴ Дело об убийстве селькора Малиновского. Третий день процесса. Вечернее заседание 9-го сентября // КН. 1924. №1128. 11 октября. С.2.

³⁵ Дело об убийстве селькора Малиновского. Шестой день процесса // КН. 1924. №1130. 14 октября. С.3.

М.Л.Киселев

стреливают. Классовая война – еще более жестокая война. На селе идет классовая война»³⁶.

Разгромить одесское ГПУ, а заодно и редакцию «Красного Николаева» Сосновскому не удалось, у него для этого не хватило данных. Однако он все равно гневно осудил николаевских журналистов: «Кроме пули из обреза, Малиновский получил отравленную пулю со страниц любимой им газеты»; «Григорий так и погиб с тягостным впечатлением от незаслуженного удара со стороны редакции, поместившей наглое, лживое опровержение шайки преступников». Вслед за ним об опровержении, которое, «к стыду» всей красной печати, появилось на страницах «Красного Николаева», написали многие советские газеты³⁷.

* * *

Кульминацией процесса стала публикация 19 октября в «Правде» статьи Троцкого, посвященной дымовскому делу. Статья называлась «Каленым утюгом». Время публикации было выбрано не случайно: в эти же дни из печати вышел третий том собрания сочинений Троцкого. Тому была предпослана знаменитая работа «Уроки Октября», в которой он напомнил читателям о своей роли в Октябрьской революции. И выступил против Зиновьева и Каменева, которые «чудовищно» недооценили «силы революции» накануне ее свершения и разгласили дату ее начала в открытой печати. С помощью «Уроков Октября» Троцкий пытался вернуть себе партийное лидерство, морально уничтожить своих врагов.

³⁶ Речь общественного обвинителя М.Л.Киселева // КН. 1924. №1137. 22 октября. С.4.

³⁷ Сосновский Л.С. Незримые пули; Его же. Уроки дымовского процесса // Рабочий корреспондент. 1924. №10–11. Октябрь–ноябрь. С.22. Ср.: Курс А. Чему учит процесс убийцы Малиновского // Журналист. 1924. №15. Октябрь. С.7; Аграновский А.Д. Дымовщина. Записки журналиста. Харьков, 1925. С.35–36; и т.п.

Те же самые попытки мы наблюдаем и в статье «Каленым утюгом». Основная ее идея в том, что «революционная диктатура» по-прежнему «в кольце врагов», внешних и внутренних. Победить врагов можно только отказавшись от неверного курса, который взяла партия. А для того следует «всеми силами и средствами обеспечить свободу критики и обличения всего того, что мешает диктатуре трудящихся, подрывает эту диктатуру, искажает ее и компрометирует в глазах той или другой части рабочих и крестьян». Виновными же непосредственно в гибели селькора объявлялись, во-первых, «чиновник», который «не любит, когда его беспокоят», а во-вторых, «кулак», «который хочет, чтобы ему не мешали грабить». Убийство Малиновского, по Троцкому, – это покушение на «свободу» советской печати³⁸.

Согласно судебным хроникам, 20 октября Сосновский принес эту статью на судебное заседание, объяснив, что получил ее «по радио». По его ходатайству заседание было прервано. «При абсолютном внимании и полной тишине зала» Сосновский зачитал статью. Она «произвела глубокое впечатление на всех собравшихся»³⁹ и была приобщена к делу. Приговор огласили через три дня после чтения статьи.

В ноябре–декабре 1924 года в Николаеве работала комиссия из Москвы, возглавлявшаяся Н.И.Подвойским. В задачу комиссии входил опрос и дымовских крестьян, и николаевских рабочих, и журналистов – относительно только что окончившегося процесса.

«ПОЧТОВЫМ В МОСКВУ»

В начале декабря 1924 года Я.М.Бельский поехал в Москву, на всесоюзный съезд селькоров. Съезд этот открылся 5 декабря и продолжался неделю. Вернувшись, Бельский сделал об этом совещании доклад на открытии николаевских курсов газетоведения; сообщение о докладе опубликовано 28 декабря⁴⁰.

Трудно сказать, с кем николаевский журналист встречался в Москве. Однако интерес к его персоне в столице был явно повышенным. Фамилия Бельского как автора карикатуры к статье «Ряженный дурень» была у всех на слуху, многие знали и о том, что именно он был и автором оп-

³⁸ Троцкий Л.Д. Каленым утюгом // Правда. 1924. №239. 19 октября. С.1.

³⁹ Дело об убийстве селькора Малиновского. Четырнадцатый день процесса // КН. 1924. №1136. 21 октября. С.3; Из зала суда // Известия. Одесса, 1924. №1466. 21 октября.

⁴⁰ Да здравствует рабочая журналистика! // КН. 1924. №1193. 28 декабря. С.3.

Я.М.Бельский

ровержения. Обстоятельства же дела были таковы, что вряд ли он мог избежать встречи и с руководством ГПУ, наверняка желавшим узнать из первых уст, от своего же бывшего сотрудника, правду о дымовском деле. Нельзя исключить его встречу с самим Дзержинским: они были лично знакомы еще с 1920 года, когда председатель ЧК приезжал в Одессу и помогал одесским чекистам искоренять контрреволюцию.

Судя по последовавшим вскоре событиям, во время пребывания Бельского в Москве была разработана операция, призванная помочь чекистам нейтрализовать «разоблачения» Сосновского.

Вернувшись с совещания селькоров, Бельский опубликовал рассказ «Почтовым в Москву»; рассказ этот появился в литературном журнале «Бурав», выходившем при «Красном Николаеве», в первые дни января 1925 г.

* * *

Сюжет рассказа, на первый взгляд, не имеет ничего общего с событиями в Николаеве: повествователь едет «почтовым в Москву» и наблюдает нравы обитателей плацкартного вагона. Проводник, «товарищ Храпов», рассказывает ему историю из своей жизни.

Однако история эта, история ареста и допросов в московском уголовном розыске, сродни дымовской: в ее основе лежит ложное обвинение. Храпов поверил в советскую власть, в частности, в НЭП, в «киперацию», за что и поплатился: «21 год был, не съчас... Мы это делегатов из Москвы вызвали, да на собрание. Говорят, говорят, ничего не разобрать. Я вышел – мне слово прошу, товарищ председатель, как мнение свое имею высказать. – Ваше слово, товарищ Храпов. – Товарищи, мужик тот одну корову доит, а киперация весь рабочий класс».

Согласно сюжету, за неудачное выступление на собрании Храпова арестовывают, сажают в тюрьму и допрашивают в МУРе, требуя признаться в участии в контрреволюционной организации.

В изложении Храпова допрос выглядит следующим образом:

К ИСТОРИИ СОВЕТСКОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПЕЧАТИ

«– Ладно, ты, говорит, организацию открой, тогда домой пойдешь.

– Никакой, говорю, организации не знаю и не видел, про что говорите.

– Брось, говорит, нешто тебе жить неохота, в гараж тебя сведем и амба.

Вынимает с кармана браунингу, здоровую такую, черную гадюку. Идем, говорит, Храпов, пробил твой последний час. Откроешь?

– Ничего не знаю.

Как начало он мне наливать этой штукой куды полагается».

Однако Храпов остался тверд: участия в «организации» не признал, милицейских побоев не испугался и на провокацию не поддался.

В итоге обвиняемый был отпущен:

«– Эх, брат, два месяца в этом МУРе и отпущ задаром. Под пасху только, к самой заутрене, освободили. Выходи, говорят, с вещами, потому на свободу.

– А может в Бутырки отправляете, товарищ, прямо скажите, или на размен. – Бери вещи. Взял.

Наверху опять спрашивали, откроешь организацию? – Никакой такой не знаю, не ведаю. – Ну, иди коли так.

– А только, говорю, – будьте любезны обвинение предъявить, по которому невинно обвинялся. – Ступай, не рассказывай... Так вышел я оттеда на рассвете. В глазах слезы, в груди тоска. Вот тябе, брат, киперация. Только теперя понял, что так выступать на собрании нельзя»⁴¹.

Сам по себе рассказ этот – в контексте только что завершившегося дымовского процесса – выглядел актом суицида. Рассказ тем более странен, если учесть, что автор его – вчерашний чекист, прекрасно и сам умевший добиваться показаний от «контрреволюционеров». Чекистский опыт Бельского хорошо виден в тексте: следователь угрожает Храпову «свести» его «в гараж». Согласно многочисленным мемуарам, именно «в гараже», под шум моторов, происходили расстрелы в Одесской ЧК.

Однако написание рассказа не было актом отчаяния доведенного до истерического состояния журналиста; в этом случае рассказ вряд ли достиг бы печати. Вернее другое. Именно рассказ «Почтовым в Москву» должен был начать согласованную с ГПУ контркампанию, кампанию по разоблачению фальсификаторов дымовского дела.

В тексте причина внезапного освобождения Храпова не называется, но она достаточно легко угадывается: версия о его участии в «организа-

⁴¹ Бельский Я.М. Почтовым в Москву // Бурав. 1925. №1. С.3.

ции» не была подтверждена в ГПУ. Именно ГПУ, а не милиция несло ответственность за раскрытие контрреволюционных организаций. Таким образом, рассказ пронизан надеждой на то, что «в Москве», в ГПУ, разберутся и не дадут погибнуть невиновным. Контркампанию нужно было организовывать быстро: в судебных инстанциях шла кассация на приговор по дымовскому делу.

Вряд ли высших руководителей ГПУ интересовали судьбы безвинно осужденных дымовских крестьян. Однако николаевских журналистов судьбы эти, надо полагать, не оставляли равнодушными.

* * *

В Государственном архиве Российской Федерации хранится дело под названием «Копия статьи, помещенной в газете "Красный Николаев", о компрометирующих действиях селькора Малиновского и его жены». В составе этого дела – 4 машинописных листка, представляющих собою письмо во ВЦИК некоего Макара Малиновского, дымовского крестьянина, очевидно, родственника «селькора». Автор текста утверждает, что по жанру письмо является «статьей». Во ВЦИК была отправлена копия этой «статьи»: оригинал, скорее всего, был в редакции «Красного Николаева».

Копия статьи, присланная во ВЦИК, не датирована. Ее точная датировка достаточно сложна. С одной стороны, в ней есть указания на газетные публикации о Малиновском марта 1925 года. С другой, – она апеллирует к «комиссии, выделенной по делу Малиновского», к комиссии Подвойского. Из анализа содержания статьи видно: она была написана именно в декабре, а три месяца спустя – дополнена и исправлена.

Статья представляла собою расширенный вариант информационного сообщения ГПУ, зачитанного на николаевском суде. В ней сообщалось о том, что Малиновский не был селькором, а был, напротив того, бандитом и контрреволюционером, убивавшим красноармейцев и евреев, что при Деникине он устраивал «кутежи с белыми», а при красных занимался спекуляцией – в частности, купил дом в Николаеве за «девятьюстами миллионов рублей».

Нелицеприятно отзывался автор статьи и о вдове Малиновского Евдокии, про которую газеты сообщали, что она – после смерти мужа – поклялась продолжить его дело и сама стала селькором. В статье сообщалось, что она «ведет жизнь» «самую разгульную», пьянствует и открыто живет с Сергеем Добровольским, главным свидетелем на процес-

се. А на просьбы крестьян «прекратить подобный разгул жизни» отвечает «бранью» и «руганью», запугивает односельчан тюрьмой. Рассказывается в статье и о бандитском прошлом Добровольского, о том, что в Красной армии он, как и Малиновский, не служил, а документы о его службе поддельные.

Судебный процесс над «убийцами селькора» в тексте оценивается крайне негативно. На нем, согласно статье, «не были опрошены часть свидетелей, которые могли бы выявить подлинное лицо Малиновского».

«Правильность» статьи подтверждалась подписями восьми рабочих, из них четверо были членами партии. От себя рабочие просили «дать соответствующий ход делу, дабы не создавать разногласий и нежелательных эксцессов, дискредитирующих наш правительственный и центральный орган»⁴².

Даже беглого взгляда на этот текст достаточно, чтобы понять: его писал не крестьянин. В статье, в частности, подробно рассказывается о судьбе купленного Малиновским дома в Николаеве: называются имена владельцев дома, суммы, за которые дом перепродавался, пока, наконец, не перешел во владение «селькора». Кроме того, в статье приводятся результаты обыска, проведенного ЧК в 1920 году у Добровольского. В списке вещей, отобранных при обыске, значатся «шинеля (так в тексте. – *О.К., Д.Ф.*), белье, ботинки, медикаменты, хирургические инструменты и винтовка русского образца», а также чистые бланки советских документов «со штампом и печатью, каковые заверялись военруком Махро»⁴³.

Статья стилизована под крестьянское письмо: нарочито исковерканные фразы соседствуют в ней со вполне правильными литературными оборотами. Кроме того, дымовский крестьянин сам по себе вряд ли мог бы заручиться поддержкой восьми николаевских рабочих.

Текст этот явно написан при участии Бельского: без его связей в ГПУ собрать и обобщить такое количество оперативных данных было нереально. Вполне возможно, что именно он был и непосредственным автором статьи. Статья, будучи опубликованной в «Красном Николаеве», могла бы стать поворотным моментом в дымовском деле. И рассказ «Почтовым в Москву» призван был, таким образом, подготовить почву для ее публикации.

⁴² Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р 3316. Оп.64. Д.65. Л.1–4.

⁴³ Там же. Л.1, 3.

* * *

Однако разоблачение «селькора» на страницах газеты не появилось. Более того, сразу после выхода «Бурава» с рассказом «Почтовым в Москву» Бельский покинул «Красный Николаев»; в середине января его имя перестает упоминаться на газетных страницах. Тому есть логичное объяснение: партийная интрига, начавшаяся после дымовского приговора, опередила интригу ГПУ.

Л.С.Сосновский

Ситуация вокруг Дымовки была крайне сложной и запутанной. Безусловно зная о борьбе Троцкого и Сталина, одесский губком и николаевский окружком партии решили выступить против Сосновского. А в его лице – и против наркомвоенмора: «Николаевский окружком проявил особенное недовольство постановкой следствия и процесса, а одесский губком обвинил т. Л.Сосновского в том, что он допустил политически невыдержанное (почти что "контрреволюционное") противопоставление советского аппарата в деревне – крестьянству, дескать, т. Сосновский содействовал подрыву авторитета этого аппарата»⁴⁴.

К этому следует добавить, что против Сосновского выступил и Э.И.Квиринг, первый секретарь украинской компартии. Он заявил, что «некоторые товарищи, как, например, Сосновский, впадают в журналистский пафос и в порыве бичевания склонны посадить на скамью подсудимых весь советский и партийный аппарат»⁴⁵. Очевидно, украинские коммунисты всех уровней надеялись, что, по партийному «одернув» троцкиста, они тем самым докажут свою верность Сталину.

⁴⁴ По поводу дымовского дела // *Рабоче-крестьянский корреспондент*. 1925. Январь. №1. С.68. – Разбирательство в Центральной контрольной комиссии (ЦКК) РКП (б) по претензиям Одесского губкома и Николаевского окружкома к Сосновскому см.: ГАРФ. Ф. Р 374. Оп.27. Д.2042.

⁴⁵ Квиринг Э.И. Предисловие // *Аграновский А.Д. Указ. соч.* С.3–4.

Поначалу демарш украинских партийцев был на руку ГПУ. Однако в итоге ситуация сложилась иначе: 26 января 1925 г. Троцкий ушел с поста наркомвоенмора, и Сталин решил на время остановить антитроцкистскую кампанию. Для окончательной победы над врагом у «триумвирата» пока не было сил: Троцкий, соратник Ленина, был уважаем и любим многими членами партии.

В день отставки Троцкого Сталин выступил на заседании Оргбюро ЦК РКП (б) с речью «О Дымовке». Он взял под защиту Сосновского и указал украинским партийным властям на их место: «Говорят, что Сосновский перегнул палку. Но в таких случаях, когда есть общий уклон в сторону официальности, между тем как язвы все-таки кроются где-то там и портят всю работу, в таких случаях перегнуть палку следует. Обязательно следует. Это неизбежно». «Дело не в том, что селькор убит, тем более – не в том, чтобы секретаря окружного комитета или губкома не обидеть, а в том, чтобы поставить на рельсы дело улучшения нашей строительной социалистической работы в деревне», – констатировал Сталин⁴⁶.

3 февраля осужденные дымовские крестьяне были расстреляны⁴⁷.

А 6 февраля «Правда» опубликовала совместное постановление ЦК и ЦКК РКП (б) «О событиях в Дымовке в связи с убийством селькора Григория Малиновского». Постановление это базировалось на речи Сталина и выводах комиссии Подвойского.

Постановление, в частности, гласило: «Констатировать... что, даже несмотря на сообщения коммуниста селькора Григория Малиновского о неблагополучии в Дымовке, николаевский окружком, который не мог не знать о разоблачениях тов. Малиновского в печати, не принял необходимых мер к раскрытию деятельности указанной преступной шайки... не обратил на сообщенные т. Малиновским факты должного внимания, не проверил их и не помешал печатанию *ложных опровержений, исходящих от разложившихся, преступных элементов из дымовских организаций* (курсив наш. – О.К., Д.Ф.)... Признать, что николаевский окружком, а также одесский губком не оценили своевременно и в должной мере политического смысла убийства селькора Малиновского...

ЦК и ЦКК считают нужным отметить большую заслугу тов. Сосновского в том, что он своими выступлениями в печати в связи с убийством селькора Малиновского поднял интерес широких кругов рабо-

⁴⁶ Сталин И.В. *О Дымовке* // Сталин И.В. Сочинения. М., 1952. Т.7. С.19–24.

⁴⁷ *Убийцы Малиновского расстреляны* // Селькор. 1925. №1. С.18.

чих и крестьян к процессу, к выявлению его политического смысла и к вопросу о состоянии низового советского аппарата в деревне»⁴⁸.

Авторов постановления реальность интересовала еще меньше, чем Троцкого со Сталиным: они были уверены, что «ложных опровержений» было несколько.

Однако наивно было бы полагать, что Дзержинский, по ведомству которого Троцкий нанес сильный удар, откажется от борьбы. Через неделю после публикации постановления ЦК и ЦКК он написал письмо в Политбюро, в котором в ультимативной форме потребовал прекратить пропагандистскую истерию вокруг дымовского дела. «Печатание в газетах статей, заметок, сообщений об убийстве селькоров, а также отчетов о судебных по ним процессах считаю вредным... Метод обличения в печати без достаточной и необходимой организационной подготовки – это не реальный метод борьбы», – заявил он. И добавил, что селькоры должны быть «персонально проверены», а сведения, которые они предоставляют, «всесторонне разработаны»⁴⁹.

Письмо свидетельствует: Дзержинский был в курсе истинного положения дел, знал, что «селькорство» не проверенного «персонально» Малиновского более чем сомнительно. Более того, между строк этого письма явственно читалась угроза разоблачения организаторов фальсификации. По-видимому, новый, мартовский вариант статьи «о компрометирующих действиях селькора Малиновского», отосланный во ВЦИК, был призван подтвердить правоту «железного Феликса», дать ему возможность подкрепить свое письмо в Политбюро реальными сообщениями «с мест».

* * *

После публикации постановления ЦК и ЦКК М.Л.Киселев проработал в газете месяц: с 14 марта временно исполняющим должность редактора стал Я.З.Городской. По-видимому, Городской сделал попытку опубликовать разоблачительный текст о Малиновском – в новой редакции, однако был остановлен местным агитпропом. Руководил Николаев-

⁴⁸ *Правда*. 1925. №30 (2961). 6 февраля. С.3.

⁴⁹ Дзержинский Ф.Э. Письмо в Политбюро ЦК РКП (б) о терроре против селькоров от 15.02.1925 // Архив А.Н.Яковлева: Электронная версия.

URL: <http://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/1020036> (дата обращения: 05.01.2013).

К ИСТОРИИ СОВЕТСКОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПЕЧАТИ

ским агитпропом некто И.Лисин, в прошлом партийный функционер одного из николаевских заводов, отвечавший, в частности, за работу заводской стенгазеты «За новый быт».

29 марта 1925 г. Лисин выступил с докладом на 2-м съезде николаевских селькоров, приуроченном к годовщине смерти Малиновского; доклад назывался «Задачи советской печати». Действия сотрудников «Красного Николаева» вызвали у автора доклада негодование: «Кто участвует в рабочей печати, тот должен знать, какая линия в ней проводится. Иначе в фактах можно запутаться, не тонко зная условия, в которых проводится линия»⁵⁰.

Я.З.Городской

Через два дня после выступления, 1 апреля 1925 г., Лисин стал редактором газеты, а Городской вскоре вообще ушел из нее. Таким образом, «Красный Николаев» Киселева, Бельского и Городского перестал существовать.

Однако статья «о компрометирующих действиях селькора Малиновского и его жены», даже не будучи опубликованной, имела серьезные последствия. Дымовская тема стремительно ушла со страниц печатных изданий: по-видимому, о «смерти селькора» просто запрещено было упоминать. Дзержинский, в отличие от николаевских журналистов, добился своего: последствия нападения Сосновского на ГПУ были сведены к минимуму.

Административные «уроки» из произошедших событий власти делали еще много месяцев: на Украине прошла чистка партийных и советских органов. Были переизбраны одесский губком и николаевский окружком. Был переведен на другую работу Квириг – его место занял Лазарь Каганович. Лишился поста окружной прокурор Идин. В николаевской прокуратуре был установлен режим «прямого управления»: она была выведена из подчинения Одесской губернской прокуратуры и стала напрямую подчиняться Генеральному прокурору СССР⁵¹.

⁵⁰ Лисин И. Задачи советской печати // КН. 1925. №1267. 29 марта. С.3.

⁵¹ См. об этом: *Історія органів прокуратури області // Прокуратура Миколаївської об-*

* * *

История газеты «Красный Николаев» 1920-х гг. типична и уникальна одновременно. Созданная усилиями талантливых энтузиастов-журналистов, считавших себя строителями новой пролетарской печати, николаевская газета была яркой, любимой читателями. Однако к середине 1920-х годов она потеряла свои кадры, стала скучным партийным изданием и в этом смысле ее история характерна для всей советской прессы. Но масштаб катастрофы, произошедшей с газетой в 1924–1925 годах, был, конечно, уникальным для региональной прессы той эпохи. Однако вскоре такие катастрофы станут для советских газет обычным делом.

ласті: Официальный сайт.

URL: http://www.myk.gp.gov.ua/ua/dovmat.html?_m=publications&_t=rec&id=126056 (дата обращения: 28.11.2013).

Наши авторы

Кургинян Сергей Ервандович

кандидат физико-математических наук, политолог,
Президент Международного общественного фонда
«Экспериментальный творческий центр»,
главный редактор журнала «Россия XXI»,
главный режиссер театра «На досках»

Дегоев Владимир Владимирович

доктор исторических наук,
руководитель Центра проблем Кавказа и региональной
безопасности, профессор МГИМО-Университета МИД России

Журавлев Валерий Васильевич

профессор, доктор исторических наук,
заведующий кафедрой новейшей истории России
Московского государственного областного университета,
руководитель «Центра документальных публикаций» РГАСПИ

Монастырев Михаил Михайлович

аспирант Института законодательства
и сравнительного правоведения при Правительстве РФ

Давыдов Александр Юрьевич

доктор исторических наук,
профессор кафедры русской истории
Российского государственного педагогического
университета им. А.И.Герцена, Санкт-Петербург

Киянская Оксана Ивановна

доктор исторических наук, профессор кафедры
литературной критики факультета журналистики РГГУ

Фельдман Давид Маркович

доктор исторических наук, профессор кафедры
литературной критики факультета журналистики РГГУ

Our authors

Kurginyan Sergey Ervandovich

Ph.D. in physics and mathematics, specialist in political sciences,
President of the International Public Foundation
“Experimental Creative Center”, Editor-in-chief of “Russia XXI”,
Chief producer of the Theatre “On the Boards”

Degoev Vladimir Vladimirovich

D. Sci., historian, Director of the Center for the Caucasus Problems
and Regional Security, Professor of Moscow State Institute
of International Relations–University

Zhuravlev Valeriy Vassilievich

D. Sci., historian, Professor, the Head of Chair for the Modern
Russian History, Moscow State Regional University,
the Chief of the “Centre Documentary Publications”,
the Russian Record Office of Social-Political History

Monastyrev Mikhail Mikhailovich

Post-graduate student, Institute of Legislation and Comparative Law
under the Government of the Russian Federation

Davydov Alexander Yur’evich

D.Sci., historian, Professor, Chair of Russian History,
A.I.Gertsen Russian State Pedagogical University, St. Petersburg

Kiyanskaya Oksana Ivanovna

D.Sci., historian, Professor, Chair of Literary Criticism,
Faculty of Journalism, Russian State University for the Humanities

Fel’dman David Markovich

D.Sci., historian, Professor, Chair of Literary Criticism,
Faculty of Journalism, Russian State University for the Humanities

ЖУРНАЛ МОЖНО КУПИТЬ

в Москве

«Фаланстер», М.Гнездниковский пер., д.12/27, стр.3;
«Циолковский», Политехнический музей, подъезд 7д;
киоск в РГБ, ул. Воздвиженка, д.3/5, 3-ий читательский
подъезд;

в Санкт-Петербурге

магазин «Книжный окоп»,
Тучков пер., 11/5

по всей России

журнал «Россия XXI» можно
заказать с доставкой или купить
в книжном интернет-магазине «Русская деревня».
Адрес: Москва, Глинищевский переулок, дом 6
(за книжным магазином «Москва», под вывеской
«Союз женщин России»)
Телефон: (495) 650-60-31,
сайт www.hamlet.ru

Журнал можно купить в редакции.

Тел. (495)691-74-79

**E-mail: russia21@ecc.ru,
kurilenkova@ecc.ru**

123001, Москва, ул. Садовая-Кудринская, 22/21, стр.1-2

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ:

Подписные индексы:
39363 – по объединенному каталогу «Пресса России»
83496 – по каталогу Агентства «Роспечать».

Альтернативная подписка:
ООО Агентство «Артос-Гал» т/ф (495)795-23-00

Для иностранных читателей
подписка проводится
через агентство «МК-Периодика»:
тел. (495) 672-70-12, факс (495)306-37-57
e-mail: export@periodicals.ru

Подписка на электронную версию журнала
оформляется через Научную электронную библиотеку:
www.eibrary.ru

ISSN 0869–8503

Учредитель: Международный общественный фонд
«Экспериментальный творческий центр»
(Центр Кургиняна), МОФ-ЭТЦ

Журнал зарегистрирован 20 января 1993 года.
Регистрационное свидетельство №011074.

© «Россия XXI», 2014.

Цена свободная.

Адрес редакции:

123001, Москва, Садовая-Кудринская, 22/21, стр.1-2

Телефон (495)691-74-79, факс (495)694-17-54

E-mail russia21@ecc.ru

<http://www.russia-21.ru>

Перепечатка допускается по соглашению с редакцией,
ссылка на «Россию XXI» обязательна.

Подписано в печать 17.04.2014. Формат 60x88 1/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная №1. Объем 12 печ. л.
Тираж 1500 экз (13-д - 1000 экз.). Заказ №

Отпечатано в «Академиздатцентр «Наука» РАН»,
ОП Производственно-издательский комбинат «ВИНИТИ»–«Наука»,
140014, Московская обл., г. Люберцы, Октябрьский пр-т, д. 403.
Тел./факс: 554-21-86, 554-25-97, 974-69-76.

2.2014 march-april

Theory and Practice of Political Games

Sergey Kurginyan

The People's Will and the Meeting Democracy _ **6**

Labels and Myths

Vladimir Degoev

The Dark Ages of the Caucasus History _____ **26**

Pages of History

Valeriy Zhuravlev

World War I in Human Dimension:
Power and Society _____ **62**

Mikhail Monastyrev

Abdication of Nicholas II and Mikhail
Aleksandrovich: Legal Validity
of the Romanovs' Last Manifests (the end) ____ **96**

Alexander Davydov

Nomadic and Meshochnicheskaya
Russia : the Survival of the Russian
Population in the Catastrophe
of Civil War _____ 126

Topical Archive

Oksana Kiyanskaya, David Fel'dman

The Dymovka Affair:
an Episode of the Soviet Regional
Press History _____ 162